

Х
И
Д
Е
О

Ё
К
О
Я
М
А

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

Миллион экземпляров книги был продан в Японии
в первые шесть дней после ее выхода в свет.

Library Thing

Иностранный детектив

Хидео Ёкояма

64

«Центрполиграф»

2012

УДК 821.521
ББК 84(6Япо)

Ёкояма Х.

64 / Х. Ёкояма — «Центрполиграф», 2012 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-07987-9

В небольшом городе недалеко от Токио похищена и убита девочка. Спустя четырнадцать лет за год до истечения срока давности генеральный комиссар полиции намеревается нанести визит безутешному отцу и принести извинения за то, что преступник так и не был найден. Визит большого начальника будоражит полицейское управление и заставляет всех участников расследования вернуться к старому делу. Внезапно происходит новое похищение, на этот раз – юной девушки, причем злоумышленник в точности повторяет дело четырнадцатилетней давности...

УДК 821.521
ББК 84(6Япо)

ISBN 978-5-227-07987-9

© Ёкояма Х., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	54
Глава 13	57
Глава 14	63
Глава 15	71
Глава 16	76
Глава 17	81
Глава 18	84
Глава 19	86
Глава 20	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Хидео Ёкояма

64

64 by Hideo Yokoyama Copyright © 2012 by Hideo Yokoyama

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

В вечернем сумраке плясали снежинки.

Выходя из такси, он почувствовал, как у него затекли ноги. У входа в участок их ждал судмедэксперт в форменном полицейском плаще. Он пригласил их войти. Миновав дежурную часть, они зашагали по мрачному коридору и вышли через боковую дверь, ведущую на служебную парковку.

Морг размещался в отдельно стоящем здании в самом дальнем углу участка; это было приземистое строение без окон под металлической крышей. Судмедэксперт отпер дверь и посторонился, пропуская их вперед. Почтительно поклонился, давая понять, что подождет снаружи.

«Я забыл помолиться...»

Ёсинобу Миками толкнул дверь. Заскрипели ржавые петли. В глазах и в носу защипало от крезола. Минако судорожно схватила его за локоть. На потолке ярко горели лампы. Высокий, на уровне пояса, смотровой стол был застелен синей клеенкой; на клеенке под белой простыней угадывались очертания тела, слишком маленького для взрослого, слишком большого для ребенка. Минако в ужасе отпрянула.

Аюми...

Миками напряженно молчал, боялся, что, произнеся имя дочери вслух, притянет беду и под простыней окажется ее труп...

Он осторожно отвернул край простыни.

Волосы. Лоб. Закрытые глаза. Нос, губы... подбородок.

Они увидели бледное лицо незнакомой мертвой девушки и снова смогли дышать. Минако прижалась лбом к его плечу. Пальцы, крепко сжимавшие его локоть, слегка разжались.

Миками посмотрел в потолок и вздохнул с облегчением. Поездка сюда из префектуры Д. – на скоростном поезде «Синкансэн», затем на такси – заняла четыре часа, а само опознание длилось несколько секунд. Им позвонили и сообщили, что обнаружена молодая утопленница, – скорее всего, она покончила с собой. Миками и Минако тут же отправились в дорогу. Им сказали, что утопленницу выловили из озера вскоре после полудня.

Ее каштановые волосы были еще влажными. На вид ей можно было дать лет пятнадцать – семнадцать, может быть, немного больше. В воде она пробыла недолго. Труп не успел раздуться, и лицо оставалось нежным, полудетским, с пухлыми губами, можно было подумать, что она просто спит...

Какая горькая ирония! Девушка была красавицей – именно такой, какой хотела стать Аюми. Даже сейчас Миками еще не мог спокойно вспоминать о том, что случилось три месяца назад.

В тот день он услышал шум из комнаты Аюми наверху. Не просто шум – страшный грохот и удары, как будто кто-то с силой топал ногами. Вбежав, он увидел, что большое зеркало разбито вдребезги. Сама Аюми сидела в темноте в дальнем углу комнаты. Она била и царапала себе лицо, стараясь разодрать его: «Ненавижу эту рожу! Я хочу умереть...»

Глядя на молодую утопленницу, Миками сложил ладони. У этой девушки наверняка есть родители. Сегодня или завтра им придется прийти сюда и пережить настоящий ужас...

– Пойдем отсюда! – хрипло сказал Миками. В горле у него пересохло.

Минако была словно неживая; она даже кивнуть не попыталась. Зрачки стали огромными, в глазах не было ни мыслей, ни эмоций. Они переживали подобное уже не в первый раз – за последние три месяца их трижды вызывали на опознание, когда обнаруживали трупы ровесниц Аюми.

Выпавший снег успел растаять и превратиться в слякоть. Посреди парковки стояли трое; их дыхание на холоде превращалось в пар.

– Какое облегчение! – Бледный, явно добродушный начальник участка нерешительно улыбнулся и протянул Миками свою визитную карточку. Он был в полной форме, хотя его смена давно закончилась. То же самое можно было сказать о директоре местного уголовного розыска и его заместителе, которые стояли по бокам начальника.

Миками расценил их учтивость как дань почтения – вдруг бы он узнал в утопленнице свою дочь. Он уважительно поклонился им:

– Спасибо, что так быстро известили нас...

– Не за что... Мы ведь коллеги. – Опустив дальнейшие формальности, начальник участка жестом пригласил их зайти: – Пойдемте, вам нужно согреться.

Миками почувствовал легкий толчок в спину. Обернувшись, столкнулся с пытливым взглядом Минако. Ей хотелось как можно скорее уйти. Он испытывал то же чувство.

– Вы очень добры, но нам пора идти. Мы должны успеть на поезд.

– Нет-нет, что вы, оставайтесь! Мы заказали вам гостиницу.

– Мы высоко ценим вашу заботу, но нам в самом деле пора ехать. Завтра мне на работу.

Начальник участка опустил взгляд на его визитку:

«Суперинтендент Ёсинобу Миками. Директор по связям с прессой. Административный департамент, подразделение личного состава. Полицейское управление префектуры Д.».

Он вздохнул и посмотрел на Миками:

– Наверное, с журналистами трудно иметь дело.

– По-всякому бывает, – уклончиво ответил Миками и живо представил, как выбежал из своего управления по связям со СМИ в разгар жаркого спора.

Репортеры с пеной у рта отстаивали свое право знать персональные данные участников тех или иных происшествий. Как только ему позвонили и сообщили об утопленнице, ничего не объясняя, он вскочил и ушел. Наверняка журналисты пришли в бешенство – они ведь не в курсе того, что случилось в его семье.

– Мы еще не закончили! Миками, вы что же, сбегаете? – кричали они.

– Давно вы перешли в управление по связям со СМИ? – сочувственно спросил начальник участка. В кругах отношениями с прессой ведают либо заместитель начальника участка, либо заместитель директора того или иного департамента. В еще более мелких подразделениях на линию огня вынужден выходить сам начальник.

– Только с весны. Хотя и раньше некоторое время работал там... правда, недолго.

– Вы всегда служили в административном департаменте?

– Нет. Раньше я работал в уголовном розыске... во Втором управлении. – Даже сейчас эти слова вызвали у него прилив гордости.

– Наверное, зная о вашем опыте в уголовном розыске, представители прессы к вам прислушиваются.

– Очень хочется верить.

– Знаете, нам с ними бывает трудно. Встречаются... репортеры, которые предпочитают писать что им заблагорассудится, независимо от того, правда это или нет. – Начальник участка махнул рукой в направлении гаража, и тут же зажглись фары его служебной машины.

Такси, на котором они сюда приехали, нигде не было видно, хотя он попросил водителя подождать. Миками снова получил толчок в спину, но он счел неудобным вызывать еще одно такси, это обидело бы начальника участка, который действовал из лучших побуждений.

Уже стемнело, когда они поехали на станцию.

– Вон там озеро, – пояснил начальник участка, сидящий рядом с водителем.

Впереди справа мелькнула широкая темная полоса. Миками показалось, что начальник участка охвачен благоговейным страхом.

– Интернет – страшная штука! Есть там один зловеющий сайт, называется «Десять лучших мест для самоубийства». Наше озеро входит в список. Ему дали странное название... кажется, озеро Обещания.

– Озеро Обещания?

– Если смотреть на него под определенным углом, оно похоже на сердце. На сайте утверждают, что озеро дарует истинную любовь в следующей жизни. Сегодняшняя девушка уже четвертая. Она не так давно приехала сюда из самого Токио. Сначала в местной газете появился большой репортаж, а теперь еще и телевизионщики приехали...

– Ужас!

– Вот именно. Распинаться о самоубийцах подлю! Будь у нас побольше времени, Миками, я бы попросил у вас совета, как лучше иметь с ними дело. – Начальник участка говорил и говорил, как будто считал, что молчать неудобно. Миками, наоборот, не испытывал никакого желания поддерживать беседу, его ответы становились все короче.

Их вызвали напрасно. В озере утопилась не Аюми. Тем не менее радости он не испытывал. Его мысли не слишком отличались от тех, что одолевали его по пути сюда. Молиться, чтобы утопленница оказалась не их дочерью... Он прекрасно понимал: это все равно что желать, чтобы погибла чья-то чужая дочь.

Минако сидела рядом с ним совершенно неподвижно. Их плечи соприкасались. Ее фигура показалась Миками необычно хрупкой.

На перекрестке машина повернула. Впереди засверкало ярко освещенное здание вокзала. Широкую привокзальную площадь украшало несколько памятников. Народу на площади почти не было. Миками слышал, что вокзал здесь построили в результате каких-то политических интриг. Никого не смутило то, что пассажиров в этих краях явно недостаточно для такого дворца.

– Пожалуйста, не выходите, вы промокнете, – быстро проговорил Миками, открывая заднюю дверь.

И все же начальник вышел под дождь.

– Прошу, примите мои извинения за недостоверную информацию, из-за которой вам пришлось ехать сюда, – быстро произнес он и покраснел. – Мы решили... судя по ее росту и расположению родинки... что она может оказаться... Надеюсь, мы не причинили вам слишком большого огорчения.

– Что вы, конечно нет! – Миками даже отмахнулся, но начальник участка все не умолкал:

– Все будет хорошо. Ваша дочь жива и здорова. Мы непременно найдем ее. У вас двести шестьдесят тысяч друзей, которые круглосуточно ищут ее.

Миками склонился в уважительном поклоне и не разгибался, пока черная машина не скрылась из вида. Выпрямившись, он увидел, что Минако мокнет под холодным дождем. Он притянул ее к себе, и они зашагали к станции. Его внимание привлек свет в окне полицейского поста – кобан. Совсем рядом, на дороге, сидел старик, похоже пьяный; он вяло отмахивался от молодого полицейского, который пытался его поднять.

«Двести шестьдесят тысяч друзей...»

Начальник участка несколько не преувеличивал. Аюми искали сотрудники всех окружающих участков. Фотографию Аюми разослали во все подразделения страны. Днем и ночью стражи порядка, с которыми Миками не был знаком и которых никогда в жизни не видел, искали его дочь, как своего ребенка. Полиция – одна большая семья. Подобные мысли вселяли уверенность, и Миками чувствовал себя обязанным – не проходило дня, чтобы он не испытывал благодарности за то, что служит в такой мощной и разветвленной организации. И все же...

Миками пригнул голову, поежившись на пронизывающем ветру. Он представить себе не мог, что когда-нибудь ему понадобится помощь... и он продемонстрирует такую слабость.

Покорность. Время от времени ему казалось, будто у него закипает кровь. Правда, Минако он в этом не признавался.

Найти пропавшую дочь. Обнять ее, живую. Миками знал: ради этого родители готовы преодолеть любую преграду.

В поезде оказалось много свободных мест. Миками пропустил Минако к окну и прошептал:

– Начальник участка прав. Она жива. Все у нее нормально.

Минако ничего не ответила.

– Ее скоро найдут. Тебе не нужно беспокоиться.

– Да...

– Не забывай о звонках... Она хочет вернуться, только гордость не позволяет. Вот увидишь, совсем скоро она объявится, придет домой.

Минако смотрела так же безучастно, как и прежде. Ее точеные черты отражались в темном окне поезда. Вид у нее был усталый. Она перестала пользоваться косметикой и ходить в парикмахерскую. А как бы она повела себя, поняв, что тем самым лишь подчеркивает свою природную красоту?

Посмотрев в окно, Миками увидел там и свое отражение... И лицо Аюми. Она проклинала свое лицо, так похожее на отцовское.

Она злилась на красавицу мать... Миками медленно отвернулся от окна. Все пройдет. Как корь. Рано или поздно она образумится. Тогда она вернется домой, высунув язык, как, бывало, в детстве, когда совершала ошибки. Не может она в самом деле их ненавидеть, не может их Аюми нарочно причинять им боль.

Поезд слегка качнуло. Минако положила голову ему на плечо. Дышала она неровно, и Миками не знал, плачет она или просто заснула.

Он закрыл глаза, но по-прежнему видел перед собой окно и в нем – отражение таких непохожих супругов.

Глава 2

С самого утра на равнинах префектуры Д. дул сильный северный ветер.

Впереди на светофоре зажегся зеленый свет, и вереница машин сдвинулась с места. Миками вздохнул и закурил. Очередной квартал начали застраивать высотными жилыми домами; стройка постепенно загоразживала горы, которые раньше были хорошо видны из окна машины.

Пятьсот восемьдесят тысяч квартир. Миллион восемьсот двадцать тысяч граждан. Миками запомнил цифры из демографического отчета, напечатанного в утреннем выпуске газеты. Почти треть населения префектуры жила или работала в городе Д. В результате нелегкого и затяжного процесса централизации город Д. включил в свой состав несколько соседних городков, поселков и деревень. А система общественного транспорта оставляла желать лучшего, ее срочно требовалось развивать. В Д. были поезда и автобусы, но немного, да и маршруты охватывали не все районы, на дорогах постоянно возникали заторы.

«Да двигайтесь же!» – ворчал про себя Миками. В начале декабря утренние пробки были особенно большими. Вот-вот по радио прозвучит сигнал – восемь часов. Он уже различал впереди шестиэтажное здание Центрального полицейского управления префектуры. Неожиданно для себя он испытал ностальгию по этим неприветливым, но таким знакомым стенам, несмотря на то что он пробыл вдали от управления, на севере, всего полдня. И вовсе не обязательно было так далеко уезжать. Он с самого начала подозревал, что лишь напрасно потратит время. Теперь, день спустя, все казалось ему очевидным. Больше всего на свете Аюми не любит холод; нелепо думать, что она могла уехать на север. И еще более нелепо полагать, что она решила утопиться в замерзшем озере.

Миками смял окуроч и нажал на газ. Впереди показался просвет, достаточный для нескольких машин. Ему каким-то чудом удалось не опоздать.

Оставив машину на служебной парковке, он поспешил к главному входу, но, прежде чем войти, по привычке посмотрел на места, зарезервированные для представителей прессы.

Он замер на месте. Рано утром эта часть парковки обычно пустовала, но сегодня там – ни одного свободного места! Наверное, внутри уже собрались корреспонденты всех новостных агентств. Миками нахмурился. Скорее всего, журналисты явились, чтобы продолжить вчерашний спор, и теперь ждут, когда он объявится. Хотят подловить его пораньше...

Миками вошел через центральный вход. До управления по связям со СМИ – меньше десяти шагов по коридору. Толкнув дверь, он увидел перед собой три испуганных лица. Его первый заместитель Сува, помощник Сувы Курамаэ сидели за столами у стены. Стол Микумо – у самой двери. Из-за тесноты невозможно долго кланяться в знак приветствия.

До весны помещение было еще меньше; потом Миками приказал снести перегородку, отделявшую кабинет от архива. И все же здесь становилось очень шумно и душно, когда к ним врывались многочисленные репортеры. Миками боялся, что застанет у себя целую толпу, но пока представителей прессы не было видно. Он сел за свой стол у окна с чувством человека, который был на волосок от гибели. Сува подошел к нему, не дожидаясь, пока Миками его позовет, и сразу же спросил:

– Простите... Как у вас все прошло вчера?

Миками этого не ожидал, ночью он позвонил своему непосредственному начальнику, главе секретариата Исии, и подробно доложил о том, как прошло опознание. Миками думал, что Исии сообщит об этом всем сотрудникам управления по связям со СМИ.

– Там была не она. Спасибо, что спросили.

Сува и Курамаэ облегченно переглянулись, а Микумо подскочила к полке и достала оттуда кружку Миками.

– Ближе к делу, Сува. Журналисты здесь?

Миками дернул подбородком, указывая в сторону. За стеной размещался пресс-центр, где регулярно находились члены прессклуба, неформальной организации, состоящей из представителей тринадцати местных новостных агентств.

Сува снова помрачнел:

– Да, они все там. Поговаривают о том, что вас надо наказать... Скоро они сюда вломятся. Наказать его?! Миками вдруг страшно разозлился.

– Кстати, если вы беспокоитесь... мы сказали им, что вчера вам пришлось срочно уйти из-за болезни родственника.

Миками кивнул.

Сува отличался редкой сообразительностью. Его по праву называли «аналитиком», «настоящим пиарщиком», докой по связям с прессой. Сува носил звание младшего инспектора; он начал службу в административном департаменте и быстро пошел на повышение. Два года он работал в участке в чине сержанта, после чего три года провел в управлении по связям со СМИ. Сува прекрасно разобрался в состоянии современной прессы. И хотя время от времени его раннее не по годам развитие раздражало Миками, он восхищался умением Сувы переманить репортеров на свою сторону, его дипломатичностью и аналитическими способностями. В самом деле, прирожденный пиарщик! После повышения Сува еще больше отточил свои навыки. В департаменте его все больше уважали.

Миками не слишком удивился, когда его самого прикомандировали к управлению по связям со СМИ. Ему исполнилось сорок шесть лет; в управление по связям со СМИ он попал после двадцати лет службы по другому ведомству. До весны он служил заместителем начальника Второго управления уголовного розыска; до того был начальником сектора в отделе насильственных преступлений. Его оперативной группе поручались дела о коррупции и мошенничестве на выборах.

Миками встал и повернулся к информационному щиту, висевшему на стене рядом с его столом.

«Префектура Д., полицейское управление. Пресс-релиз. 5 декабря 2002 года, четверг».

По утрам он как директор по связям с прессой обязан был проверить все пресс-релизы, которые предстояло передать журналистам.

К ним поступали многочисленные телефонные звонки и факсы; им сообщали обо всех происшествиях и преступлениях, совершенных на территории девятнадцати окружных участков, подчиняющихся префектуральному управлению. Недавно все управление оснастили компьютерами; к звонкам и факсам добавилась электронная почта. Подчиненные Миками обязаны были составлять сводку происшествий по образцу. Распечатки помещались на щите в самом управлении и в пресс-центре. Одновременно они связывались с новостным каналом префектуры. Благодаря их деятельности пресса получала возможность освещать работу полиции. И все же именно пресс-релизы часто служили источниками разногласий.

Миками посмотрел на настенные часы. Восемь тридцать две. Интересно, чем сейчас заняты журналисты?

– Простите, у вас найдется свободная минутка? – К столу Миками подошел Курамаэ. Его гибкая и тонкая фигура не сочеталась с «массивной» фамилией – один ее иероглиф обозначал «склад». Говорил он, как всегда, негромко. – Я насчет... дела о мошенничестве при торгах.

– Да, конечно. Удалось вам что-нибудь выяснить?

– Ох... – Курамаэ запнулся.

– В чем дело? Исполнительный директор не сознается?

– Если честно, мне не удалось...

– Что вам не удалось? – Сам того не сознавая, Миками сурово возрился на Курамаэ.

Прошло уже пять дней с тех пор, как сотрудники Второго управления угрозыска арестовали несколько человек по обвинению в преступном сговоре с целью завышения цен при строительстве музея изящных искусств. В шести строительных компаниях-посредниках прошли обыски; восьмерых руководителей отправили за решетку. Однако следствие было далеко от завершения. Главной целью стала региональная компания-подрядчик «Хаккаку констракшен», которая, как подозревали, и стоит за всей мошеннической схемой. Миками слышал, что исполнительного директора без лишнего шума пригласили «на беседу» в один из окружных участков. Последние несколько дней он добровольно приходил на допросы. Если удастся доказать его вину, арест главаря преступной сети станет настоящей сенсацией для всех местных СМИ.

Во Втором управлении часто пресс-релизы и официальные заявления о произведенных арестах делались ближе к ночи. Вчера Миками послал Курамаэ узнать о последних новостях, чтобы репортеры в случае необходимости успели передать новость в утренние выпуски. Иначе могла получиться неловкая ситуация.

– Вы хотя бы выяснили, в самом ли деле исполнительного директора вызывали на допрос?

Курамаэ виновато потупился:

– Я спросил заместителя директора. Но он...

Миками догадался, что случилось. Сотрудники угрозыска отнеслись к Курамаэ как к шпиону.

– Ладно, ничего. Попозже я сам к ним схожу.

Миками проводил взглядом опечаленного Курамаэ и вздохнул. Раньше Курамаэ служил в канцелярии Второго управления в одном из окружных участков. Миками отправил его во Второе управление в надежде, что тот добудет свежие данные благодаря своим связям. Оказалось, что он переоценил возможности своего подчиненного. Многие детективы до сих пор считают: все, что передается в управление по связям со СМИ, попадает в лапы журналистов, которые потом используют полученные сведения как рычаг давления на полицию...

Так же думал и Миками, когда служил в уголовном розыске.

С первых дней службы его учили не доверять управлению по связям со СМИ. Их называли «пешками прессы», «сторожевыми псами административного департамента», «местом, где можно отсидеться перед экзаменом на чин». Примерно то же самое говорил и Миками, повторяя слова своих придирчивых командиров. Дружба с представителями прессы даже издали казалась ему отвратительной. Вечер за вечером эти, с позволения сказать, полицейские торчат с журналистами в барах; пьют с ними и подлизываются к ним. И даже если они оказываются на месте преступления, то держатся в стороне и в основном болтают с репортерами.

Миками никогда не считал сотрудников управления по связям со СМИ своими коллегами. Вот почему он огорчился, когда его в первый раз направили туда после трех лет службы в уголовном розыске. Ему казалось, что его унизили, сочли неудачником. К работе на новом месте он приступал в полном отчаянии, сознавая свою неспособность справиться с задачей. Однако спустя год – он не успел даже толком сориентироваться на новом месте – его вернули в уголовный розыск.

Возвращение очень обрадовало его, но вскоре оказалось, что годичную «командировку» нельзя считать простой прихотью отдела кадров. Он все меньше доверял системе и все больше боялся. Он работал самозабвенно, боясь очередного перевода. После первой «командировки» прошло пять, потом десять лет – а он все еще волновался. По правде говоря, страх лишь подхлестывал его; он стремился исполнять свой долг как можно лучше. Миками не ленился, отворачивался от любых искушений, почти не отдыхал. Его рвение принесло плоды. За время работы в Первом управлении он получал одну благодарности за другой, хотя ему довелось послужить в разных отделах: занимался и кражами, и тяжкими преступлениями, служил в отделе специальных расследований.

И только после перевода во Второе управление Миками наконец успокоился. Теперь он мог считать себя настоящим детективом. Ему казалось, он нашел свою нишу в уголовном розыске. Его «специализацией» стали ненасильственные преступления. Сначала он занимался ими в окружном управлении, затем перешел в Центральное управление префектуры. И все же он чувствовал в себе изъян. Сослуживцы не позволяли ему забыть о «пропуске» длиной в год. Всякий раз, как щекотливая информация по какому-нибудь делу просачивалась в газеты, коллеги и начальство избегали смотреть на него. Что-то, наверное, объяснялось приступами паранойи, но далеко не все. Он часто испытывал леденящий ужас, когда начиналась «охота на ведьм»... понять его состояние мог только тот, кто сам пережил нечто подобное. Начальство ценило Миками, его даже повысили, сделали инспектором, но его никогда не включали в оперативную группу по отслеживанию источника утечек. В каком-то смысле первую командировку в управление по связям со СМИ можно было сравнить с судимостью.

«Вы станете нашим новым директором по связям с прессой»...

Когда Акама, директор административного департамента, предварительно уведомил его о новом назначении, Миками совершенно растерялся. В голове крутилось единственное слово: «судимость».

Акама назвал основную причину, по которой на пост выдвинули именно Миками:

– Не желаю умывать руки и не хочу допускать, чтобы журналисты клевали нас за каждую, даже самую незначительную, ошибку. Они не понимают сути нашей работы; кроме того, у них неверные представления о социальной справедливости. Похоже, что они задались единственной целью – подорвать наш авторитет. Мы долго проявляли мягкость, а они только и ищут, как бы оскорбить наше доверие. Вот почему нам нужен человек вроде вас, Миками. Жесткий, неуступчивый, агрессивный, способный одним взглядом поставить на место зарвавшихся репортеров.

Миками трудно было согласиться с таким мнением. В их среде царил настоящий культ жесткости; в полиции уважают силу. У них – как в уголовном розыске, так и в других подразделениях – нет недостатка в агрессивных сотрудниках, способных кого угодно поставить на место одним взглядом. Что за польза отделу кадров назначать директором по связям с прессой инспектора, который успешно служил и достиг своего потолка, инспектора, привыкшего строго следовать букве закона? Ведь управление по связям со СМИ как будто находится на периферии полиции и не связано с основными задачами правоохранительных органов...

Акама говорил о назначении так, словно Миками оказана большая честь. Да, конечно, он будет директором; на такие посты обычно не ставили простых инспекторов. Значит, Миками сделают суперинтендентом. Если бы он остался в уголовном розыске, ему пришлось бы ждать повышения года два, а то и три. И все же ему стало не по себе. Да, перед его носом размахивали морковкой, но ему придется заниматься не тем, к чему он привык. Он не сомневался, что его выдвинули на новый пост из-за прошлого «срока» в управлении по связям со СМИ. Но Миками смущало не само назначение, а то, что, как ему казалось, уголовному розыску не терпится с ним расстаться.

Набравшись храбрости, Миками в тот же вечер поехал домой к Аракиде, директору департамента уголовного розыска. «Решение уже принято», – сказал ему тогда Аракида. Миками сделал вывод, что Аракида просто считает его никуда не годным детективом. Разочарование и ощущение отверженности усугублялись тем, что он много лет прилагал все силы, чтобы доказать: он настоящий детектив.

Ему обещали, что через несколько лет он вернется в уголовный розыск, а пока поработает директором по связям с прессой. Причем от него требуется только контролировать свои эмоции и не допускать коррупции. Миками не имел обыкновения пренебрегать своими обязанностями и не собирался просто «отсидеть срок». Долгие годы усердного труда оставили на нем след: он привык много работать и не оставлял без внимания ни одну мелочь.

Миками знал, что его первой задачей должна стать реформа управления по связям со СМИ.

С первых дней на новом месте у него возник конфликт с уголовным розыском. Ему нужны были материалы по делу, которые он мог использовать как козырь на переговорах с прессой. Он должен выходить на бой хорошо вооруженным. Он построит зрелые отношения, при которых каждая сторона сможет сдерживать противника. Административному департаменту все реже придется вмешиваться и разрешать конфликты полиции и прессы. В конце концов можно будет вырваться из трехстороннего тупика. Примерно так Миками представлял себе фронт работ.

Но департамент уголовного розыска, во многом по праву считавшийся самым главным «полевым» подразделением полиции, воздвиг вокруг себя высокую стену. Так же поступали и сотрудники Второго управления, в котором Миками прослужил много лет. И все же Миками быстро понял, что главным препятствием на пути налаживания отношений стало Первое управление. Он положил за правило в обеденный перерыв навещать бывших сослуживцев в обоих подразделениях. Он вступал в разговоры с руководством, стараясь понять, какие дела сейчас в работе. Кроме того, он задействовал личные связи, поддерживая отношения с детективами среднего звена. По праздникам и выходным он приезжал к ним в гости и привозил маленькие подарки. Он старался не прибегать к уловкам, говорил напрямую. Объяснял, что информация из первых рук нужна ему для того, чтобы на пресс-конференциях быть на высоте.

Конечно, у него имелись и другие, скрытые мотивы. Он с нетерпением ждал будущего. Через несколько лет его обещали вернуть в уголовный розыск, и он хотел вернуться «на коне». Значит, надо позаботиться о том, чтобы, даже в то время, пока он трудится в управлении по связям со СМИ, детективы не считали его чужаком. Что бы ни случилось, он собирался держать их в курсе того, чем он занимается на своем новом посту. Тем самым он готовился к возвращению.

Его «паломничества» продолжались два-три месяца. И хотя ему не удалось узнать особенно много, постепенно проявлялась его вторая цель, на что он в глубине души и надеялся. Его первые шаги стали необычными для директора по связям с прессой и привлекли внимание журналистов. Вскоре появились и плоды. На него начали обращать внимание. Миками не был похож на своих предшественников. До того, как попасть в управление по связям со СМИ, он много лет прослужил во Втором управлении департамента уголовного розыска. Через несколько лет он вернется туда с повышением. Вот почему представители прессы с самого начала относились к нему с определенным пиететом. Вначале они выжидали и наблюдали. Разумеется, все понимали: самым важным источником информации для журналистов служит именно уголовный розыск. А ежедневные «паломничества» Миками призваны были подчеркнуть «родство» уголовного розыска и управления по связям со СМИ. Все больше репортеров обращались к нему с вопросами. Впервые представители прессы приходили добровольно, без откровенного приглашения.

Воспользовавшись удачной возможностью, Миками приступил к укреплению своей репутации, вернее, репутации своего подразделения. Он искусно подбрасывал немногочисленные полученные им сведения, добиваясь, чтобы они возымели максимальное воздействие. Беседуя поодиночке с корреспондентами тех или иных изданий, он прибегал к уклончивым формулировкам и тонким намекам, касаясь материалов актуальных дел. Он постоянно напоминал о себе, не отдалялся от журналистов, охотно шел на контакт, создавая основу для будущего взаимодействия. Постепенно он трансформировал образ слабого директора по связям с прессой. При этом он не заискивал перед журналистами, не вел себя панибратски. Если кто-то заходил к нему просто «поболтать», он оставался бесстрастным и изображал суровость. Он неуклонно пресекал любые выпады в адрес полиции. В то же время подчеркивал, что охотно выслушает любые аргументированные доводы. Если нужно было что-то согласовать, о

чем-то договориться, он никогда не торопил журналистов. Миками не обхаживал представителей прессы в корыстных целях, но в случае необходимости шел на определенные уступки. Ему казалось, что все началось неплохо. И хотя он устранил дисбаланс сил, который раньше складывался в пользу СМИ, журналисты не обижались на него. Им нужна была информация, как можно больше информации. А полиция стремилась к одному: защитить свое доброе имя. Отношения полиции и средств массовой информации можно сравнить с браком по расчету, когда каждая сторона сидит в своем углу. Тем не менее Миками казалось, что они могут найти общий язык. Все, что для этого нужно, – привнести немного доверия во время встреч лицом к лицу. Основные представления Миками о том, как должно работать управление по связям со СМИ, сформировались, когда он увидел, что его замысел воплощается в жизнь.

Хуже всего складывались его отношения с директором административного департамента. Миками надеялся, что, если он наладит отношения с прессой, администрация не станет вмешиваться в его дела. К сожалению, его надеждам не суждено было сбыться. Акаме с самого начала не понравились методы управления Миками; он делал ему замечания при любой возможности. Так, Акама критиковал Миками за «пораженчество» и компромиссы. Он считал, что «связь» Миками с уголовным розыском свидетельствует о его косности и нежелании меняться. Миками пришел в замешательство. Акама уверял, что ему нужен сильный, жесткий директор по связям с прессой. Миками вел себя соответствующим образом, при этом старался грамотно использовать свои связи с уголовным розыском. Его политика приносила плоды. Что же не нравилось Акаме? Как-то, собравшись с духом, Миками обратился к Акаме напрямую. Сказал, что считает важным непосредственно общаться с детективами, узнавать о том, какие дела сейчас в работе, чтобы получить возможность влиять на представителей прессы.

Ответ Акамы оказался совершенно неожиданным:

– Миками, выбросьте это из головы. Если допустить вас к материалам дел, вы еще, чего доброго, выболтаете что-нибудь секретное на пресс-конференции. А вот если вы не будете в курсе дела, вы ничего не сможете сказать... Верно?

Миками был потрясен. Так вот оно что! Акаме нужно было чучело с каменной физиономией. Акама хотел подчинить себе СМИ, а не наладить с ними отношения. Он ненавидел представителей прессы.

Миками совсем не хотелось сдаваться. Если он будет слепо повиноваться приказам Акамы, управление по связям со СМИ будет отброшено на двадцать лет назад. Он чувствовал, что его реформы начинают действовать – их нужно продвигать дальше. Нельзя допустить, чтобы все его замыслы были погублены. Он сам удивился, насколько близко к сердцу принял все происходящее... Наверное, все дело в том, что он ощутил на себе дуновение ветра из внешнего мира. Как будто мощная стена отделяла полицию от общественности, а управление по связям со СМИ было единственным окошком, способным хотя бы чуть-чуть приоткрываться наружу. Конечно, и журналисты часто демонстрировали ограниченность или предубеждение, но, если закрыть окошко изнутри, полиция окажется полностью отрезанной от внешнего мира.

Миками понял: если он подчинится и станет играть роль чучела, как того хочет администрация, изменит самому себе. В то же время он не считал себя дураком, способным пойти против начальника, от которого зависят многие кадровые решения. Ведь вместо того, чтобы вернуть Миками в уголовный розыск, как было обещано, через несколько лет, его могут заслат в какой-нибудь заброшенный участок в горах, где о нем скоро все забудут. С другой стороны, если в будущем он все же вернется в уголовный розыск, то, что он противостоял самому директору административного департамента – второму по значимости человеку в полицейском управлении всей префектуры, – будет достаточно, чтобы оправдать его в «повторной судимости», и даже более того.

И Миками стал сопротивляться, правда с величайшей осторожностью. Он удвоил усердие, изображая верного подчиненного Акамы. Он вежливо выслушивал все замечания дирек-

тора и осторожно выражал свое несогласие лишь в тех случаях, когда указания Акамы были совершенно невозможными. Кроме того, он постепенно приступил к реорганизации своего подразделения, меняя характер отношений полиции и СМИ.

Миками прекрасно понимал, что идет по тонкому льду. Он кожей чувствовал растущее раздражение Акамы. И все же упорно доводил до сведения начальства свое мнение. Вскоре он с удивлением понял, что опасность его подхлестывает. Уже полгода он делал вид, что не замечает пронизывающих взглядов Акамы. Миками испытывал прилив боевого духа. Возможно, он не побеждал, но и не проигрывал.

Но после бегства Аюми все изменилось.

Пепел с сигареты упал на стол. Он докуривал уже вторую... Миками взглянул на настенные часы. Краем глаза он видел профиль Курамаэ. Второе управление отказалось делиться сведениями. Означает ли это, что в уголовном розыске его больше не считают своим? Курамаэ ходил туда как представитель Миками. Все сотрудники «боевых» подразделений прекрасно осведомлены об этом.

Должно быть, дело в том, что он сам давно не поднимался в уголовный розыск и не общался с детективами. Ему все же приходилось подчиняться кое-каким требованиям Акамы.

Из коридора послышался шум.

– Пришли... – Сува и Курамаэ успели лишь переглянуться.

Дверь без стука распахнулась настежь.

Глава 3

Их тесную комнату заполнили журналисты из центральных изданий – «Асахи», «Майнити», «Ёмиури», «Токио», «Санкэй» и «Тоё». Кроме них, пришли и представители местных СМИ: «Д. Дейли», «Дзэнкен таймс», местного телеканала и радиостанции Д. Их лица были суровы. Некоторые откровенно бросали на него испепеляющие взгляды. Их напряженные позы также выдавали гнев. Миками опасался, что все его усилия, направленные на сближение с прессой, пошли прахом. По большей части репортеры были люди молодые: от двадцати с небольшим до тридцати лет. Миками невольно испытывал неприязнь к их молодости. Возраст позволял им так дерзко себя вести. В комнату гуськом вошли репортеры из «Киодо ньос» и информагентства «Дзидзи-пресс». Пришел и представитель телерадиокомпании Эн-эйч-кей – ему не хватило места в комнате, и он топтался на пороге, вытягивая шею, чтобы лучше видеть.

Явились представители всех тринадцати членов пресс-клуба.

– Давайте скорее! – послышались из толпы недовольные голоса, и два стоящих впереди журналиста из «Тоё» сделали шаг вперед. В этом месяце они председательствовали в прес-клубе и потому начали переговоры.

– Миками-сан! Во-первых, мы ждем от вас объяснений вашего вчерашнего неожиданного ухода, – заговорил Тэдзима, щеголявший в дорогом пиджаке.

Миками вспомнил, что ему удалось выяснить о Тэдзиме. Все сведения он записывал в блокноте. «Заместитель редактора «Тоё». Университет Х. 26 лет. В прошлом политиком не занимался. Крайне серьезен. Чрезмерно самонадеян».

– По словам Сувы, у вас заболел родственник. Может быть, и так – но оправдывает ли болезнь родственника то, что вы встали и ушли без единого слова? И, поскольку с тех пор от вас не было известий, я не мог не подумать, что вы обращаетесь с нами...

– Извините, – перебил его Миками. Ему не хотелось вспоминать, по какой причине вчера он вынужден был уйти.

Тэдзима покосился на стоявшего рядом с ним Акикаву.

«Редактор «Тоё». Университет К. 29 лет. Склонен к левым взглядам. Никогда не сдается. Неформальный глава пресс-клуба».

Вначале Акикава предпочитал держаться в тени, предоставив другим делать всю черную работу. Теперь он держался невозмутимо – стоял скрестив руки на груди.

– Прав ли я в своем предположении, что вы просите у нас прощения?

– Совершенно правы.

Тэдзима во второй раз покосился на Акикаву и повернулся к остальным:

– Вы согласны, что...

«Этого достаточно, продолжай», – жестами показали собравшиеся. Тэдзима кивнул и, подойдя к столу Миками, протянул ему листок с текстом. Миками прочел заголовок:

«Серьезное ДТП в городе Оита».

Читать дальше не было смысла – Миками и так прекрасно знал содержание. Перед ним была копия пресс-релиза, разосланного ими накануне. Домохозяйка, на своем авто, сбила пожилого мужчину, который получил тяжелые травмы. Дорожные происшествия сами по себе считались событиями довольно заурядными, подробности этого конкретного ДТП стали поводом для конфликта с прессой.

– Повторяю свой вчерашний вопрос: почему вы не хотите сообщить нам имя и адрес виновницы аварии? Вы обязаны предоставить нам полные сведения о ней!

Миками сцепил пальцы рук и посмотрел в глаза Тэдзиме. Тот ответил ему ледяным взглядом.

– Как я уже объяснил вам вчера, виновница происшествия на восьмом месяце беременности. Случившееся несчастье сильно потрясло ее. Мы не знаем, каковы будут последствия, если она увидит свое имя в газетах. Вот почему мы скрыли ее имя.

– Это неуважительная причина! Вы утаили даже ее домашний адрес – мы знаем только, что она проживает в городе Оита. Некая А., домохозяйка, тридцати двух лет. Вот и все, что нам сообщили... откуда нам знать, может, она и вовсе не существует в природе?

– Разумеется, она существует, она настоящая, и именно поэтому мы должны учитывать все последствия огласки для нее самой и для ее еще не родившегося ребенка. Объясните, что здесь не так.

Миками показалось, что журналисты восприняли его слова как свидетельство его высокомерия. Тэдзима заметно помрачнел; остальные сердито зашептались.

– С каких пор полицию заботят такие тонкости? Какая-то чрезмерная чуткость!

– Женщина-водитель не арестована. Пострадавший переходил дорогу в неполюженном месте, кроме того, он был пьян.

– И тем не менее! Виновница не смотрела на дорогу. А пострадавший, как здесь написано, находится в тяжелом состоянии, хотя его лучше бы назвать «критическим». На самом деле пострадавший, старик по фамилии Мэйкава, сейчас в коме!

Миками краем глаза покосился на Акикаву. Долго ли еще тот позволит Тэдзиму разглазговать?

– Миками-сан, мы требуем от вас откровенности! Мы не имеем права закрывать глаза на подобные происшествия; возможные последствия слишком велики. Наш долг в данном случае – задаться вопросом о мере ответственности водителя.

Миками снова устремил суровый взгляд на Тэдзиму – тот продолжал упорствовать.

– Значит, вы намерены наказать женщину, опубликовав ее имя в печати?

– Бросьте, вовсе не нужно так ставить вопрос! И потом, сейчас речь идет совсем о другом. Мы считаем, что полиция неправоммерно скрыла от нас имя и адрес женщины-водителя. Вы проявили самоуправство! Напечатать ее имя или нет, мы решим сами, после того как взвесим все за и против и оценим случившееся применительно к общему благу.

– Объясните, почему мы не вправе принять такое решение за вас?

– Потому что факты утаиваются намеренно! Не зная подробностей об участниках происшествия, в частности их имен и адресов, мы никак не можем проверить достоверность предоставленных вами сведений, мы не можем узнать, надлежащим ли образом рассмотрены те или иные дела. Кроме того, если уж в Центральном полицейском управлении префектуры начнут публиковать пресрелизы, скрывая персональные данные, кто помешает окружным участкам тоже, так сказать, сглаживать углы? А если предположить наихудший вариант развития событий, можно представить, как с помощью такого сокрытия персональных данных маскируют неудобную правду или прибегают к разного рода уловкам.

– К каким еще уловкам?

– Слушайте, мы ведь всего лишь... – сбоку выдвинулся высокий и тощий Ямасина.

Миками сразу вспомнил, что записал о нем: «Дзэнкен таймс». Временно исполняющий обязанности редактора. Университет Ф. 28 лет. Третий сын секретаря парламента. Дамский угодник. Неудачник»...

– ...Когда кто-то упорно что-то скрывает, невольно задаешься вопросами. Может быть, виновница происшествия – дочь какой-нибудь большой шишки. Может, дело пытаются спустить на тормозах, потому что старик – пьяница.

– Глупости! – Сам того не замечая, Миками повысил голос.

Ямасина пожал плечами. Другие репортеры закричали:

– Это вы говорите глупости!

– Конечно, мы начинаем что-то подозревать, раз вы так упорно все скрываете!

– Раньше вы тоже утаивали имена беременных женщин? Нет. Требуем разъяснений!

Миками сделал вид, что не замечает издевательского тона некоторых журналистов. Он понимал: если начнет отвечать, скоро тоже раскритичится.

– Миками, смотрите, что получается. – Наконец и Акикава вступил в игру; он медленно опустил руки вдоль корпуса. Он вообще не спешил, вел себя как примадонна, которая наконец выходит на сцену. – Понятно, чего вы боитесь: если, из-за того, что имя виновницы аварии появится в прессе, с ней самой или с ее будущим ребенком что-то произойдет, все осудят вас, полицию!

– Не в том дело. Просто в некоторых обстоятельствах участники событий имеют право на частную жизнь.

– Право на частную жизнь? – усмехнулся Акикава. – Правильно ли я вас понял? По-вашему, мы сейчас должны заботиться о правах виновных?

– Да.

В комнате снова поднялся шум.

– Бросьте!

– Уж кто бы рассуждал о правах!

– Кто, как не полиция все время нарушает права человека?

– Кто вы такой, чтобы поучать нас?

– Не понимаю, с чего вы так завелись. Сами понимаете, последнее время в пресс-релизах все шире распространяется анонимность. Вы сами все время твердите об этом, на телевидении и в прессе. Почему вы против того, чтобы мы скрывали чьи-то персональные данные?

– Какое высокомерие!

– Полиция не имеет права!

– Вы хоть слышали о свободе прессы?

– Сокрытие персональных данных нарушает права общественности!

– Итак, Миками, назовите нам ее имя. Мы не будем публиковать его, если она в самом деле в плохой форме, – снова обратился к нему Ямасина, перекрикивая остальных. На сей раз он говорил примирительно. – В конце концов, какая разница? Мы так или иначе проведем собственное расследование и рано или поздно выясним ее имя и адрес, даже если вы и дальше будете держать их в секрете. Только, если мы сами найдем ее и начнем расспрашивать, ей, наверное, будет еще хуже – в ее-то положении!

– Миками-сан, давайте начистоту. – Тэдзима подал голос в ту же секунду, как Акикава снова скрестил руки на груди. Лоб у него взмок от пота. – Назовете вы нам добровольно имя этой женщины?

– Нет, – тут же ответил Миками.

– Почему? – Тэдзима вытаращил глаза.

– Знаете, она плакала, умоляя следователя не называть ее имя прессе.

– Эй! Не изображайте нас плохими парнями!

– Подумать только, как страшно! Хуже всего – если твое имя появится в газете!

– Вы перекладываете вину с больной головы на здоровую! Это противозаконно!

– Можете говорить что хотите. Ее имени мы не раскроем. Решение уже принято.

В комнате воцарилась тишина. Миками ждал взрыва эмоций, но его не последовало.

– Миками, вы сильно изменились. – Акикава решил сменить тактику. Он положил руки на стол Миками и с мрачным видом наклонился вперед. – Мы много ждали от вас. Вы не похожи на своего предшественника, Фунаки. Вы никогда не пытались втереться к нам в доверие, да и к своему начальству не подлизывались. Откровенно говоря... первое время, когда вас сюда перевели, вы произвели на нас сильное впечатление. Но потом вы как будто сдались, стали равнодушным. Теперь вы держите нос по ветру... Что случилось?

Миками молчал. Он смотрел в пространство, ненавидя репортеров за то, что они заметили его нерешительность. Акикава продолжал:

– Не вы ли сами недавно называли управление по связям со СМИ «окном»? Нам особенно тяжело сознавать, что тот же самый директор по связям с прессой решил так же слепо подчиняться официальному курсу, как и все его предшественники. Без человека, который прислушивается к внешнему миру в нашем лице, без человека, которому хватает храбрости быть объективным и отстаивать свою точку зрения, полиция навсегда останется наглухо закрытым черным ящиком... Вас это устраивает?

– Окно никуда не делось. Просто оно не такое большое, как вам казалось.

На лице Акикавы отразилось разочарование. Миками понял, что тот сейчас не нападает на него и не выносит ему приговор, а взывает к его совести.

– Ну ладно. Я хочу знать еще одно.

– Что?

– Каково ваше личное мнение о сокрытии персональных данных в пресс-релизах.

– Личное, официальное... какая разница? Ответ будет тем же самым.

– Неужели вы в самом деле так считаете?

Миками молчал. Акикава выжидательно смотрел на него. Они не сводили друг с друга взглядов. Пять, десять секунд... Казалось, время замедлило свой ход. Наконец Акикава склонил голову:

– Ваша позиция вполне ясна. – Он какое-то время смотрел на собравшихся за его спиной репортеров, а затем снова повернулся к Миками: – В таком случае я как официальный представитель пресс-клуба требую, чтобы вы сообщили нам имя и адрес виновницы происшествия. Требую не у вас лично, а у префектурального полицейского управления.

Ответ он прочел в глазах у Миками: «Решение вам известно заранее».

Акикава снова кивнул:

– «Стоит назвать им имя виновницы аварии, и они тут же раструбят о ней»... Вы, полицейские, совершенно нам не доверяете. Так? – Его слова звучали как ультиматум.

Акикава отвернулся. Репортеры гуськом потянулись из комнаты, громко стуча каблучками.

– Мы такого не потерпим!

После них в тесном помещении управления по связям со СМИ повисла тягостная, напряженная тишина.

Глава 4

Они ему угрожают?

Миками тяжело вздохнул, схватил лежащую на столе распечатку пресс-релиза, смял ее и швырнул в корзину. Сегодняшняя стычка отличалась от всех предыдущих. Раньше нападки репортеров были личными. Сейчас же Миками впервые увидел, что они жаждут крови, и еще больше разозлился. В конце концов, никто ведь не умер; речь шла всего лишь о дорожно-транспортном происшествии! Едва ли на этот случай кто-нибудь вообще обратил внимание, если бы не вопрос о сокрытии персональных данных в пресс-релизах. В наши дни такой мелочью не заинтересовались бы даже местные газеты.

В помещении было тихо. Сува просматривал газету. Судя по выражению его лица, он хотел что-то сказать, но боялся посмотреть Миками в глаза. Курамаэ и Микумо заканчивали составлять сегодняшнюю сводку – приближался срок сдачи. Казалось, все ждут, когда у Миками изменится настроение. А может, им просто стало его жаль. Все трое слышали, что сказал Акикава: «Миками, вы сильно изменились».

Миками закурил, но после пары затяжек смял сигарету в пепельнице. Допил остывший чай. Наконец-то они все сказали открытым текстом! У него давно уже зародилось подозрение, что журналисты рано или поздно бросятся на него. Как в настольной игре: «Вы возвращаетесь на первую клетку». Сообразив, что все вернулось к самому началу, он возмутился. Правда, может статься, сегодняшняя стычка – всего лишь результат переоценки их отношений. Идиллия, о которой он мечтал, оказалась миражом. Миками не успел завязать достаточно прочные отношения, о которых можно было бы сожалеть. Их взаимное доверие оказалось таким хрупким, что его унесло первым же порывом ветра. Кстати, он и сам еще до конца не понял, прошла ли его давняя враждебность к представителям прессы за то время, что он возглавляет управление по связям со СМИ.

Конечно, ему еще и не повезло. Сокрытие персональных данных – вопрос очень щекотливый. Анонимность стала проблемой для полиции в общенациональном масштабе. Имя виновницы ДТП имелось в рапорте, разосланном окружным управлением: Ханакэ Кикуниси. Однако через полчаса после того, как они получили сообщение по факсу, им позвонил заместитель начальника участка:

– Извините за беспокойство. Оказалось, что виновница ДТП беременна; не могли бы вы на сей раз скрыть ее имя?

Миками подозвал к себе Суву:

– Что скажете, как все прошло?

Сува сдвинул брови:

– Похоже, они здорово завелись!

– Из-за меня?

– Вовсе нет. По-моему, вы сделали все, что могли. С другой стороны, если речь заходит о сокрытии персональных данных, ничего нельзя предугадать заранее. – Сува относился к своей работе примерно так же, как директор Акама. Единственным различием между ними, по мнению Миками, было то, что Сува применял не только кнут, но и пряник. Точнее, круглый леденец, завернутый в упаковку опыта, навыков и гордости прирожденного пиарщика.

Миками поудобнее развалился на стуле. Он смотрел Суве вслед: тот вернулся к своему столу, чтобы ответить на телефонный звонок. «Ишь, как оживился», – не слишком доброжелательно подумал Миками. Может быть, после того, как директором назначили Миками, Суве труднее стало выполнять свои обязанности? Может быть, Сува считает, что директор, в прошлом детектив, ничего не смыслящий в отношениях с прессой, представляет угрозу его смыслу жизни? Вот бы знать, о чем он сейчас думает!

«Посмотрим-посмотрим, как ты сейчас запоешь!»

Миками тряхнул головой. Что бы они в конце концов ни решили, управление по связям со СМИ, которому не удалось сохранить отношения с прессой, все равно что детектив, который отказывается вести то или иное дело.

– А ну-ка, послушайте все!

Сува, только что закончивший разговор по телефону, вскочил одновременно с Курамаэ. Микумо сдвинулась на краешек стула; она не была уверена в том, что в понятие «все» включают и ее. Жестом показав, что ей не обязательно к ним присоединяться, Миками подозвал к себе Суву и Курамаэ:

– Попробуйте снизить накал страстей за стеной. И постарайтесь выяснить, кто на самом деле за всем стоит.

– Нет проблем! – Сува сразу оживился. Схватил пиджак и, не дожидаясь дальнейших указаний, почти выбежал в коридор.

Курамаэ последовал за ним; правда, его походке недоставало уверенности. Миками покрутил шеей. Оптимизм помогал ему справляться с беспокойством.

В пресс-центре сложилась уникальная обстановка. Репортеры – конкуренты в своем деле; они, как правило, зорко следят друг за другом, зато в пресс-центре часто становятся единомышленниками. Объединяясь против полиции, они ведут совместную борьбу. Иногда – как сейчас – они выступают единым фронтом, способным посрамить даже полицию. Несмотря ни на что, если дело доходило до открытого противостояния, все журналисты в первую очередь подчинялись своему начальству. В каждой компании проводили свою политику, в соответствии со своими традициями. Поэтому внешние проявления не всегда совпадали с действительностью.

Пока Миками размышлял, в их комнату заглянул Ямасина. Выглядел он испуганным; все время отводил глаза в сторону.

– Хотите что-то сказать?

Решив, что Миками не сердится, Ямасина, видимо, успокоился и даже расплылся в улыбке:

– Знаете, всем будет лучше, и вам тоже, если вы будете обращаться с нами помягче. Сейчас они вне себя от ярости.

– От ярости?

– Ну да, вне себя.

– А завели их вы!

– Ну зачем вы так? Наоборот, я протягивал вам оливковую ветвь.

Ямасина, видимо, боялся разрыва отношений. Миками понял, что по-прежнему пользуется авторитетом у менее талантливых репортеров, таких, как Ямасина. Он решил прощупать почву.

– Как там дела?

Ямасина театрально понизил голос:

– Повторяю, они вне себя от ярости. Особенно злятся ребята из «Тоё». И Уцуки из «Майнити». А «Асахи»...

Зазвонил стоящий перед Миками телефон. Он поднял трубку, злясь на то, что их прервали.

– Директор вызывает вас к себе в кабинет, – услышал он голос главы секретариата Исии. Он как будто был чем-то очень доволен.

Миками живо представил себе выражение лица Акамы. Внезапно им овладело дурное предчувствие. Если Исии чему-то радуется, для него, скорее всего, есть повод огорчиться.

– Вас куда-то вызывают?

– Совершенно верно. – Вставая, Миками заметил на полу клейкий листочек – он упал за ножку стола. Узнав почерк Микумо, он прочел записку, стараясь не показывать текст Ямасине. «В 7:45 звонил Футаватари».

Синдзи Футаватари... Они поступили на службу в полицию в один год. Миками почувствовал, как напрягаются уголки губ. Он покосился на Микумо, но ничего не сказал. Записку он сжал в кулаке. Интересно, что понадобилось Футаватари? Он ведь отлично знал, что Миками его избегает. Может быть, у него какое-то дело. А может, узнал о вчерашнем опознании и решил, что тоже должен что-то сказать – все-таки однокашник...

Миками повернулся к Ямасине – он совсем о нем забыл:

– Потом поговорим!

Наверное, вообразив, что добился успеха, Ямасина с довольным видом кивнул. Когда Миками уже стоял на пороге, Ямасина вдруг окликнул его:

– Кстати, Миками...

– В чем дело?

– Насчет вчерашнего... это правда? Кто-то из ваших близких действительно в критическом состоянии?

Миками медленно развернулся к Ямасине. Тот пытливо смотрел ему в лицо.

– Конечно. Почему вы спрашиваете?

– Да так, – нехотя ответил Ямасина. – Ходят слухи, что дело в чем-то другом...

«Вот ведь гад!»

Миками сделал вид, будто ничего не слышал, и зашагал по коридору. Перед тем как открыть дверь пресс-центра, Ямасина фамильярно похлопал его по плечу. Миками мельком увидел репортеров. Выражение их лиц не сулило ничего хорошего.

Глава 5

Если не считать обеденного перерыва, в коридоре второго этажа редко можно было с кем-то встретиться. «Бухгалтерия». «Тренажерный зал». «Служба собственной безопасности»... Двери во все отделы были плотно закрыты. В коридоре царил тишина, поэтому Миками казалось, что его шаги отдаются на навощенных полах особенно гулким эхом. «Административный отдел». Сами эти слова уже внушали опасение. Миками толкнул дверь. В дальнем конце ему навстречу привстал начальник отдела Сирота; Миками молча поклонился, прежде чем подойти к нему. По пути он покосился на стоящий у окна широкий стол ведущего специалиста по кадрам Футаватари. Судя по всему, он куда-то уехал: настольная лампа была выключена, на столе не лежали документы. Если только Футаватари сегодня не взял выходной, скорее всего, он в отделе кадров, на втором этаже в северном крыле здания. Ходят слухи, что уже составляются планы кадровых перестановок на весну. Футаватари отвечал за кадровые перемещения руководящих сотрудников. Это служило источником неловкости с тех пор, как Миками обо всем узнал от главы секретариата Исии. Не стоит ли Футаватари и за его неожиданным назначением? В самом ли деле его перевод с повышением явился результатом единоличного решения директора Акамы?

Миками постучал в дверь кабинета Акамы.

– Войдите! – услышал он голос Исии. Поскольку он разговаривал по телефону, его голос взлетел на октаву выше обычного.

– Вызывали? – Миками сделал несколько шагов вперед по толстому ковру.

Акама, развалясь на диване, чесал подбородок. Очки в золоченой оправе. Сшитый на заказ полосатый костюм. Холодный, отстраненный взгляд. Короче говоря, Акама выглядел как всегда – образцовый руководитель высшего звена, такому стремятся подражать новые служащие. Акаме сорок один год; он на пять лет моложе Миками. Рядом с Акамой сидел Исии – лысеющий суетливый подхалим, разменявший шестой десяток. Исии жестом пригласил Миками подойти поближе. Не дожидаясь, пока Миками сядет, Акама заговорил:

– Должно быть, это было... неприятно. – Он говорил небрежно, как будто речь шла о том, что Миками попал под сильный ливень.

– Нет, что вы... Простите за то, что в мою работу вмешались личные дела.

– Не о чем беспокоиться. Садитесь, пожалуйста. Как вели себя местные? Надеюсь, они хорошо с вами обращались?

– Да. Очень заботились о нас, особенно начальник участка.

– Приятно слышать. Надо не забыть поблагодарить его лично. – Покровительственный тон Акамы резал слух.

Все произошло три месяца назад. Не видя иного выхода, Миками обратился к Акаме за помощью. Он признался, что накануне его дочь сбежала из дома, и попросил расширить зону поисков, чтобы ими занимались не только ближайшие участки, но и другие, в пределах всей префектуры. Реакция Акамы оказалась совершенно неожиданной. Он нацарапал что-то на прошении, которое принес с собой Миками, затем вызвал Исии и велел ему передать документ по факсу в Национальное полицейское агентство, в Токио. Может быть, он имел в виду Центральное бюро общественной безопасности. Или Центральное бюро уголовного розыска. А может, его прошение передали даже в секретариат самого генерального комиссара. Затем Акама положил ручку и сказал:

– Ни о чем не беспокойтесь. Еще до конца дня я разошлю особые распоряжения повсюду – от Хоккайдо до Окинавы.

Миками не мог забыть торжествующего взгляда на лице Акамы.

Он сразу же понял, что дело не просто в демонстрации его превосходства. Акама радовался возможности показать свою власть токийского бюрократа. Глаза Акамы зажглись ожиданием перемен. Он не сводил взгляда с Миками, вглядываясь в него из-за стекол своих очков в золоченой оправе; ему ужасно не хотелось пропустить мига, когда этот выскочка, провинциальный суперинтендент, который так долго сопротивлялся, наконец-то капитулирует. Миками передернуло, когда он осознал, что показал Акаме свое слабое место. Но разве мог он ответить иначе, ведь он отец, который беспокоится за жизнь и здоровье дочери!

«Спасибо. Я ваш должник».

Миками отвесил почтительный поклон – голова опустилась почти к коленям...

– И ведь вас дернули уже не первый раз! Не представляю, как это тяжело – ехать по такому вызову. – Акама не впервые говорил с ним об Аюми. – Помню, я уже вам предлагал, но, может быть, вы сообщите больше фактов о дочери? Не просто разместите ее фото, но и подробнее опишете приметы? Кроме того, есть масса других вещей – отпечатки пальцев, стоматологическая карта...

Миками, конечно, и сам думал о чем-то подобном – задолго до того, как услышал предложение Акамы. Всякий раз, когда его вызывали на опознание, он переживал настоящую пытку, особенно когда приближался к столу, на котором лежит тело, накрытое белой простыней... Минако – та и вовсе была на грани нервного срыва. И все же он не решался.

Отпечатки пальцев. Отпечатки ладоней. Снимки зубов. Стоматологическая карта... Такие сведения оказываются весьма полезными при опознании трупов. Миками казалось, что все это равносильно тому, чтобы просить: «Пожалуйста, найдите тело моей дочери»...

– Мне понадобится чуть больше времени, чтобы все обдумать.

– Лучше поспешите. Нам нужно свести потери к минимуму.

«Потери?!»

Миками заставил себя успокоиться, подавив приступ гнева. Акама нарочно его провоцирует. Проверяет, насколько он стал послушным. Взяв себя в руки, Миками спросил:

– Вы поэтому хотели меня видеть?

Любопытство тут же исчезло из взгляда Акамы. Исии наклонился вперед:

– По правде говоря...

Миками понял, что Исии давно уже не терпелось вмешаться.

– ...к нам скоро приедет с официальным визитом генеральный комиссар.

– Генеральный комиссар?! – До Миками не сразу дошел смысл сказанного. Во всяком случае, такого он не ожидал.

– Нас самих только что известили. По плану визит состоится ровно через неделю, и, как вы, наверное, понимаете, мы немного беспокоимся. Даже не упомяну, сколько прошло лет с прошлого визита комиссара... – Наверное, дело ухудшало присутствие в кабинете Акамы, токийского бюрократа. Генеральный комиссар, глава Национального полицейского агентства! Генеральный комиссар находится на самом вершине пирамиды; он возглавляет двести шестьдесят тысяч стражей порядка. Для провинциальных полицейских он сродни самому императору. И в то же время... неужели из-за официального визита нужно так беспокоиться? Именно в такие времена Исии проявлял свою ограниченность. К Национальному полицейскому агентству он относился с благоговением, мечтал о нем с неподдельной тоской, как юнец, выросший в провинции, мечтает о большом городе.

– Какова цель визита? – спросил Миками, уже думая о деле. Его вызвали как директора по связям с прессой; значит, скорее всего, во время визита намечается крупная пиар-кампания.

– «Рокуён». «Дело 64».

На сей раз ему ответил сам Акама. Миками посмотрел на него с недоумением. В глазах Акамы плясала выжидательная усмешка. «Рокуён»... «Дело 64»... Так называли дело четырнадцатилетней давности, когда была похищена и убита девочка по имени Сёко.

Тогда в префектуре Д. произошло первое полномасштабное похищение. Вскоре после того, как похитителю удалось успешно скрыться с выкупом в 20 миллионов иен, нашли труп похищенной семилетней девочки. Прошло много лет, но преступника так и не нашли. В то время Миками служил в Первом управлении уголовного розыска, в отделе специальных расследований. Его включили в группу преследования. Он следовал за машиной отца Сёко, когда тот поехал передавать похитителю выкуп. Даже вспоминать о давнем похищении было неприятно, но еще неприятнее было слышать, как Акама – кабинетный чиновник и чужак, который не имел никакого отношения к расследованию, – употребляет условное название, каким пользовались лишь сотрудники уголовного розыска применительно к тому похищению. Ходили слухи, что Акама помешан на сборе информации, обожает собирать на всех досье. Акаму назначили руководить административным департаментом всего полтора года назад. Неужели его осведомители уже успели проникнуть во внутренние круги уголовного розыска?

За одним вопросом последовали другие. Само собой разумеется, что «Дело 64» стало величайшим провалом полиции префектуры Д. Даже в Токио, на уровне Национального полицейского агентства, «Рокуён» по-прежнему считали одним из самых крупных нераскрытых преступлений. С момента похищения прошло четырнадцать лет, и никто не оспаривал тот факт, что воспоминания постепенно стерлись. Четырнадцать лет назад похищенную девочку искали сто с лишним человек, теперь делом занимались всего двадцать пять детективов. Хотя дело не отправили в архив, оперативно-следственный штаб значительно сократили и преобразовали в отряд. До истечения срока давности осталось чуть больше года. Миками больше не слышал о том, чтобы подробности дела обсуждались публично. Да и общественность, похоже, подзабыла о похищении. То же самое можно было сказать и о представителях прессы. Как правило, о похищении вспоминали не чаще раза в год – во время очередной годовщины. Дело постепенно покрывалось пылью. Почему же сейчас оно оказалось в центре внимания комиссара? «Мы намерены сделать все, что в наших силах, до того, как истечет срок давности». Может быть, руководство хочет изобразить бурную деятельность?

– Что произойдет во время визита? – спросил Миками, и Акама еще шире расплылся в улыбке:

– Генеральный комиссар выступит с обращением; он обратится как к полицейским, так и к широкой общественности. Он намерен подбодрить следственно-оперативную группу. Подтвердить наше стремление не оставлять безнаказанными тех, кто совершил тяжкие преступления.

– Похищение произошло четырнадцать лет назад. Можно ли предположить, что визит как-то связан с истечением срока давности?

– Обращение комиссара должно послужить новым стимулом... Мне намекнули, что визит – личная идея самого комиссара. Хотя мне кажется, что его слова будут скорее адресованы к внутренней аудитории, чем к широкой общественности.

«Внутренняя аудитория»... После этого выражения все стало на свои места.

Токио. Политика.

– В общем, вот подробное расписание на день визита.

Исии взял со стола лист бумаги. Миками достал записную книжку.

– Имейте в виду, пока о визите не объявили официально. Итак, комиссар приедет на машине к полудню. После обеда с начальником участка он посетит место, где нашли труп девочки. Во время пребывания там он возложит цветы и воскурит благовония. После этого он отправится в здание префектурального управления и произнесет речь для членов следственной группы. Далее он выразил желание нанести визит родителям погибшей девочки и засвидетельствовать им свое почтение. Там он снова воскурит благовония. Затем комиссар даст интервью на ходу – пока будет идти от дома до машины. Вот пока в целом и все.

Миками перестал записывать.

– Комиссар собирается дать интервью на ходу?

Значит, представителям прессы придется задавать вопросы, когда комиссар выйдет из дома...

– Вот именно. Во всяком случае, так передали из его секретариата. Им, наверное, кажется, что так встреча пройдет живее, чем более официальная пресс-конференция, скажем, в конференц-зале.

Миками помрачнел. Перед его мысленным взором встали неумолимые лица репортеров.

– Где он хочет сняться? На том месте, где нашли тело?

– Нет. Лучше снимать его у дома родственников.

– Он хочет, чтобы репортеры тоже вошли в дом?

– А что, там слишком тесно?

– Да нет, не очень, но...

– Комиссар засвидетельствует свое почтение у домашнего алтаря; позади него будут стоять несчастные родители, потерявшие дочь. Вот такая картинка должна появиться в газетах и на телевидении.

Главный полицейский начальник заверяет родных погибшей девочки, что похититель будет пойман... Безусловно, подобное зрелище произведет сильное впечатление.

– Времени у нас немного; завтра или послезавтра родители девочки должны дать свое согласие. – Акама скривился и вернулся к своему обычному приказному тону.

Миками осторожно кивнул.

– У вас есть вопросы?

– Нет... – Миками почти не сомневался в том, что родители погибшей девочки не откажутся принять комиссара. В то же время ему неприятно было обращаться к ним с такой просьбой. Тогда, четырнадцать лет назад, он с ними почти не общался. С родителями Сёко подробно беседовали только оперативники, которые работали у них дома. А через три месяца после похищения он перешел во Второе управление и постепенно перестал следить за ходом дела.

– Хорошо. Сначала я переговорю с оперативниками, которые занимались «Делом 64». Наверное, им больше известно о родственниках девочки, – осторожно сказал Миками.

Акама неодобрительно нахмурился:

– По-моему, в этом нет необходимости. Насколько я понимаю, вы тоже знакомы с родителями девочки. Вам лучше обратиться напрямую к ним. Не нужно привлекать еще и уголовный розыск.

– Но ведь...

– Визит комиссара в первую очередь касается административного департамента. Если вы привлечете уголовный розыск, все только осложнится. Как только вы проделаете всю подготовительную работу, я лично свяжусь с директором уголовного розыска. До тех пор вы должны рассматривать визит как дело совершенно секретное.

Совершенно секретное?! Миками никак не мог уяснить себе истинных намерений Акамы. Как организовать визит без ведома уголовного розыска? Если не ставить их в известность, у них возникнут большие проблемы... В конце концов, речь идет не о чем-нибудь, а о «Деле 64»...

– Кстати, что касается прессы... – продолжал Акама как ни в чем не бывало. – Насколько я помню, вы впервые занимаетесь чем-то подобным. Поэтому позвольте кое-что разъяснить вам. Интервью на ходу должно производить впечатление спонтанного, однако мы не можем допустить, чтобы представители прессы обращались к комиссару с вопросами бесконтрольно. К визиту комиссара следует готовиться примерно так же, как к визиту члена парламента. Совершенно недопустимо, если комиссару зададут какие-нибудь сложные или безответственные вопросы. Вы первым делом должны поручить членам пресс-клуба подготовить список вопросов и представить его нам на утверждение. На то, чтобы задать вопросы, у них будет около

десяти минут. Кроме того, на интервью допустят лишь представителей тех изданий, которые в этом месяце председательствуют в прессклубе. Очень важно донести до их сознания, что никаких неудобных вопросов быть не должно. Вам ясно?

Миками опустил глаза, просмотрел свои записи. Он был согласен с тем, что с представителями прессы необходимо проконсультироваться заранее. Однако, учитывая последние события, он сомневался в том, что сейчас возможна разумная дискуссия.

– Насколько я понимаю, сегодня утром представители прессы... несколько расшумелись. – Неужели Акама что-то заметил по его лицу? Нет, скорее кто-то уже донес ему. – И как все прошло?

– Хуже, чем раньше. Я отказался сообщить им личные данные виновницы ДТП.

– Очень хорошо. Нам нельзя ослаблять бдительность. Стоит нам выказать хоть малейшую слабость, как они тут же наглеют и пытаются воспользоваться своим преимуществом. Заставьте их подчиняться! Мы предоставляем им сведения, а они их принимают. Вот что вам необходимо вбить им в головы. – Очевидно, закончив наставления, Акама принялся рыться в карманах пиджака, как будто что-то искал.

Миками краем глаза покосился на Исии. Тот, по-прежнему искрясь весельем, что-то подчеркивал красными чернилами. Дурное предчувствие не обмануло Миками. На него давил груз больший, чем когда он сюда входил.

– Хорошо... если у вас все...

Миками захлопнул записную книжку и встал. Наверное, Акама по его поведению догадался, что Миками лишь изображает покорность, и окликнул его, когда тот уже стоял на пороге.

– Знаете, она – вылитая вы. Должно быть, вы ее очень любите.

Миками осторожно развернулся кругом. Акама размахивал фотографией Аюми, которую разослали во все участки. «Вылитая»... Миками не сказал Акаме, почему Аюми сбежала из дома. Лицо у него запыхало. В тот миг его хладнокровный фасад дал трещину. Акама самодовольно улыбнулся:

– Отпечатки пальцев, снимки зубов – обсудите все с женой. Я хочу сделать для вас все, что в наших силах.

Миками несколько секунд боролся с собой, а потом с трудом произнес:

– Спасибо.

Он согнулся в поклоне, чувствуя, как кровь ударяет ему в голову.

Глава 6

- Наверное, я не успею приехать к обеду.
- Ну и ладно, ничего страшного.
- Что ты будешь есть?
- Еще не знаю. Наверное, доем остатки от завтрака.
- Может, купишь что-нибудь в «Синодзаки»?

Минако молчала.

- Возьми машину. Поездка туда и обратно займет всего пятнадцать минут.
- Нет, я доем остатки...
- По крайней мере, закажи гречневую лапшу в «Согэцу»...

Снова молчание.

- Там вкусно готовят.
- Ладно.
- Как хочешь. Но тебе полегчает, если ты будешь чаще выходить из дому.
- Милый...

Ей очень хотелось поскорее закончить разговор: больше всего на свете она боялась, что линия окажется занята, когда позвонит Аюми. Недавно они купили новый телефон с функциями ожидания вызова и определителя номера – такие продвинутые модели появились в их краях только в прошлом году. И все же Минако была безутешна; она все время терзала себя мыслями «что, если»...

- Хорошо, я вешаю трубку. Главное, закажи себе с лапшой что-нибудь полезное, ладно?
- Ладно.

Миками нажал отбой, вышел из деревянной будки в парке Ёси. Такой разговор невозможно было вести с работы, ему не хотелось прятаться где-нибудь в углу коридора. Вот почему, улучив свободную минутку, он вышел в парк. Северный ветер задувал все сильнее. Вместо плаща он поднял воротник пиджака и поспешил назад, к управлению. В ушах еще звучал напряженный голос Минако. Он не мог допустить, чтобы они тащили друг друга вниз. В первые дни после бегства Аюми Минако почти никогда не было дома. Она искала Аюми: прочесывала район с фотографией в руке, расспрашивала соседей и знакомых, шла по немногочисленным следам; она даже ездила в Токио и Канагаву. Теперь же она очень редко выходила из дому. Перемена произошла месяц назад, после странных звонков, когда на том конце линии упорно молчали. За первым звонком последовал другой. Всего за один день их было три. Минако решила, что Аюми просто стесняется заговорить. Убежденная в своей правоте, она превратилась в настоящую затворницу и целыми днями сидела дома, ожидая нового звонка. Миками твердил, что она вредит самой себе, но Минако не слушала. Покупка нового телефона не помогла – образ жизни Минако полностью изменился. Даже покупки она теперь делала в основном по почтовым каталогам. Еду заказывала в ресторанах с доставкой, на следующий день доедала остатки завтрака или обеда. Миками сомневался в том, что она вообще обедает, когда его не бывало рядом и он не мог проверить.

Поэтому у него вошло в привычку покупать в супермаркете рядом с управлением две коробки с едой и привозить их домой в обеденный перерыв. Хоть что-то хорошее есть в том, что он служит не в уголовном розыске. Став «белым воротничком», он получил возможность уходить домой сравнительно рано. Если случалось что-то важное, ему все равно нужно было посетить место происхождения раньше прессы, но, в отличие от тех дней, когда он служил детективом, он больше не должен был проводить вечер за вечером в додзё¹ участка, на территории

¹ Додзё – изначально место для медитаций и других духовных практик, позже термин стал употребляться для обозначения

которого произошло преступление. Как правило, теперь он проводил вечера дома, рядом с Минако.

К сожалению, даже дома он не мог быть уверен, что его присутствие ее хоть как-то успокаивает. Приезжая домой на обед, он иногда заставлял ее прогуляться, сходить за покупками. Он обещал, что последит за телефоном. Минако кивала в ответ, но все равно отказывалась выходить. Миками понял, что Аюми есть в кого быть такой упрямой... Вот так же их дочь запиралась в своей комнате за несколько дней до бегства.

И все же... он прекрасно понимал, какие чувства заставляют Минако не отходить от телефона. После бегства дочери последовали два месяца молчания, и странные звонки, когда позвонивший молчал в трубку, стали для родителей, дошедших до отчаяния, подтверждением того, что их дочь жива. В тот вечер на севере префектуры разразился ливень. К ним поступали сообщения об оползнях, и Миками вернулся домой поздно, и на первые два звонка ответила Минако. В первый раз им позвонили в начале девятого. Как только Минако назвала свое имя, звонивший повесил трубку. Второй звонок последовал ровно в половине десятого. Минако позже объяснила Миками: она сразу догадалась, что это Аюми, как только телефон зазвонил. Во второй раз она промолчала, только прижала трубку к уху. Она помнила: если они пробовали давить на Аюми, девочка сразу замыкалась, уходила в себя. Вот почему Минако решила ее не дергать. Она заговорит, ей просто нужно время. Минако ждала и молилась. Пять... десять секунд. Но звонивший тоже молчал. Когда Минако наконец не выдержала и окликнула дочь по имени, звонок немедленно прервался.

Минако была вне себя, когда позвонила Миками на мобильный. Он поспешил домой. «Позвони, хотя бы еще один разочек!» Он ждал, надеясь вопреки всему. Телефон зазвонил незадолго до полуночи. Миками схватил трубку. Секунда молчания. Сердцебиение у него участилось. И он позвал:

– Аюми! Я знаю, что это ты, Аюми! – Ответа не последовало. Миками позволил эмоциям одержать над собой верх. – Аюми! Где ты? Возвращайся домой! Все будет хорошо, только возвращайся домой сейчас же! – Он говорил что-то еще, но не помнил, что именно. Кажется, снова и снова звал дочь по имени. В какой-то момент звонивший снова нажал отбой.

Миками еще долго стоял, прижимая трубку к уху. И только потом понял, что совершенно забыл все, чему его учили, – из сотрудника полиции, детектива он превратился в отца. Он забыл даже азы; забыл о том, что нужно обращать внимание на фоновые шумы. У Аюми не было мобильного телефона. Ему показалось, что звонили из телефона-автомата. И он все же расслышал на заднем плане какой-то постоянный шум. Что там было – дыхание, шум большого города или что-то другое? Он отчаянно старался вспомнить, но так и не вспомнил. Осталось лишь слабое ощущение, которое даже нельзя было назвать воспоминанием. Он постоянно слышал какой-то шум, который то усиливался, то ослабевал. У него разыгралось воображение. Бесконечный поток машин, большой город ночью. Телефонная будка стоит на тротуаре. И Аюми, которая свернулась клубочком на полу... «Она, наверняка она», – внушал себе Миками. Шаги его становились неровными. Сам того не сознавая, он стиснул кулаки. Кто еще, если не Аюми, мог три раза звонить домой и молчать в трубку? Кроме того, их номера не было в телефонном справочнике. Они жили не в служебной квартире, отведенной для сотрудников полиции. После свадьбы Миками и Минако поселились у Миками, чтобы ухаживать за его престарелыми родителями. В то время их номер еще значился в справочнике под фамилией его отца. Вскоре болезнь унесла его мать, а после «Дела 64» скончался и его отец – от пневмонии. Новым главой семьи стал Миками. Он сразу же подал прошение о том, чтобы его домашний номер удалили из телефонного справочника. С тех пор их телефон засекречен. По опыту

места, где проходят тренировки, соревнования и аттестации в японских боевых искусствах, а также место, где группа людей собирается, чтобы дисциплинировать себя. (Здесь и далее примеч. ред.)

работы в уголовном розыске Миками хорошо знал, что справочником часто пользуются пранкеры и извращенцы. После того как их номер стал «закрытым», вероятность подобных звонков свелась к минимуму. Правда, можно случайно попасть к ним, если набирать номера наугад. Возможно, так и получилось. Услышав в первый раз женский голос, шутники осмелели, позвонили во второй, а затем и в третий раз. Конечно, все возможно. Кроме того, его номер был известен многим коллегам. За двадцать восемь лет службы кто-то мог затаить на него обиду. И все же... какой смысл гадать, что могло случиться? Им звонила Аюми! Миками в это верил. Убеждал себя. У них с Минако просто не было другого выхода. Они тешили себя надеждой, что их дочь жива. Аюми позвонила им. Она где-то жила два месяца. После ее побега прошло уже три месяца, но она жива. Вот и все, на что они могли рассчитывать.

Миками зашел в здание с черного хода. Весь месяц он только о том и думал: о ее нерешительности. О тех трех звонках. Может, Аюми что-то пыталась им сказать? Или, наоборот, ничего не пыталась сказать, а просто хотела услышать голоса родителей? Она звонила дважды, но оба раза к телефону подходила Минако. Поэтому она позвонила в третий раз. Потому что ей хотелось услышать и голос отца.

Иногда он думал: Аюми хотела поговорить именно с ним, а не с Минако. Наконец, с третьей попытки, к телефону подошел он. Она хотела ответить, только ей не удавалось подобрать нужные слова. Она хотела, чтобы он знал. Может быть, она говорила про себя: «Прости меня. Я принимаю свое лицо таким, какое оно есть».

Неожиданно у Миками закружилась голова. Головокружение накрыло его, когда он вошел в служебный вход, ведущий в главное здание. «Только не сейчас!» Перед глазами все почернело; он выругался, теряя равновесие. «Присядь!» – приказал мозг, но руки упорно тянулись, ища опору. Он нащупал холодную стену. Прислонился к ней и стал ждать, пока приступ пройдет. Постепенно возвращалась способность видеть. Он зажмурился от яркого света. Открыл глаза. Увидел серые стены и большое, в полный рост, зеркало. Посмотрелся в него. Увидел свои плечи, которые поднимались и опускались, когда он дышал. Свои раскосые глаза. Толстый нос. Резко очерченные скулы... Его лицо было как будто вырублено из камня.

Откуда-то сзади послышался пронзительный смех. Над ним издеваются – вот какой была первая мысль.

Затаив дыхание, он бросил взгляд в зеркало и увидел, как по коридору мимо него прошли две сотрудницы дорожной полиции. Они смеялись, перебрасываясь на ходу учебной гранатой.

Глава 7

Миками умылся в туалете. Ладони у него так вспотели, что отталкивали воду. Он вытерся, не глядя в зеркало, и вернулся в свой отдел. Сува и Курамаэ сидели на диване, сблизив головы, и о чем-то разговаривали. Миками надеялся, что в его отсутствие они пойдут в пресс-центр и посмотрят, что происходит у репортеров. Почему они снова вернулись в комнату вместе?

– Что-то случилось? – спросил он резче, чем собирался.

Сува встал. Вид у него был подавленный. Курамаэ, ссутулившись, поплелся к себе за стол.

– Миками-сан, простите меня! – прошептал Сува. – Они нас выгнали.

– Выгнали?!

– Да... Не знаю, что сказать.

Удар был силен. Миками понимал, что, находясь в прессцентре, его обитатели пользуются определенной независимостью. Однако, с другой стороны, пресс-центр репортерам предоставили в полиции. Сделали доброе дело, отвели помещение, чтобы репортерам удобнее было отправлять материалы в редакции. Очень неприятно, что репортеры выгоняют полицейских, так сказать, своих «домохозяев».

– Неужели все настолько плохо?

– Они определенно что-то задумали.

– По-вашему, за всем стоит «Тоё»?

– Да. Они мутят воду, заводят остальных.

Миками вспомнил выражение лица Акикавы и его язвительный вопрос: «Вы, полицейские, совершенно нам не доверяете. Так?»

– Можно ли как-то исправить положение?

– Да, конечно... Не сомневаюсь, я сумею разрядить обстановку. Просто не уверен, что удастся сделать это сейчас же, – без всякой уверенности в голосе ответил Сува. Не похоже было, чтобы он нарочно принижал свои достоинства. Может быть, повод настолько серьезен, что даже такой опытный пиарщик, как Сува, чувствует себя рыбой, выловленной из воды? Миками сел за стол, закурил и достал из кармана записную книжку.

– Скоро к нам приедет генеральный комиссар.

– Что, простите? – Сува вытаращил глаза.

Курамаэ и Микумо тоже посмотрели на Миками.

– Генеральный комиссар приедет с инспекцией. Он намерен посетить то место, где похитили Сёко, а также дом ее родителей.

– Когда?

– Ровно через неделю.

– Через неделю?! – ахнул Сува. Он шумно выдохнул и заговорил: – Трудно придумать более неподходящее время!

– Пока вы можете лишь намекнуть об этом представителям прессы, – сказал Миками, листая записную книжку. Найдя нужную страницу, приказал Суве скопировать расписание визита комиссара.

– Запланировано интервью на ходу продолжительностью в десять минут. Значит, хватит времени на три или четыре вопроса.

– Да, похоже на то.

– Как журналисты обычно выбирают тех, кто задает вопросы на таких мероприятиях?

– Как правило, каждое издание представляет по одному вопросу, а потом председательствующие в пресс-клубе составляют окончательный список. Почти все время все они спрашивают об одном и том же.

Миками кивнул:

– Если вы расскажете им о визите комиссара сейчас, когда, по-вашему, они представят вам вопросы на рассмотрение?

– Наверное... – Сува не окончил фразы.

Миками все прекрасно понимал. Всего несколько минут назад журналисты бесцеремонно выставили Сува из пресс-центра.

– Передайте, что вопросы необходимо подготовить к началу следующей недели. Начальство хочет их просмотреть.

– Конечно. Непременно передам, – с вымученной улыбкой ответил Сува и несколько раз кивнул, словно успокаивая Миками.

«Все будет хорошо», – внушал себе Миками. Визит генерального комиссара, инспекция нераскрытого дела о похищении. Он не сомневался, что новости ждут их всех. Придется подождать. Сейчас самое главное – договориться о перемирии с прессой. Что-то придумать с персональными данными в прессрелизах. Наверное, это будет нетрудно.

Сува отошел к своему столу, но вдруг обернулся и склонил голову набок:

– А интересно... почему он именно сейчас заинтересовался «Делом 64»?

– Наверное, хотят пропиарить уголовный розыск. – Он встал, давая понять, что разговор окончен. Не глядя на Сува, он распорядился: – Значит, разберитесь, пожалуйста, с прессой. А я ненадолго выйду.

– Где вы будете?

– Поеду домой к родителям Сёко. Мне нужно договориться с ними о визите. – Миками посмотрел на Курамаэ. – Вы можете поехать со мной? – Он не привык просить подчиненных возить его туда-сюда, но его беспокоили приступы головокружения. Сегодня это случилось уже не первый раз. В последние две недели такие приступы участились.

– Вообще-то я должен забрать интервью в железнодорожном отделе; они взяли группу хулиганов, которые бесчинствовали в поездах.

Пока Курамаэ объяснял, почему не может поехать с ним, Микумо смотрела на него в упор, словно напоминая о своем присутствии. Миками с трудом удержался, чтобы не воскликнуть: «Ну уж нет, только не вы!» В смысле энтузиазма по отношению к работе Микумо могла дать Курамаэ сто очков вперед. Кроме того, до прихода в их управление она служила в дорожной полиции; значит, может водить микроавтобус даже во сне.

На улице ветер взметал вверх облака пыли. Как только они с Микумо вышли из главного здания, она быстро зашагала против ветра по парковке. Через минуту она подогнала ко входу служебную машину, которая полагалась Миками как директору по связям с прессой.

– Вы знаете адрес? – спросил Миками, садясь на переднее пассажирское сиденье.

– Конечно, – отозвалась Микумо, уверенно выруливая к выезду.

Миками понял, что напрасно спросил. Если сотрудники Центрального управления префектуры не знали нужного адреса, значит, они не полицейские, а самозванцы. Как всегда, Миками сбивала с толку молодость Микумо. Ей только что исполнилось двадцать три года. В то время, когда похитили Сёко, ей было лет девять; значит, Микумо всего на пару лет старше маленькой жертвы.

По дороге они остановились у магазина и купили коробку рисового печенья в подарок. На автомагистрали общенационального значения было мало машин. После того как они свернули на трассу префектурального значения, ряды зданий исчезли; даже придорожных магазинов стало меньше. Они приближались к бывшей городской окраине, району Морикава.

– Миками-сан... – обратилась к нему Микумо, по-прежнему глядя на дорогу.

– Да? В чем дело?

– Мы все испытали большое облегчение... когда узнали, что там не ваша дочь. – Она имела в виду события вчерашнего дня. – Я знаю, она обязательно найдется. Я уверена! – немного в нос продолжала Микумо.

В таких случаях Миками всегда терялся с ответом. «Оставьте...» – вот и все, что приходило ему в голову. По закону частная жизнь сотрудников полиции и их близких строго охранялась. Однако запреты относились только к посторонним. Внутри правоохранительных органов слухи, как правило, распространялись с ошеломляющей скоростью. Служивцы то и дело подходили к Миками и спрашивали об Аюми. Они поступали так по доброте душевной. И потому, что заботились о нем. Но, как бы часто Миками ни напоминал себе об этом, он по-прежнему не мог с благодарностью относиться к подобным расспросам. Акама вроде бы тоже проявлял заботу, но совершенно из других побуждений – кстати, не только он один. Несмотря на то что они почти не знали Миками, многие сослуживцы изображали озабоченность и, едва заметив его, засыпали вопросами. При этом кое-кто не скрывал самодовольства, как будто сочувствие горю Миками давало им возможность либо навести мосты, либо потребовать чего-то взамен. Были и такие, которые рассыпались в изъявлениях сердечного сочувствия и с удовольствием выслушивали благодарность Миками. К таким людям он испытывал растущее отвращение, что даже пугало его. Всеобщее внимание нестерпимо ему досаждало.

И все же...

– Спасибо! – произнес он вслух.

Он искренне верил, что Микумо – одна из немногих, кто в самом деле заслуживает его доверия.

– Ну что вы, совсем не нужно меня благодарить... – Девушка покраснела и расправила плечи.

Она была почти до неприличия доброй. Если учесть, что она сама захотела служить в полиции, пора бы ей стать более закрытой и настойчивой. Несмотря ни на что, Миками понимал, что Микумо – редкая птица. Она выросла в мире, где нравственность, секс и даже основная система ценностей пришли в полный беспорядок; однако сама оставалась незапятнанной. Она была красивой и невинной. В чем-то она напоминала ему Минако, когда та была моложе. Вполне естественно, многие молодые холостяки в управлении были влюблены в Микумо; даже в пресс-центре не один репортер строил планы, как бы увезти ее с собой в Токио. Сува уже обмолвился, что одним из влюбленных был Акикава. Вот почему, главным образом, Миками по-прежнему отказывался допустить Микумо до прямых контактов с журналистами.

Впереди раскинулся типичный сельский пейзаж; время от времени за окнами мелькали частные дома. Они очутились на западной окраине города Д. Вскоре впереди показался гигантский консервный завод – размером с какой-нибудь торговоразвлекательный центр. Он возвышался на берегу реки, обозначая границу с соседней деревней. На территории завода стоял и жилой дом под черепичной крышей, построенный в традиционном японском стиле. «Консервный завод Амэмии». Замысел продавать в небольших бочонках маринованные баклажаны и огурцы оказался удачным; дело стремительно набирало обороты. Завод регулярно показывали в новостях; впоследствии казалось вполне вероятным, что именно успех Амэмии привлечет внимание похитителя.

Миками жестом велел Микумо притормозить; он присмотрел для парковки пустырь невдалеке от дома.

– Ждите меня здесь.

Ему показалось, что бестактно брать девушку с собой к родителям Сёко, которой было бы сейчас примерно столько же лет, сколько Микумо.

Миками вышел из машины и решительно зашагал к дому по узкой дорожке – он помнил, что раньше она была просто тропинкой.

«Мы арестуем этого подонка!»

Миками вспомнил тот день, когда входил в дом впервые.

Тогда он пылал праведным гневом. С тех пор прошло целых четырнадцать лет. В тот раз Миками, разумеется, и представить себе не мог, что приедет сюда договариваться о пиар-кампании. В общем, он шел к дому со смешанными чувствами. Всякий раз, закрывая глаза, он видел перед собой Аюми. Непросто будет вести деловые переговоры, беседовать с родителями, которые лишились дочери. Он разгладил пиджак и, перед тем как нажать кнопку звонка, посмотрел на табличку с фамилией Амэмия.

Глава 8

Только что включенный обогреватель защелкал, и в комнату поплыла волна теплого воздуха.

– Да, давненько вы у нас не были...

Миками отказался от предложенной подушки, опустил на колени, а обе ладони положил перед собой на татами. Низко поклонившись, он придвинул хозяину подарок – коробку с рисовым печеньем. В ответ Ёсио Амэмия лишь едва заметно кивнул. Хотя стены слегка потемнели, Миками показалось, что обстановка в гостиной, куда его провели, осталась такой же, как была четырнадцать лет назад. Зато изменения, произошедшие с Амэмией, бросались в глаза; казалось, он состарился не на четырнадцать, а гораздо больше лет. Не верилось, что ему всего пятьдесят четыре... Волосы у него совершенно поседел; он перестал стричься. Лицо было бледным, одутловатым. Глаза запали, лоб и щеки прорезали глубокие морщины. Так выглядел отец убитой девочки. Горе и страдание оставили отпечаток на его лице – по-другому не скажешь.

В соседней комнате находился буддийский алтарь. Раздвижные двери оставили открытыми, поэтому внушительный алтарь у дальней стены сразу бросился в глаза. На нем стояли две фотографии: Сёко и жены Амэмии...

Миками вздрогнул. Он не знал, что Тосико Амэмия скончалась.

Когда же это произошло?

Он понимал, что должен выразить соболезнование. Но никак не мог улучшить минуту, чтобы заговорить на такую щекотливую тему. Амэмия сидел напротив него, по другую сторону низкого стола, и был похож на пустую раковину. Невидящий взгляд его запавших глаз был направлен в грудь Миками. Не в силах вынести затянувшегося молчания, Миками достал свою визитную карточку.

Амэмия вспомнил его... Похоже, он даже обрадовался незваному гостю. В глубине души Миками представлял себе их встречу по-другому. Поэтому он так долго не решался заговорить. «Директор по связям с прессой, а не детектив». Ему стало стыдно. И зачем только он согласился перейти на другую работу?

– Извините, что не сообщил вам раньше о том, что теперь я занимаю другой пост.

Амэмия никак не отреагировал. Правая его рука лежала на столе. Миками заметил, какие сухие и морщинистые у Амэмии пальцы. Еще он заметил, что ноготь на указательном пальце надломился, почернел, словно от нарыва. Время от времени палец дергался, но он так и не взял лежащую на столе визитную карточку Миками. «Утрата социальных навыков... Затворническое поведение». Похоже, Амэмия действительно стал затворником... Может быть, все дело в том, что он больше не работал. Миками слышал, что после похищения Амэмия ушел из совета директоров «Консервного завода Амэмии», а все дела передал своему двоюродному брату.

– Простите, но... – Он вынужден был спросить. – Когда ваша жена?..

Амэмия повернулся к алтарю. Довольно долго смотрел на него. Когда он наконец снова обратил внимание на гостя, Миками показалось, что глаза у него сверкнули.

– Шесть лет назад у нее случился инсульт. А год назад она...

– Мне очень жаль... – Миками показалось, что Амэмия начал понемногу оттаивать. И все же Миками не спешил переходить к делу. – Она была слишком молода, чтобы умирать.

– Да. Рано она ушла... Так и не узнала, кто...

Она умерла, не увидев, как похитителя настигло справедливое возмездие. Возможно, Амэмия вспомнил горькое разочарование жены; его расфокусированный взгляд ненадолго стал сосредоточенным. У Миками заболело сердце. Всякий раз, как при нем упоминали «Дело 64», он готов был сгореть от стыда.

Один судьбоносный день!

В полдень пятого января шестьдесят четвертого года периода Сёва² семилетняя Сёко Амэмия вышла из дому со словами: «Схожу за своими новогодними подарками». Она пошла к своему дяде, а по дороге пропала. Через два часа Амэмии позвонил похититель и потребовал выкуп. Амэмия показал, что услышал в трубке голос мужчины от тридцати до сорока лет, хриловатый, без особенностей произношения. Содержание разговора – как в учебнике криминалистики. «Ваша дочь у меня. Завтра в полдень приготовьте двадцать миллионов иен и ждите. Если обратитесь в полицию, она умрет». К телефону подошел ее отец. Он просил дать трубку дочери, но похититель оборвал разговор.

После долгих сомнений Амэмия в начале седьмого вечера все же сообщил в полицию. Через сорок пять минут у него дома собрались четыре оперативника, сотрудники Первого управления уголовного розыска. Их срочно вызвали на работу и велели проникнуть в дом жертвы незаметно. Сотрудники местного отделения корпорации «Эн-Ти-Ти» приготовились записывать все звонки. Они отстали от преступника всего на шаг: похититель позвонил во второй раз за несколько секунд до их прихода. «Деньги должны быть в старых купюрах. Сложите их в самый большой чемодан, который можно купить в «Марукоси». Принесите чемодан в то место, которое я укажу завтра. Приезжайте один»...

«Если бы только удалось записать голос подонка! Если бы удалось отследить, откуда он звонил!» – вот что повторяли, горестно вздыхая, все детективы, работавшие по делу. В восемь вечера того же дня в Центральном полицейском управлении префектуры Д. была создана особая следственно-оперативная группа. Еще через полчаса к Амэмии поехал Миками, назначенный заместителем руководителя группы быстрого реагирования. Ему поручили тщательно проработать все подробности завтрашнего обмена. В это время оперативники уже опрашивали родителей девочки. «Вы узнали голос похитителя? Не происходило ли в последнее время чего-то подозрительного? Знаете кого-нибудь, кто мог бы затаить на вас злобу? Нет ли денежных проблем у кого-то из ваших старых служащих?» Бледные, потрясенные Амэмия и его жена только хмурились и качали головой.

Всю долгую ночь никто из собравшихся не сомкнул глаз; все напряженно смотрели на телефон. Амэмия все время сидел на коленях в традиционной позе сэйдза. Рассвело, но похититель больше не звонил. Тосико на кухне готовила рисовые колобки. Сделав целую гору, она сварила еще риса и начала все сначала, повторяя все движения машинально. Казалось, что она молится. Но...

Ее молитвы не были услышаны.

Шестьдесят четвертый год периода Сёва, последний год правления императора Хирохито, длился всего неделю. Потом фанфары возвестили наступление периода Хэйсэй, когда на трон вошел император Акихито. Но именно в последний год предыдущего периода некий преступник похитил и убил семилетнюю девочку, а затем бесследно исчез. Кодовое название «Шестьдесят четыре» напоминало, что похищение относится не к первому году периода Хэйсэй, а к шестьдесят четвертому году периода Сёва...

Миками нерешительно посмотрел на алтарь. На фотографии Тосико улыбалась. Ее молодость застала его врасплох. Наверное, снимок был сделан в то время, когда она была еще веселой и беззаботной; разве могла она представить, что ее дочь похитят.

Амэмия снова замолчал. Он по-прежнему не спрашивал Миками, зачем тот приехал. Глаза у него снова стали пустыми. Он пребывал где-то в другом месте...

---

² **Период Сёва** (Просвещенный мир) – девиз правления императора Хирохито. Период длился с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года.

Миками осторожно кашлянул. У него не оставалось другого выхода. Придется взять инициативу на себя. Нельзя допустить, чтобы Амэмия снова ушел в свою раковину, прежде чем узнает причину появления полицейского.

– Я должен кое-что вам сказать... объяснить, почему я сегодня к вам приехал.

Он тут же мысленно упрекнул себя: «Спросить, а не сказать!» Надо было по-другому построить фразу. Миками заторопился, почувствовав, как насторожился хозяин дома.

– Откровенно говоря, дело в следующем. Наш самый главный начальник, генеральный комиссар Кодзука, глава Национального полицейского агентства из Токио, выразил желание на следующей неделе посетить вас. Мы помним, что после похищения прошло уже много времени, но мы по-прежнему хотим найти преступника и привлечь его к ответу любыми доступными нам средствами. Комиссар намерен поощрить членов следственно-оперативной группы, а также посетить место преступления; кроме того, он выразил пожелание нанести вам визит и принести свои соболезнования...

Ему стало трудно дышать. Чем больше он говорил, тем больше казалось, будто грудь заполняется удушливым газом. Амэмия смотрел в пол. Его разочарование было очевидным. Ничего удивительного. Только сейчас, четырнадцать лет спустя, ему говорят, что главный полицейский начальник собирается вдохнуть в следствие новую жизнь. «Политика, игры... пиар». Наверное, именно об этом думает сейчас Амэмия.

Понимая, что у него нет другого выхода, Миками продолжал:

– Не стану отрицать, следствие зашло в тупик. Но именно поэтому комиссар и хочет приехать. Его визит будет широко освещаться в средствах массовой информации; есть надежда, что у нас появятся новые следы. – Он сделал паузу, во время которой Амэмия низко склонил голову:

– Примите мою благодарность.

Голос его звучал спокойно. Миками еле слышно вздохнул, хотя ему было не по себе. Все же он уговорил отца убитой девочки. В конце концов родственники жертв всегда делают так, как им говорят полицейские. Пострадавшие, не имея возможности мстить самостоятельно, всецело полагаются на полицию, призванную привлечь преступников к ответу. Теперь Миками это понимал.

Миками достал записную книжку, нашел свои записи, сделанные в кабинете Акамы.

– Приезд комиссара запланирован на вторник, двенадцатое... – Он прервался, услышав сдавленный голос Амэмии, и склонил голову набок.

– Но в этом нет необходимости.

Миками показалось, что он ослышался.

– Простите, Амэмия-сан, что вы сказали?

– Я благодарен вам за предложение, но в этом нет необходимости. Совсем не нужно, чтобы столь важный человек ехал в такую даль.

Нет необходимости?!

Миками чуть отодвинулся. Амэмия им отказывал! Хотя он по-прежнему рассеянно смотрел куда-то вдаль, говорил он вполне уверенно и убежденно.

– Но... позвольте спросить: почему?

– У меня нет какой-то особой причины.

Миками тяжело вздохнул. Что-то случилось. Он интуитивно это понял.

– Наше предложение оказалось нехстати, или...

– Нет, не в том дело.

– Тогда в чем?

Амэмия молчал. Он ни разу не взглянул Миками в глаза.

– Повторяю, есть надежда, что после визита комиссара у нас появятся новые следы.

Молчание.

– Генеральный комиссар – наш самый большой начальник. Его визит непременно получит широкое освещение в средствах массовой информации. Его покажут по телевидению. Новость увидит большое количество людей.

– Я благодарен вам за предложение...

– Прощу вас, Амэмия-сан. Возможно, появятся какие-то новые следы...

Миками сообразил, что невольно повысил голос, и заставил себя говорить тише. Отец погибшей девочки им отказал. Разве он не обязан смириться? Придется исключить дом жертвы из программы визита, не умаляя его значимости. Конечно, дом Амэмии – важный пункт программы, и все же общий результат, возможно, не пострадает. Ведь комиссар намерен побывать на месте преступления и произнести вдохновляющую речь для членов следственно-оперативной группы по «Делу 64».

Но как отреагирует Акама, когда Миками доложит, что Амэмия отказался принимать у себя комиссара? Молчание затянулось; у Миками разболелась голова.

– Позвольте приехать к вам еще раз.

Амэмия ничего не ответил. Положил ладони на татами, встал и едва заметно кивнул перед тем, как скрыться в недрах дома.

Почему он им отказал?

Миками покосился на свою визитную карточку и рисовое печенье – все осталось нетронутым и лежало на прежнем месте. Он помассировал затекшие ноги и с трудом поднялся с пола.

Глава 9

За время краткого отсутствия Миками положение изменилось. На двери пресс-центра красовался кусок картона с надписью:

«Вход воспрещен всем, кроме членов пресс-клуба. Идет совещание».

Сува сидел за своим столом.

– Что там происходит? – Миками подбородком указал на дверь пресс-центра.

Смущенный Сува вскочил:

– Они обсуждают сокрытие персональных данных. Кажется, собираются подать официальный письменный протест.

Миками раздраженно цокнул языком. Письменный протест! Такое случается впервые за то время, что он вступил в должность директора по связям с прессой!

– Вам удалось сообщить им о предстоящем визите комиссара?

– М-м-м... Сказать-то я сказал, но они ответили, что все обсудят на совещании. Подозреваю, что они собираются вставлять нам палки в колеса.

Миками сгорбился в кресле и распечатал новую пачку сигарет. Все оказалось хуже, чем он ожидал. Отношения с прессой заметно ухудшились. А что же будет теперь, после того, как Ёсио Амэмия отказался принять комиссара у себя дома, чтобы тот принес ему свои соболезнования?

Сам генеральный комиссар! «Дело 64»... Миками не сомневался, что репортеры оскалят клыки. После разговора с Амэмией у него болела голова, но сейчас вдруг наступила ясность. Он сосредоточился на одном дне в календаре.

Четверг, двенадцатое.

До тех пор он должен как-то уговорить Амэмию принять комиссара и помириться с журналистами.

– А вечером я пригласил их всех выпить, – продолжал Сува.

Его делано беззаботный тон резал слух. Миками думал, что Сува обрадуется, видя, что из реформ Миками ничего не вышло, но Сува, похоже, растерян. Сува с самого начала служил в управлении по связям со СМИ, но увереннее всего чувствовал себя, так сказать, на передовой. Он не отказался от традиционных методов коммуникации и охотно проводил время в пресс-центре, стараясь за дружеской беседой с репортерами выяснить, чем они заняты и чего ожидают. Он охотно демонстрировал общительность, играя с репортерами в сёги, го и маджонг³. В конце рабочего дня Сува часто приглашал репортеров выпить; чтобы завоевать их доверие, жаловался на высокомерие и нечуткость начальства. Старые, грубые, но проверенные временем методы он разбавлял остроумием и дипломатичностью. В конце концов, поддавшись его обаянию, репортеры часто принимали точку зрения полиции. Сува окончил Токийский университет и часто вспоминал о столице. Со многими репортерами он посещал одни и те же лекции. С журналистами помоложе он вел себя как старший брат. Благодаря своей общительности он стал своим человеком в пресс-центре, где сразу замечал любые изменения в атмосфере и приспосабливался к ним.

Но... Никто не гарантировал, что репортеры, которые сейчас совещались в пресс-центре, по-прежнему считали Суву своим. Собравшиеся были не просто молодыми, они были другими. Такое впечатление сложилось у Миками, когда он снова начал общаться с журналистами после двадцатилетнего перерыва. Возможно, отчасти благодаря тому, что среди них стало гораздо больше женщин, современные журналисты сильно отличались от тех, с кем ему доводилось

---

³ **Сёги** – японская настольная логическая игра шахматного типа; **го** – логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае; **маджонг** – вид пасьянса, одна из древнейших игр во всем мире.

иметь дело раньше. Они стали гораздо более упрямыми и нетерпимыми. Часто отказывались от предложения выпить, и, даже если пили, не теряли самообладания. Они неохотно соглашались сыграть в сёги и го. Миками трудно было представить, чтобы нынешние репортеры с удовольствием играли с полицейскими в маджонг. Некоторые из них даже высказывались против необходимости существования самого пресс-центра, объявляя его рассадником сговоров и тайных соглашений с полицией; они не стеснялись осуждать пресс-клуб, хотя и пользовались преимуществами того, что состояли в нем.

Именно поэтому Сува, который раньше всегда был в состоянии оценить настроения в пресс-клубе, последнее время все больше терял хватку. Он уже не казался репортерам своим, таким же, как они. Стоило Суве поверить в свою удачу, как он попал в ловушку... Миками вспомнил недавние слова Сувы: «Если не получается договориться с ними, надо торговаться». Миками показалось, что эти слова выдают растущую тревогу, несмотря на то что Сува так давно работает в управлении по связям со СМИ.

– Миками-сан, я их нашла.

К нему подошла Микумо с большой папкой в руках. Миками не сразу понял, о чем она, а потом кивнул. Еще в машине, на обратном пути, он попросил ее разыскать в архиве все имеющиеся газетные вырезки о похищении Сёко.

Он смял окурочок. Отношения с прессой могут подождать. Пусть репортеры сделают первый ход. Сейчас у него есть другое неотложное дело – он должен уговорить Амэмию. Отчасти им руководило чувство долга, но, кроме того, ему хотелось понять, что Амэмия чувствует. Однако в первую очередь нужно найти ответы на некоторые вопросы.

Почему он отказался принять комиссара? Потому что воспоминания о похищении постепенно стираются...

Нелепо! Обычно родители, трагически потерявшие ребенка, не могут спать спокойно, пока не увидят лица убийцы.

Потому что он разочаровался в полиции.

Да, наверное... Полицейские потратили на это дело много времени, были задействованы на поиски огромные силы, однако найти преступника так и не смогли.

Может быть, Амэмия затаил на них обиду?

Возможно. Список подозреваемых был огромным и включал семь с лишним тысяч человек. В него попали и некоторые родственники Амэмии. Особенно пристально следователи занимались его младшим братом – Кэндзи Амэмией. Он стал главным подозреваемым; его допрашивали несколько дней подряд.

Миками листал архив.

Сёко Амэмия. Ученица первого класса начальной школы «Морикава Ниси». На фотографии она выглядела такой маленькой, что ее можно было принять и за дошкольницу. Сёко сфотографировали в традиционном новогоднем кимоно. Волосы были заплетены в косу и скреплены розовой заколкой; губы поджаты и накрашены ярко-красной помадой. Снимок сделали в местном фотоателье за полмесяца до похищения, в честь праздника Сити-го-сан, который отмечается пятнадцатого ноября. По случаю праздника пятилетних и трехлетних мальчиков, а также семилетних и трехлетних девочек наряжают в праздничные одежды и ведут в синтоистские храмы. Кэндзи Амэмия не присутствовал на празднике. После смерти отца он ссорился со старшим братом, Ёсио, из-за наследства. Кэндзи переживал трудности с деньгами. Его предприятие, мастерская по ремонту мотоциклов, находилось на грани банкротства. Кэндзи задолжал местному ростовщику почти десять миллионов иен.

Естественно, его проверяли особенно внимательно. Первого декабря, в день похищения, Сёко пообедала и одна вышла из дому. Она собиралась зайти к Кэндзи домой, а жил он всего в полукилометре к западу от дома ее родителей. Девочка не знала, что дядя и отец ссорятся из-за наследства. Он обещал подарить ей детский косметический набор, и Сёко очень хотела

поскорее забрать его. Дядя Кэндзи всегда дарил ей деньги на Новый год, но в том году так и не пришел на праздник. Ее мама, Тосико, не разрешала ей идти к дяде, но Сёко упростила ее – против ее улыбки трудно было устоять. Их дом окружали рисовые поля, но Сёко отправилась к дяде по лесной дороге. Тропинка шла вдоль лесозащитной полосы; в основном ее не было видно со стороны. Правда, где-то на полпути между родительским домом и домом Кэндзи Сёко видел ее одноклассник. Мальчик стал последним свидетелем, который застал Сёко в живых.

Анализ содержимого желудка показал, что в нем находилось непереваренное рагу, которое девочка ела в тот день на обед. Значит, ее убили вскоре после того, как она вышла из дому. В тот день Кэндзи был дома один, так как его жена и дочь поехали в гости к его родителям. В своих показаниях он утверждал, что племянница к нему не приходила и он ее не видел. Несмотря на это, его еще долго считали главным подозреваемым – главным образом, потому, что в те дни никто не сообщал о появлении в округе подозрительных людей или незнакомых машин. Амэмия заявил, что по телефону ему звонил не Кэндзи. Однако Кэндзи все равно продолжали подозревать. Возможно, у него были сообщники. Насколько было известно Миками, Кэндзи так до конца и не оправдали. Наверное, некоторые детективы, работавшие над делом, по-прежнему считали похитителем именно его.

Но достоверно никто ничего не знал.

Дело тянулось вот уже четырнадцать лет; Миками многое забыл. У него не было доступа к досье на подозреваемых, и он не знал, кого из них окончательно оправдали и находится ли Кэндзи до сих пор под подозрением. Миками понял, что хватается за соломинки, когда предположил, что Амэмия обиделся на стражей порядка за то, что те подозревают его брата.

Он продолжал рыться в архиве, но не нашел там никаких сведений о Кэндзи Амэмии.

Протоколы допроса Кэндзи и другие материалы были засекречены. Доступ к ним имели немногочисленные сотрудники отдела особо тяжких преступлений. Вот почему сведения о Кэндзи так и не попали в прессу. Статьи, выходявшие четырнадцать лет назад, описывали похищение лишь в общих чертах. Никаких сведений о потенциальных подозреваемых журналистам не передавали. В связи с особой серьезностью «Дела 64» ему был присвоен высший уровень секретности. Кроме того, вскоре после похищения СМИ переключились на еще более значимое событие: целый поток репортажей освещал похороны императора Хирохито. Полистав архивы, Миками понял, вряд ли что-то в них поможет ему вытащить Амэмию из его раковины.

Перед мысленным взором Миками замаячило лицо старого сослуживца. Он встал:

– Я ненадолго уеду.

– Где вы будете? – спросил Сува, оторвавшись от газеты.

– Я еду по личному делу. Звоните, если там, – он кивнул в сторону пресс-центра, – что-нибудь изменится.

Сува медленно кивнул. Скорее всего, он подумал, что Миками едет куда-то по делу, связанному с его дочерью.

Миками вспомнил слова Акамы: «Если вы привлечете уголовный розыск, все только осложнится... До тех пор вы должны рассматривать визит как дело совершенно секретное».

Он, можно сказать, собирается нарушить приказ начальника... Миками понимал: если Акама узнает, куда он сейчас поедет, его ждут крупные неприятности.

Микумо, наверное, тоже подумала об Аюми и бросила на шефа неуверенный взгляд. Видимо, ей хотелось предложить свои услуги шофера, но она не решалась. Миками отмахнулся на ходу, давая понять, что доберется сам, и вышел, прихватив с собой папку с газетными вырезками. Сува догнал его в коридоре; он стоял, неуверенно переминаясь с ноги на ногу:

– Понимаете, Миками-сан, тут такое дело...

– Какое?

– Я собираюсь сегодня пригласить Акикаву выпить, и... – Он еще больше понизил голос. – Вы не будете против, если с нами пойдет и Микумо?

Сува смотрел на него чуть ли не с мольбой. Если бы не это, Миками, наверное, отхлестал бы его по пухлым щекам.

– Возьмите лучше Курамаэ.

Сува потупился. Уголки его губ дернулись. Миками так и не понял – то ли Сува выражал свое несогласие, то ли улыбался в знак смирения.

Глава 10

Миками выехал со стоянки.

Он собирался навестить Мотидзуки, своего бывшего сослуживца. Мотидзуки, как и Миками, был включен в группу быстрого реагирования по «Делу 64». Он сидел за рулем второй машины сопровождения. Впоследствии он оставался в составе следственно-оперативной группы и проверял тех подозреваемых, у которых имелись денежные долги. Три года назад, после того как его отца разбил инсульт, Мотидзуки вышел в отставку и возглавил семейное цветочное хозяйство. По традиции, существующей в региональных полицейских управлениях, в его личном деле написали, что он вышел в отставку «по личным причинам». Хотя отставка не освободила его от обязанности хранить секретные сведения, Миками надеялся, что Мотидзуки будет говорить свободнее, чем те, кто еще состоит на службе.

Миками ощущал смутную тревогу. Вскоре он приблизился к развилке Аои. Рядом с кафе «Аои», как и четырнадцать лет назад, висел синий рекламный плакат. Кафе было первой остановкой, когда они вместе с Амэмией ехали передавать выкуп.

Пятое января. Дом Амэмии...

Миками в ту ночь совсем не спал. На следующий день в пятом часу наконец снова позвонил похититель – это был его третий звонок. Следственно-оперативную группу он застал врасплох, так как позвонил не домой Амэмии, а в помещение конторы консервного завода. Таким образом, в третий раз записать его голос не удалось... Он представился именем Сато и попросил к телефону президента компании. Зная, что Амэмия весь день дома, его личная секретарша просто сказала, что сегодня его не будет. Похититель попросил ее кое-что передать: он заберет выкуп в кафе «Аои» на улице Аои. Амэмия должен быть там в половине пятого.

Показания секретарши, тридцатидвухлетней Мотоко Ёсиды, совпадали со словами Амэмии. Ей показалось, что звонивший – мужчина в возрасте от тридцати до сорока лет; голос хриловатый, без особенностей произношения. Из-за того, что в тот день именно она подошла к телефону, Мотоко Ёсиде позже пришлось прослушивать голоса нескольких сотен подозреваемых.

Понятия не имея, что происходит, Мотоко тут же перезвонила президенту компании домой и передала слова похитителя. Родители Сёко, а вместе с ними и оперативники запаниковали. До назначенного срока оставалось меньше двадцати минут! Правда, наличные уже были приготовлены и спрятаны в большом чемодане. Чтобы отследить перемещение чемодана, внутри спрятали миниатюрный передатчик. Кроме того, под воротник пиджака Амэмии прикололи микрофон размером с булавочную головку. Ему велели повторять вслух все, что похититель будет говорить по телефону. И все же время поджимало. Хотя они ехали очень быстро, все понимали, что понадобится не менее получаса, чтобы успеть к кафе.

Амэмия, спотыкаясь, выбежал из дома, затолкал чемодан в свой «ниссан-седрик» и на головокружительной скорости помчался к месту встречи. Сзади, под сиденьями, накрытый одеялом, прятался Кацутоси Мацуока, командир группы быстрого реагирования. Он был готов к любому варианту развития событий.

Четверо оставшихся бойцов группы быстрого реагирования разделились, сели в две машины и поехали следом за «седриком» Амэмии, держась друг от друга на расстоянии примерно в десять метров. Миками сидел на пассажирском сиденье первой машины. Сигнал микрофона, прикрепленного к пиджаку Амэмии, был слабым, в жилой зоне передача ограничивалась несколькими десятками метров. Миками получил приказ держаться по возможности близко, слушать повторяемые Амэмией указания похитителя и передавать подробности в оперативный штаб через беспроводную гарнитуру, установленную в его машине.

Они прибыли к кафе «Аои» с опозданием всего в шесть минут, в 16:36. Амэмия сразу же бросился внутрь. Владелец внимательно осматривал клиентов, держа в руке розовый телефон и выкликая имя Амэмии. «Это меня!» – сдавленным голосом крикнул Амэмия, хватая трубку. Минако тоже была в кафе; она приехала заранее и сидела у окошка в нескольких метрах от входа вместе с одним детективом. Ее попросили помочь вместе с другими сотрудницами, которым пришлось уйти из полиции после брака с сослуживцами. Они участвовали в операции под прикрытием, изображая семейные пары. В тот день Минако с раннего утра находилась в конференц-зале Центрального управления. Когда узнали, где произойдет обмен, Минако и детектив, который должен был изображать ее мужа, убежали из здания и помчались к кафе. Они успели на место за несколько минут до приезда Амэмии. Минако успела увидеть Амэмию лишь мельком. Закончив разговаривать по телефону, он тут же выбежал на улицу.

Как и ожидалось, похититель велел Амэмии переезжать из одного места в другое. Он давал ему очень мало времени и все время торопил. Сначала велел ехать по федеральной трассе на север, к фруктовой лавке «Времена года». Оттуда – к игровому залу «Атари маджонг». Дальше Амэмия должен был ехать к кафе «Сакура», которое находилось уже в муниципальном округе Ясуги. Затем, проехав километр, он повернул на дорогу муниципального значения и помчался к салону-парикмахерской «Аи-аи». После этого похититель велел ему повернуть налево, на префектуральное шоссе, и снова ехать на север.

Оставив Ясуги, Амэмия въехал в сельский округ Одзатомура, где вскоре остановился у овощного рынка «Фурусато». Еще через пять километров – «Одзато-гриль». «Шкатулки Миясака».

Оказалось, что похититель заводит их все дальше в горы. Амэмия не останавливался; дорога шла по берегу реки Футаго, это был настоящий серпантин, такой узкий, что обгоны там невозможны. Сгущались сумерки. Пошел уже седьмой час вечера. Экипаж второй машины из группы быстрого реагирования получил приказ прервать погоню. Такой же приказ дали и пяти машинам из группы перехвата, которые присоединялись к погоне в разных местах на федеральной трассе и муниципальном шоссе.

Никто не знал, жива ли Сёко и действует ли похититель один или у него есть сообщники. Но рисковать они не имели права. Похититель сразу обратил бы внимание на вереницу из семи или восьми машин на горной дороге, где обычно не бывало движения. Миками по-прежнему оставался на связи; только его машина еще ехала за «седриком» Амэмии. Они отстали, увеличив дистанцию; Миками опустил сиденье пониже, чтобы его не было видно снаружи.

Они долго ехали по грунтовой дороге, приближаясь к последнему месту, названному похитителем, – рыбной ферме «Иккю», расположенной почти у подножия горы Неюки, на самой границе префектуры. Амэмия дошел до предела. Когда на рыбной ферме он подошел к телефону, ноги у него заплетались. Похититель дал новые указания: «В полукилометре сзади есть мост – вы его переезжали. Один из фонарей перевязан пластиковым шнуром. Встаньте рядом с тем фонарем и бросьте чемодан в воду. Если вам дорога жизнь вашей дочери, вы должны сделать это через пять минут».

Тогда стало понятно, зачем похитителю понадобился самый большой чемодан. Он собирался воспользоваться им как плотом. Чтобы он удержался на нем, чемодан должен был быть достаточно плавучим. Повинуясь приказу, Амэмия развернул машину на парковке и вернулся к мосту Котохира. Как часто бывает в отдаленных районах, мост казался слишком величественным для такой глухомани. К одному из ртутных фонарей действительно был привязан пластиковый шнур. Фонарь находился с правой стороны по течению. Амэмия не раздумывая швырнул чемодан с семиметровой высоты в реку. Сначала чемодан скрылся под водой, но почти сразу его подняло на поверхность и понесло течением. Вскоре чемодан исчез из вида. В восьмом часу вечера в сумерках непонятно было, где вода, где камни и где небо...

Никто ничего не понимал; главное, неясно было, где похититель собирается забрать выкуп. Он мог прятаться на берегу в любом месте. Погоня растянулась на десять километров, в кромешной темноте, до самой плотины. Оперативный штаб, не тратя времени даром, приказал оперативникам прочесывать берега. Понятно было, что похититель прячется где-то поблизости, но где и в каком состоянии Сёко – оставалось неясным, поэтому нельзя было пользоваться ни фонарями, ни факелами. Кроме того, нельзя было шуметь, поэтому и на машинах передвигаться тоже опасались.

Поисковые отряды собрались у устья реки, возле южных отрогов Одзатомуры, и двигались на север, вверх по течению. В темноте приходилось вести поиски наугад.

Впрочем, руководство не теряло оптимизма. Там решили, что похититель, как и члены поисковых групп, не осмелится ходить с фонарем или факелом. А в темноте ему не удастся обнаружить чемодан и вытащить его из воды.

Помимо всего прочего, большие надежды возлагались на технику. Миниатюрный передатчик, спрятанный в чемодане, исправно передавал сигнал. Приемник в машине группы быстрого реагирования постоянно показывал зеленую пульсирующую точку, которая постепенно смещалась на юг.

Позже они осознали свою ошибку.

У правого берега, всего в трехстах метрах ниже по течению от того места, где чемодан упал в воду, находилась каменистая отмель, известная среди местных под названием Драконья яма. Там под водой камни образовали своеобразную пещеру. «У правого берега опасно, может затянуть в яму». О Драконьей яме прекрасно знали местные жители, байдарочники и любители сплавления на плотках.

Именно из-за Драконьей ямы похититель велел Амэмии бросить чемодан ближе к правому берегу. Когда позже проводили следственный эксперимент, бросая чемодан в том же месте, девять раз из десяти его затянуло в яму.

Похититель, который прятался где-то возле отмели, вытащил чемодан из воды, извлек из него деньги, а чемодан снова бросил в воду чуть дальше по течению. Передатчик тогда работал уже не так точно; никто не заметил паузы – раздался разве что короткий писк.

Добыв выкуп, похититель наверняка отошел от реки и, сделав крюк, спустился к ближайшей деревне. Или, возможно, он перешел перевал и спустился в соседней префектуре. Пустой чемодан с передатчиком, плывущий вниз по течению, обеспечил ему достаточно времени. Чемодан плыл мимо Одзатомуры и Ясуги; и только в семь утра, незадолго до рассвета, он застрял в запруде на северной окраине города Д.

Даже тогда невозможно было ничего предпринять. Пока оставался самый крохотный шанс, что похититель явится за чемоданом, полицейские могли лишь наблюдать за происходящим в бинокли. Ожидание затянулось до полудня; потом владелец запруды сам привез им чемодан. Бессонная игра в кошки-мышки продолжалась двадцать часов. Из-за нее многие детективы, в том числе Миками, лишь под вечер узнали о кончине императора Хирохито.

Но худшее ждало их впереди. Десятого января, через три дня после того, как полицейские получили пустой чемодан, на автомобильной свалке вблизи города Сатамати обнаружили труп Сёко Амэмии. Заметив, что вокруг ржавого седана собралась свора бродячих собак, торговец металлоломом открыл багажник... Тело находилось в плачевном состоянии. Руки девочки были связаны за спиной бельевой веревкой; рот и глаза были заклеены клейкой лентой. Горло распухло; на нем проступали багровые отметины, скорее всего от веревки.

Первые дни периода Хэйсэй ознаменовались для них унижением. Помимо гнева по отношению к похитителю и убийце, детективы чувствовали себя обманутыми. В последние дни периода Сёва их водили за нос... Из-за этого они не могли с искренней радостью встречать новый период Хэйсэй. Бесконечные телеповторы похорон императора Хирохито как будто отражали подавленное настроение тех, кто расследовал «Дело 64».

Миками повернул направо.

Впереди на обочине мелькнула реклама салона-парикмахерской «Аи-аи». Перед глазами Миками всплыло лицо Амэмии у моста Котохира. В свете ртутных ламп его лицо казалось особенно бледным, как будто призрачным. Правда, тогда Амэмия еще не испытывал отчаяния. Наоборот, он был полон надежд. Иногда он не выдерживал и бормотал вслух: «Я ведь передал выкуп... Дочь вернется домой». Амэмия как будто убеждал самого себя.

Сегодня в его глазах не было ни искорки надежды; он больше ни во что не верил. Амэмия страдал от боли утраты, он потерял ту, что была для него дороже всего на свете. Конец периода Сёва и начало периода Хэйсэй оставались для него пустыми словами. Теперь ему оставалось одно: плыть по течению в мире, в котором больше нет его дочери.

Миками прибавил газу. «Аюми жива».

За районом новостроек и старой деревней Миками увидел несколько пластиковых теплиц, блестящих на солнце.

Глава 11

Миками затормозил на обочине проселочной дороги. Контора напоминала сарай; там же размещался и цветочный магазин. За зданием выстроились в ряд четыре пластиковые теплицы. Миками приезжал сюда уже в третий раз. Предыдущие два раза он уезжал отсюда с подарками – цветами. Последний раз он был здесь, когда еще служил во Втором управлении, так что они с Мотидзуки не виделись уже почти год.

Вскоре он увидел самого Мотидзуки. Тот направлялся к одной из теплиц, толкая тачку, доверху нагруженную мешками с удобрениями. Мотидзуки по-прежнему носил оливково-коричневый джемпер иностранного производства – в бытность его детективом джемпер стал его «фирменным знаком», – только теперь он ходил в мешковатых рабочих брюках и резиновых сапогах. Такой наряд ему шел.

– Мотидзуки! – окликнул его Миками.

Несомненно, узнав его голос, Мотидзуки развернулся, расплываясь в улыбке:

– Так-так! Чего только не бывает!

– Вот именно. Знаешь ли, я постоянно занят на работе.

Снаружи задувал холодный ветер, но в теплице как будто наступила весна. Миками уже не в первый раз удивился. Какое же все огромное! Внушительными были и ряды саженцев, вытянувшихся как диаграмма, которая иллюстрирует эффект перспективы. Все они уже расцветали.

– Сегодня у нас что, воссоединение? – проворчал Мотидзуки, придвигая Миками деревянный ящик вместо стула.

– Хотелось бы. А вообще, столько дел...

– Ну да... ты ведь у нас теперь по связям с прессой?

Как и в годы службы в уголовном розыске, Мотидзуки не скрывал своей неприязни к бюрократам из администрации.

– Как поживает Мина-тян?

– В основном как раньше.

– Ну надо же... готов поспорить, она все такая же красавица, – сердито буркнул Мотидзуки. Он принадлежал к числу тех, кто до сих пор был влюблен в Минако. – А как Аюми? Сейчас она... дай-ка вспомнить... уже перешла в старшие классы?

– Совершенно верно. – Значит, он еще ничего не слышал. Сказать ему, что случилось? Нет, решил Миками, он приехал сюда для того, чтобы кое о чем спросить самому. Он сел и двинул ящик вперед. – Знаешь, до тебя я побывал у Амэмии. В связи с «Делом 64».

Мотидзуки посмотрел ему прямо в глаза:

– Я так и понял.

«Так и понял?!»

– Зачем он тебе понадобился? – продолжал Мотидзуки, не дав Миками ответить.

– По работе.

– Что за работа?

– Связанная с прессой. Сюда хочет приехать кое-кто из токийского высшего начальства и засвидетельствовать свое почтение, воскурить благовония. Амэмия должен дать свое согласие.

Мотидзуки с сомнением посмотрел на Миками:

– Значит, вот чем ты сейчас занимаешься – воскуряешь благовония?

– В основном. Я обслуживаю руководство; что только не приходится делать!

– Итак, ты ездил к нему. И что?

– Он с ходу отказал мне. Сказал, что в визите высшего начальства нет необходимости.

Миками вкратце пересказал, что произошло в доме Амэмии. Мотидзуки слушал его с непроницаемым видом.

– Переубедить его мне не удалось... По-моему, он утратил всякое доверие к полиции. Мне даже показалось, что он на что-то злится, – осторожно продолжал Миками. Вместо ответа, Мотидзуки только кивнул. – И давно он такой?

– Точно не знаю. Знаю только, что с годами он все больше уходит в себя.

– Что-нибудь случилось... между ним и нами?

Услышав местоимение «нами», Мотидзуки хихикнул:

– Да ладно тебе, Миками! Я давно уже вышел в отставку.

– Именно поэтому я к тебе и приехал. С тобой удобнее разговаривать.

Сведения о «Деле 64» по-прежнему редко просачивались наружу, даже после того, как численность следственно-оперативного штаба сократили и переименовали его в следственно-оперативную группу.

– Думаешь, он затаил на нас обиду из-за того, что мы подозревали Кэндзи, допрашивали его?

– Ни в коем случае! Брата он вообще недолюбливает.

– Ну да, из-за наследства. Что там у них вообще произошло?

– Паршивец Кэндзи начал давить на Амэмию – обещал отказаться от прав на наследство, если Амэмия сделает его директором-распорядителем на заводе. Тогда его мастерская по ремонту мотоциклов уже приказала долго жить.

– Но Амэмия отказался...

– Да. Наверное, понимал, что такой неудачник быстро разорит его компанию.

Миками, удовлетворенный, кивнул.

– Ладно. Значит, по-твоему, Амэмия обижен на нас не из-за Кэндзи?

– Да, совершенно точно.

– Кэндзи по-прежнему проходит как подозреваемый?

– По-моему, сейчас нам уже пришлось признать его невиновным. Мы подвергли его довольно жесткому допросу... особенно после того, как узнали, что он якшался с несколькими якудза низшего звена, – заговорил Мотидзуки, как будто по-прежнему расследовал то дело.

Миками вздохнул:

– Трудно поверить, что прошло четырнадцать лет. Кстати, какие-то подвижки появились?

– Мне-то откуда знать? – хмыкнул Мотидзуки. – Но могу поспорить, мы все в той же трясине. С тем делом нам не везло с самого начала, как будто нас кто-то сглазил.

«Трясина»... Миками довольно часто приходилось слышать, как сотрудники уголовного розыска отзывались о «Деле 64». Оперативникам по-прежнему приходилось проверять огромное количество подозреваемых. Ошеломленные дерзостью и тяжестью преступления, члены следственно-оперативной группы слишком широко раскинули сети. Составили предварительный список подозреваемых, куда вошли семь с лишним тысяч человек. Для проверки подозреваемых привлекли сотню сотрудников. У детективов не хватало времени, чтобы подробно разобраться в каждом случае, поэтому они вынуждены были спешить, так и не придя ни к какому выводу. Вдобавок опыт и способности у разных детективов также различались. Уровень некоторых помощников из окружного управления оказался явно ниже среднего; из отдаленных районов прислали подкрепление в виде бывших сотрудников дорожной полиции, вообще не обладавших опытом следственных действий.

С каждым днем они все больше увязали в трясине; рапорты составлялись на скорую руку. К тому времени как проблема стала очевидной для руководства, было уже поздно. У них было огромное количество потенциальных подозреваемых с неопределенным статусом; куча подозреваемых росла как снежный ком. С течением времени все труднее становилось возобновлять

следственные действия. И каждый год сокращали количество детективов, которые работали по делу.

– Будь с нами Осакабе, когда произошло похищение... – со вздохом произнес Мотидзуки.

– Да... – кивнул Миками.

Митио Осакабе считался у них величайшим полководцем, и Миками относился к нему с огромным уважением. Как руководитель Осакабе отличался хладнокровием и скрупулезностью; он обладал поистине телепатической способностью внушать свои мысли подчиненным. Осакабе нехотя согласился оставить пост директора департамента уголовного розыска. Его перевод в бюро уголовного розыска в Токио произошел, как раз когда похитили девочку.

Детективы оплакивали свою потерю. Многие говорили: «Мы взяли бы похитителя, если бы Осакабе по-прежнему был с нами».

Их слова подтверждал почти легендарный рекорд: при Осакабе у них не было ни одного нераскрытого дела!

А «Дело 64» стало только началом.

После того как директором департамента уголовного розыска стал Фудзимура, ранее служивший в административном департаменте, кривая раскрываемости резко пошла вниз. Лишь пять лет назад уголовному розыску наконец удалось частично отвоевать прежние позиции, когда пост перешел к Сёдзо Одате, одному из любимцев Осакабе. Правда, всего через год Одате вышел в отставку. После него уголовному розыску не везло с директорами. В число неудачников входил и нынешний глава департамента Аракида. Следующая ротация произойдет не раньше чем через четыре года; все надеялись, что директором станет Кацутоси Мацуока, нынешний главный советник и глава Первого управления. Это он во время «Дела 64» прятался за пассажирскими сиденьями в машине Амэмии. Тогда он возглавлял отдел особо тяжких преступлений.

«Будь директором Мацуока, он бы использовал меня».

Миками стало не по себе, эта мысль пришла ему в голову неожиданно. Сейчас ему нужно в первую очередь разобраться с текущими делами; не время загадывать, что случится через четыре года или даже через пять лет.

– Если дело не в Кэндзи, что еще могло настроить Амэмию против нас?

Мотидзуки не спешил с ответом. Прежде чем заговорить, он смерил Миками оценивающим взглядом.

– У тебя ведь уже есть кое-какие догадки, так?

Вопрос застал Миками врасплох.

– Кое-какие догадки? Н-нет...

Неожиданно Мотидзуки заговорил о другом:

– Помнишь, у Амэмии была секретарша по фамилии Ёсида? Если он из-за кого-то на нас обижен, то уж скорее из-за нее, а не из-за Кэндзи.

Мотоко Ёсида... Это она ответила на третий звонок похитителя в конторе Амэмии. И хотя Миками показалось, что Мотидзуки хочет уклониться от ответа, он не сдержал любопытства:

– Почему?

– Она встречалась с Кэндзи. Как назвать такую ситуацию – двойной адюльтер? Нам пришлось проверять, не была ли она сообщницей Кэндзи, поэтому мы обошлись с ней довольно жестко.

Последнего Миками не знал. И все же...

– При чем же здесь Амэмия? Сам говоришь, он недолюбливает Кэндзи; если бы она была с ним...

– Суть в том, что он не знал об их отношениях. Мотоко потеряла родителей в юном возрасте, многое пережила. Амэмия был ей хорошим соседом, взял ее под крыло и принял

на работу в свою компанию. Ее допрашивали целыми днями, в конце концов с ней случился нервный срыв. С работы ей пришлось уйти. Если Амэмия на нас обижен, то скорее из-за нее.

– Когда это случилось?

– Вскоре после того, как тебя перевели из Второго управления.

– погоди. Ты хочешь сказать, что Амэмия уже давно держит камень за пазухой?

Мотидзуки смотрел в пространство; он думал над реакцией Миками.

– Не могу утверждать, что он обиделся в одночасье и только из-за секретарши. Он остывал постепенно... Знаешь, как бывает, когда чьи-то гнев или горечь все время растут?

– Наверное, ты прав.

– И конечно, самым главным для него по-прежнему является то, что мы не нашли убийцу Сёко.

Миками понимал, если дело в этом, ему не удастся договориться о визите комиссара. Комиссар приезжает через неделю. Остается совсем мало времени на то, чтобы переубедить Амэмию. А тут еще придется налаживать отношения с членами пресс-клуба. Миками снова повернулся к Мотидзуки. Оставался еще один вопрос, на который он так и не получил ответа.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что у меня есть какая-то догадка?

– М-м-м?

– Не притворяйся, будто не понимаешь.

– То же самое относится к тебе. Миками, не пора ли раскрыть карты? – возмутился Мотидзуки.

– Какие карты?

– Брось! Выкладывай, зачем ты на самом деле ко мне приехал. Ты не из тех, кто готов стелиться под ногами важной шишки, которая приедет воскурить благовония.

Миками поморщился. Мотидзуки не понять, что значит для него визит генерального комиссара! Как подобрать нужные слова? Миками медлил. Мотидзуки, несомненно, решит, что бывший коллега стал верным псом Акамы.

Мотидзуки наклонился вперед:

– Ты приехал, чтобы расспросить меня о записке Коды!

Миками вытаращил глаза. Что такое записка Коды? Мотидзуки поспешно продолжал:

– После того как я выгнал Фуатавари, прислали тебя, чтобы меня умаслить! Скажешь, нет?

Миками молча смотрел на него. Он пришел к выводу, что раньше Мотидзуки просто валял дурака; теперь его слова приобрели совершенно другой смысл.

«Чего только не бывает... Сегодня у нас что, воссоединение?.. Я так и понял».

Значит, до него здесь успел побывать Синдзи Фуатавари. Зачем он приезжал? И что такое записка Коды?

В голову ему пришел только один Коды. Кадзуки Коды, который во время «Дела 64» тоже входил в оперативную группу.

– Выкладывай, что ты задумал? Вы с Фуатавари любопытствуете насчет «Дела 64». Вы ведь раньше терпеть друг друга не могли. Или... теперь, с тех пор как оба стали работать в администрации, вы подружились?

– погоди, – наконец произнес Миками. – Что такое записка Коды?

– Откуда мне знать?

– Коды... ты имеешь в виду того Коду, который уволился из органов? – Миками начал вспоминать. Кадзуки Коды подал в отставку всего через полгода после «Дела 64». Миками нахмурился. Кое-что становилось ясным. – Почему он ушел из полиции?

– Официально по той же причине, что и я. А что случилось на самом деле, я не знаю.

«По личным мотивам». Весьма расплывчатая формулировка; в душе у Миками зародилось дурное предчувствие.

- Чем он сейчас занимается?
- Пропал без вести.
- Как пропал без вести?!
- Вот так. Никто не знает, где он.
- И Футаватари тоже не знает?
- Похоже на то. Он все время спрашивал, не знаю ли я адреса Коды.
- Значит, записка Коды имеет какое-то отношение к Кадзуки Коде?
- Повторяю, я о ней никогда не слышал.
- Но Футаватари, похоже, о ней знает?

Мотидзуки, судя по всему, кое-что понял во время их разговора; во всяком случае, он смотрел на Миками уже не так сурово.

– Значит, ты все же приехал из-за чего-то другого...

– Конечно, сколько можно повторять! – чуть не закричал Миками. Он соображал на ходу. Неужели Акама решил подстраховаться и зайти с двух сторон? Может быть, он использовал Футаватари вместе с Миками, чтобы собрать нужные сведения и убедить Амэмию принять комиссара, чтобы приготовления к его визиту прошли гладко?

Нет, не в том дело. Акама не стал бы подстраховываться с Амэмией. А если бы стал... значит, он заранее догадался, что Амэмия откажется принять комиссара у себя.

– Когда у тебя побывал Футаватари?

Мотидзуки почесал затылок и немного смущенно ответил:

– Незадолго до полудня. Он позвонил по телефону, а сразу после звонка приехал.

Незадолго до полудня. Примерно в то время, когда Миками был у Амэмии. Как-то слишком быстро. Это исключало какую-то сложную интригу со стороны Акамы. Немного подумав, он задал еще один вопрос:

– И он спрашивал тебя о некоем документе под названием «записка Коды»?

– Да. Его интересовало, у кого она сейчас, а я сказал ему, что понятия не имею, потому что никогда не слышал о существовании такой записки.

– Так оно и есть? Ты действительно не слышал о ней?

– Перестань, Миками...

– Ладно. Твой ответ его устроил?

– Вроде бы да, потому что он почти сразу ушел. Даже извинился за то, что помешал мне работать...

– И ты просто так отпустил его, ни о чем не спросив?

– А о чем я должен был спросить?

– Ты ведь, наверное, немного надавил на него, попытался выяснить, что он имеет в виду?

– Естественно. Он, конечно, ничего не рассказал. Административный департамент, служба собственной безопасности всегда себя так ведут... Предпочитают сами задавать вопросы. Неизвестно, что у них на уме, они никому ничего не говорят.

Миками кивнул. Здесь он был на стороне детективов. В нем росли злость и даже ревность. Несомненно, все происходящее как-то связано с «Делом 64». Футаватари без спросу вторгся на территорию уголовного розыска. Выполз из своих владений, из недр административного департамента, только для того, чтобы хоть краем глаза взглянуть на некий таинственный документ, о существовании которого не ведали ни Миками, ни Мотидзуки. Что такое записка Коды?

В кармане пиджака у Миками завибрировал телефон. Посмотрев на экран, он выругался: «Управление по связям со СМИ».

– Вам, наверное, придется вернуться.

Шепот Сувы подсказал Миками: что-то случилось.

– Что случилось?

– Нам только что сообщили, что представители прессы намерены подать официальный письменный протест главе управления.

Глава 12

Миками поспешил назад, в полицейское управление префектуры.

Открыв дверь, он замер на месте. На диване посреди комнаты сидел Акикава из «Тоё». Он обращался к Микумо, но, когда поднял взгляд на Миками, на его лице появилось то же отстраненное выражение, что и утром. Миками сел за свой стол и посмотрел Акикаве в глаза.

Он уже знал, с чего начнет.

– Похоже, вы во что бы то ни стало хотите устроить беспорядки.

– Миками, вы не оставляете нам выбора.

Акикава держался крайне невозмутимо. Он никогда не заискивал, даже наедине, а сейчас он явно хочет покрасоваться перед Микумо. Она бесстрастно просматривала макет сводки. Девушка как будто отгородилась от Акикавы и не обращала на него никакого внимания. Сува вел себя совершенно по-другому. Подобно Микумо, он изображал безразличие; только его целью было скрыть волнение, царившее в комнате. Сува держался так, словно присутствие Акикавы было совершенно нормальным.

Миками повел себя примерно так же, как Сува. Когда он обратился к Акикаве, его голос звучал размеренно и хладнокровно.

– А вам не кажется, что вы вели себя, мягко говоря, безрассудно? Вот и сейчас ни с того ни с сего угрожаете подать письменный протест начальнику управления...

– Мне удалось договориться с остальными, что мы пока подождем. Если вы до завтрашнего вечера сообщите нам имя виновницы ДТП, мы отзовем протест.

– Вы что же, угрожаете мне?

– Не стоит принимать все так близко к сердцу. Повторяю, вы не оставляете нам выбора, потому что сами не хотите идти нам навстречу.

– Не можем же мы во всем вам уступать!

– И мы тоже. Извините, но я не допущу, чтобы это сошло вам с рук. Так решили все, единогласно.

– Ладно, но кто это будет?

– О ком вы, простите?

– Кому вы намерены подать протест?

– Начальнику управления, конечно.

Миками похолодел. Выходит, они в самом деле намерены вторгнуться в святая святых всего управления! Он достал сигарету, закурил. Пора начинать переговоры.

– Не могли бы вы немного понизить свои запросы?

– Что вы предлагаете?

– Подайте протест мне или главе секретариата.

Во время телефонного разговора Сува успел предупредить Миками: за всю историю их управления пресс-клуб еще ни разу не подавал протест самому высокому начальству.

– Кажется, ничего подобного раньше не было; еще ни разу письменный протест не был адресован начальнику управления. – Он сдерживался из последних сил.

Акикава едва заметно улыбнулся.

– Миками, вы что же, просите меня об услуге?

– Да.

– А по вашему тону не похоже.

– Что, если я принесу свои извинения?

– К сожалению, ничего не получится. Повторяю, решение было принято единогласно.

Миками под столом стиснул кулаки.

– Ладно. По крайней мере, оставьте документ у меня.

– Оставить его у вас? Вы просите передать вам документ, предназначенный для начальника управления?!

Миками кивнул; Акикава сдавленно усмехнулся.

– Зачем мне оставлять документ у вас? Вы просто спрячете его... и начальник управления его не увидит.

– Этого достаточно, чтобы доказать, что вы подали протест.

Кому бы они ни передали документ, факт остается фактом: они подали письменный протест начальнику префектурального управления.

Но Акикава покачал головой:

– Миками, давайте не будем заниматься политикой. От вас требуется только одно: назвать имя виновницы ДТП. Это совсем нетрудно!

Краем глаза Миками увидел, как Сува чешет подбородок. Передача протеста в управление по связям со СМИ в самом деле стала бы приемлемым компромиссом. Судя по выражению лица Сувы, он склонялся именно к такому решению.

– Ждем вашего ответа до завтра, до четырех часов пополудни. После того как мы получим ваш ответ, проведем еще одно совещание.

Увидев, что Акикава встал и собирается уходить, Миками поднял руку:

– И насчет визита комиссара. Надеюсь, с вопросами обойдется без неожиданностей?

– Мы все обсудим после того, как примем решение насчет протеста.

– Список вопросов понадобится мне заранее.

Акикава сверкнул зубами; судя по выражению его лица, он нашел в обороне противника еще одну брешь.

– Кстати, вы не собираетесь объяснить, в чем дело?

– Что вы имеете в виду?

– Миками, почему вы вдруг так переменились? Мы долго думали, но так ничего и не решили.

– Разве у вас нет более важных дел? – инстинктивно спросил Миками.

– Более важных дел? – Акикава изобразил удивление.

– В этом месяце вы председательствуете в пресс-клубе. Допустим, сейчас вы заняты протестом по поводу сокрытия персональных данных. Не забывайте, у вас есть и текущие дела. Кроме того, есть еще важное дело: преступный сговор при строительстве музея искусств. Оно еще не кончено!

Акикава посуровел. Следствие, которое вело Второе управление, близилось к завершению, и репортеры состязались за право эксклюзивного освещения. В «Асахи» и «Ёмиури» появились большие репортажи о деле. «Тоё» утратила инициативу. Если и дальше все будет развиваться так же, как сейчас, конкуренты утрут Акикаве нос.

– Не волнуйтесь, мы все успеем, – раздраженно ответил Акикава, явно не собираясь сдаваться. – Надеюсь, речь не идет о болезни или чем-то таком?

– О чем вы?

– Вы все прекрасно понимаете... может, вы в последнее время плохо себя чувствуете и вам тяжело работать так же напряженно, как раньше... или что-то вроде того.

Миками захотелось врезать Акикаве со всей силы.

– Как видите, я чувствую себя нормально.

– Ладно. Тогда не ждите от нас снисхождения!

Акикава широким шагом вышел из комнаты, по пути покосившись на Микумо. Сува быстро посмотрел на Миками и выбежал в коридор вслед за Акикавой. Он пригласил Акикаву в «Амигос», караоке-бар, куда часто ходили после работы сотрудники административного департамента.

Сам Миками смог встать не сразу. И дело было не только в том, что он злился на Акикаву. В горле появилась горечь.

«Можно ведь и сказать им ее имя, раз они так сильно хотят его узнать».

Миками нахмурился, сосредоточившись на трусливой мысли, которая появилась словно ниоткуда. Придется, наверное, все переиграть и назвать журналистам имя Ханako Кикуниси. В таком случае все еще может окончиться для него хорошо. Миками уже несколько раз повторил, что она беременна и очень тяжело переносит случившееся. Поскольку общественность, как правило, сочувствует женщинам в ее положении, едва ли в статье упомянут ее подлинное имя. И если даже предположить, что ее имя где-то всплывет, пусть даже в завтрашнем утреннем выпуске... происшествию уже три дня, то есть сведения уже устарели.

Конечно, ему приходится думать еще и о сохранении своего лица. Если он нарушит приказ о сокрытии персональных данных, он тем самым признает неправоту префектурального управления. Кроме того, придется готовиться к тому, что данный случай станет прецедентом; представители прессы почувствуют себя вправе нажимать и в других спорных вопросах.

Но потеря лица – ничто по сравнению с тем, что может случиться, если он будет сидеть сложа руки и допустит, чтобы журналисты вторглись в приемную самого начальника полиции префектуры. Если подобная неприятность омрачит визит комиссара, потеря лица будет самым малым, о чем ему придется беспокоиться!

– Я ненадолго поднимусь наверх.

Микумо подошла к нему, когда он встал. Выглядела она слегка встревоженно.

– Простите, Миками-сан... – Она густо покраснела, но взгляд у нее был суровым, почти злым. – Позвольте мне пойти в «Амигос» вместе с остальными.

У Миками снова закружилась голова. Наверное, ее подговорил Сува. Или Микумо сама хочет помочь, не желает стоять в стороне и смотреть, как он мучается.

– По-моему, это неудачная мысль, – отрезал он, выходя из комнаты. Через несколько шагов он остановился. Неудачная мысль? Нет, это еще мягко сказано! – И думать не смейте! – буркнул он.

Микумо выглядела подавленной. Даже сам Миками удивился резкости своего тона.

Отрава уже проникла в кровь... Ему даже захотелось съязвить по поводу того, что Микумо – женщина. Правда, он понимал, что потом об этом пожалеет.

Глава 13

За окнами было уже темно.

Миками поднимался на второй этаж, на сей раз по другой лестнице, не по той, что вела в административный отдел. Сейчас ступеньки, по которым он поднимался, были застелены красной ковровой дорожкой. Она вела от парадного входа на площадку второго этажа и тянулась до общей приемной секретариата и комитета общественной безопасности. Миками толкнул дверь в секретариат и сразу увидел Аико Тоду, сидевшую ближе всех к двери. Исии на своем месте не было.

– Шеф здесь?

– Да, в комнате для посетителей.

Миками покосился на дверь справа. Комната для посетителей служила своего рода пристройкой к секретариату, главным образом в ней проходили конфиденциальные переговоры.

– Я подожду.

Он устроился на диване посреди комнаты. Качество и удобство дивана значительно превосходили диваны в управлении по связям со СМИ. Через равные промежутки в приемной стояли растения в горшках; они отгораживали посетителей от обитателей кабинета.

Приемная была звуконепроницаемой. Хотя Миками уже привык к этому, здешняя тишина его нервировала. Взгляд переместился в дальний левый угол. Двойные двери из красиво отполированного дерева вели в кабинет начальника полицейского управления. Лампа была включена, свидетельствуя о том, что хозяин кабинета находится у себя.

Все сотрудники усердно работали. Хотя шефа не было на месте, они старались не расслабляться, держались сухо и официально. Все, от первого заместителя директора до младших сотрудников, выглядели безупречно и работали быстро, даже по сравнению со своими коллегами из префектуры.

Разница была невероятной. Хотя их управление размещалось на другом этаже, формально Миками также считался сотрудником секретариата. Он организовывал встречу начальника управления из Токио. Охранял его. Вернул его в целости и сохранности в Национальное полицейское агентство. Можно без преувеличения сказать, что в этом и заключались основные обязанности секретариата.

К нему подошла Тода с чашкой чая.

– Он надолго? – спросил Миками, понизив голос.

Тода чуть наклонила голову:

– Он там уже довольно давно, так что я не знаю...

– Кто там у него?

– Суперинтендент Фуаватары.

Миками затаил дыхание и медленно выдохнул, только когда Тода отошла. Ему стало жарко. «Вторая встреча с Фуаватары за один день!» Он уже не считал их пересечения простым совпадением. Фуаватары мог совещаться с Исии по поводу визита комиссара или по вопросу, связанному с «Делом 64». Другие версии пока не приходили Миками в голову.

Он не сводил взгляда с двери. Ему даже показалось, что он видит сквозь дверное полотно тщедушную фигуру Фуаватары, его узкое, угловатое лицо с резкими чертами и глаза, в которых светится острый как бритва ум.

И все же лучше всего Миками представлял себе Фуаватары в другом окружении. Он живо вспомнил один летний день. Это случилось очень давно. Он до сих пор помнил, с каким странным выражением лица Фуаватары подавал Миками влажное полотенце. В старшей школе Миками и Фуаватары учились в одном классе и вместе посещали секцию кэндо. Поскольку оба учились в выпускном классе, это было их последнее соревнование уровня пре-

фектуры; Миками был тайсё – капитаном команды; Футаватари же вечно держали в резерве. Ему доставало необходимого чутья. Кроме того, ему не повезло еще и потому, что он оказался в группе лучших учеников, куда входили как их одноклассники, так и ребята годом младше; остальные занимались восточными единоборствами дольше, чем он. Первый раунд. Миками нанес нукидо – проникающий удар в корпус капитану одной из главных команд-соперниц. Радуюсь победе, он вышел в коридор, который служил и местом отдыха, и принялся искать влажное полотенце, чтобы утереть пот. Младшие ученики обычно готовили такие полотенца заранее, но в тот раз под рукой ни одного не оказалось. Автобус, который вез болельщиков их команды, опоздал, и младших послали помочь разгрузить вещи. Раздосадованный, Миками огляделся по сторонам и вдруг заметил Футаватари.

Сколько бы он ни старался, Миками не мог вспомнить, что случилось потом. Он подозревал, что его глаза метали молнии. Он без слов дал понять, что ему срочно нужно полотенце. Футаватари не мешкая скрылся в недрах здания, а через несколько секунд вернулся с сумкой-холодильником через плечо. Он молча достал оттуда полотенце и протянул его Миками. По традиции в знак уважения он подавал полотенце обеими руками. При этом он смотрел в глаза, однако с каким-то странным выражением. Миками запомнил его глаза. В них как будто совершенно не было света. Миками не заметил в них ни проблеска сознания или чувства, они казались черными дырами. Уже в семнадцать лет Футаватари обладал способностью подавлять или скрывать свои чувства, управлять ими. Он скрывал наверняка бушующие в нем унижение, злость и горечь.

Через несколько месяцев, по рекомендации бывшего ученика секции кэндо, Миками успешно сдал вступительные экзамены и поступил на службу в полицию. Увидев в экзаменационном зале Футаватари, он, наверное, вытаращил глаза от удивления.

«Я решил, что государственная служба мне подойдет» – вот и все, что Миками удалось тогда из него вытянуть. До сих пор Миками не понимал, почему Футаватари решил пойти в правоохранительные органы. Обстановка в полиции жесткая; свой авторитет зачастую приходится отстаивать в стычках с сослуживцами... Миками никогда не считал равным себе человека вроде Футаватари, который ни разу не держал в руках учебный меч до того, как записался в секцию. Правда, он усердно занимался; этого у него не отнимешь. Никогда не пропускал тренировок. Миками ни разу не слышал, чтобы Футаватари ныл или жаловался. Кроме того, он никого не подсиживал, не строил козни за спиной у коллег. Хотя, может быть, Футаватари лишь производил такое впечатление. В годы учебы воспоминаний о нем почти не сохранилось. «Конечно. Разумеется. Я согласен»... Кроме таких общих, невыразительных ответов, Миками почти ничего о нем не помнил. Для Миками, который бурно провел последние годы в школе, всегда спокойный и скучный Футаватари, который на турнирах вечно сидел на скамейке запасных, не представлял интереса. В школе их почти ничто не объединяло. Учитывая, что они три года занимались в одной секции в одной школе, он, пожалуй, знал о Футаватари довольно мало.

Миками окончил полицейскую школу третьим в своем классе. Он до сих пор помнил, как удивился, узнав, что первым стал Футаватари. Впрочем, ему еще не раз предстояло удивляться. Футаватари блестяще сдавал экзамены на очередной чин и стремительно поднимался по служебной лестнице. Он выбрал административную работу, поступил в отдел кадров и в сорок лет стал суперинтендентом – самым молодым за всю историю префектуры. Его рекорд так до сих пор никто и не побил.

Следующие семь лет Футаватари прослужил в административном отделе. Он стал ключевой фигурой в области управления кадрами. В префектуральном полицейском управлении его считали первоклассным специалистом. Руководство его ценило; вскоре его сделали ответственным за переводы и назначения руководящего состава. Футаватари был правой рукой при нескольких директорах; все они считали его непревзойденным авторитетом по кадровым вопросам. В его области ему не было равных.

«Ты всего лишь любимчик начальства, и больше ничего»... Миками всякий раз пренебрежительно морщился, когда думал о Фуаватари. Нет, он вовсе не считал, что не умеет проигрывать. Работая в уголовном розыске, он проникся гордостью и считал себя незаменимым. Он вошел в серьезный мир, в семью, где авторитет определялся количеством арестованных преступников. В этом смысле уголовный розыск сильно отличался от других подразделений, где сотрудники состязались за звезды на погонах. Конечно, достижения Фуаватари никуда не исчезли, зато у Миками был повод гордиться своими результатами. Его работа была нужной, и он оправдывал доверие общества. Он считал себя недосыгаемым для Фуаватари из отдела кадров. Он никогда не сомневался в этом. Но...

Что, если Фуаватари все-таки ему мстит?

Миками всегда гнал прочь подобные мысли. Он понимал, что ему уже не отделаться от подозрений, если он даст им волю. Исчезнет главный стимул для его работы в управлении по связям со СМИ; хуже того, он потеряет хватку. Из страха, что все так и будет, он старался сдерживаться и гнал такие мысли прочь. Но они возвращались, снова и снова.

«Неужели за его назначением стоит только Акама?»

Все началось ровно год назад. Кто-то намекнул, что Миками собираются перевести в бюро уголовного розыска в Токио. «Очень может быть. Решение вот-вот примут». Сам Миками слышал такие слухи, но они не оправдались. Чин суперинтендента и перевод в Токио достались Ясуо Маэдзуме, ровеснику Миками. По традиции в Токио переводили тех, кого в будущем прочили на пост директора уголовного розыска в префектуральном управлении. Миками же оставили в неопределенном состоянии; он чувствовал себя как человек, который уже поднялся по трапу в самолет, но у него вдруг отобрали паспорт... Возможно, он бы не придал этому значения, если бы дело тем и кончилось. Миками решил, что ему самому не очень-то хотелось переезжать в Токио. Первое время он даже гордился тем, как хорошо он умеет держать удар. Настоящее потрясение он испытал позже, когда – вначале неофициально – узнал о своем переводе с повышением. И тут он вспомнил не только свой послужной список, не только свою, так сказать, прошлую судимость. В памяти всплыли глаза, которые смотрели на него тем летним днем, глаза, похожие на черные дыры, лишённые света и чувства...

Он подозревал какие-то закулисные махинации. Фуаватари и Маэдзума были добрыми друзьями. Во время обучения в полицейской школе они жили в одной комнате в общежитии. Насколько было известно Миками, их дружбе не помешал всегдашний водораздел между уголовным розыском и административным департаментом.

Внезапно послышался шум. Миками посмотрел на дверь, ведущую в кабинет для посетителей. И едва он повернул голову, как оттуда бок о бок вышли Исии и Фуаватари.

– Миками! – Фуаватари заговорил первым.

Даже больше, чем раньше, он производил впечатление человека, принадлежащего к элите. Давно прошли времена, когда он скромно отсиживался на скамейке запасных на турнирах по кэндо; тогда Миками мог отдать ему свой меч и сто раз из ста победить его голыми руками... Миками боялся, что его выдаст голос.

– Фуаватари! Ты мне звонил?

Фуаватари кивнул:

– Исии только что рассказал мне о последних событиях.

Значит, он собирался спросить его про Аюми. Или хотел подтвердить что-то как ведущий специалист административного департамента? Миками подумал, что Фуаватари похож на крупного бизнесмена. Ужасно захотелось спросить его. «Почему ты роешься в «Деле 64»? И что такое записка Коды, черт побери?!»

И все же он промолчал. Миками смущало то, что он играл на чужом поле. Здесь была территория Фуаватари.

– Миками, одну минуту, – сказал Исии.

Он проводил Футаватари и вернулся в комнату для посетителей.

– Чего хотел Футаватари? – спросил Миками, усаживаясь на диване.

– Ах да, он приходил насчет ремонта в здании Центрального управления. Работы запланированы на лето; пора выбирать временное помещение. К сожалению, достаточно большое здание, чтобы в нем разместились все, найти не удастся. Первым делом надо решить, где мы разместим начальника. Как вам известно, кабинет начальника определяет официальный адрес полицейского управления.

Исии не умел врать. Вряд ли он отвечал бы так складно, если бы они с Футаватари обсуждали «Дело 64». Возможно, Исии просто не ставят в известность, а Футаватари действует, подчиняясь непосредственному приказу Акамы. Да, вполне правдоподобно, особенно если вспомнить, что Акама считает Футаватари своей правой рукой.

– Как бы там ни было, я все равно собирался вас вызвать. Как вы съездили к Амэмии? Он дал свое согласие?

Вопрос вернул Миками в настоящее время. Ничего не поделаешь, придется доложить плохую новость. Он выпрямился и слегка понизил голос:

– Я собираюсь уладить вопрос завтра. Правда, у нас трудности поважнее – начались осложнения с прессой.

– Что за осложнения? – Миками заметил, что в глазах Исии мелькнул страх.

– Они связаны с вопросом о персональных данных. Пресс-клуб угрожает подать письменный протест начальнику управления!

– Начальнику?! – Кровь отхлынула от лица Исии. – Но ведь... вы шутите?!

– К сожалению, нет.

– Нет. И речи быть не может! Вы не имеете права допускать ничего подобного!

– Члены пресс-клуба посоветовались и приняли такое решение единогласно.

– Нет, никак невозможно! Совершенно невозможно. Придется вам их переубедить.

Исии был похож на капризного ребенка. Казалось, он вот-вот расплчется.

– Они сказали, что охотно отзовут протест при условии, что мы назовем им имя виновницы ДТП...

– Нет-нет, и речи быть не может! Директор на это ни за что не согласится.

– Но это лучше, чем позволять им врывать к начальнику с протестом! Последствия могут сказаться даже на визите комиссара.

– Ну да, конечно... Но приказ не обнародовать ее личные данные отдал сам Акама.

Сам Акама?! ДТП произошло на территории, подконтрольной управлению округа И. Насколько было известно Миками, именно от начальника окружного управления И. исходила инициатива скрыть персональные данные виновницы аварии. Ничего подозрительного в таком решении Миками не усматривал.

– Саканива внес такое предложение, но решение принимал Акама.

Постепенно все становилось на свои места.

Саканива был предшественником Исии; получив повышение, он стал начальником окружного управления в И. До весны Саканива работал в секретариате. История его повышения была известна всем. Саканиву считали прихвостнем Акамы; он всячески выслуживался перед обожаемым начальником, и в награду Акама добился его повышения до начальника окружного управления. Теперь у него под началом сто тридцать полицейских. Благодаря Акаме Саканива перескочил несколько ступенек на служебной лестнице.

Саканива предоставил Акаме принять решение по важному вопросу... Наверняка думал, что лучший способ подстраховаться – доложить о происшествии наверх. Вот он и обратился к Акаме за советом. Ситуация еще больше осложнилась. Акама не из тех, кто способен прислушаться к подчиненным и изменить свое решение. Даже если ему все-таки придется уступить,

он затаит злобу... Миками решил проверить еще одно свое предположение – оно пришло ему в голову по пути на работу.

– Что, если мы сообщим им ее имя как бы неофициально, как бы рассуждая вслух, и запретим упоминать о ней в печати?

Выход лишь временный, и все же это скорее компромисс, чем капитуляция. И полиция не потеряет лицо. Письменных доказательств не будет; не будет прецедента.

– Да, возможно, это неплохо... Интересно, что скажет Акама. – Исии еле слышно вздохнул.

– Вы передадите ему мое предложение?

– Хорошо. Но сегодня он уже уехал – у него посетитель из Токио. Когда вам нужно дать ответ?

– Завтра, до четырех пополудни.

– Отлично. Я доложу ему сегодня или завтра утром. Не могу сказать, на чью сторону он встанет. И вообще, подумайте о том, как призвать журналистов к порядку. Если они все же будут настаивать на письменном протесте, вам необходимо добиться, чтобы они подали его вам или в крайнем случае мне... – На лбу у Исии выступили крупные капли пота. – Миками, я на вас рассчитываю. Не забывайте, что начальник управления – не просто какой-нибудь старик.

Миками смутно представил себе лицо главы полицейского управления. Он понимал, что их начальник Киндзи Цудзюити – человек особенный. Ему исполнилось сорок четыре года, он был на два года моложе Миками. Цудзюити перевели в их префектуральное управление с поста главного бухгалтера НПА. Весной он должен вернуться в Токио, где станет начальником отдела кадров. Во всех организациях одно и то же, и полиция не исключение. По пути наверх сначала управляешь денежными потоками, а потом людьми. Кстати, Киндзи Цудзюити считали одним из вероятных кандидатов на пост генерального комиссара полиции.

Невозможно представить, чтобы в кабинет к такому человеку ворвались молодые репортеры, недавние выпускники университетов, и сунули ему письменный протест... Это будет катастрофа. Ее ни в коем случае нельзя допустить.

– Что смешного я сказал?

Миками удивленно посмотрел на Исии – тот плотно сжал губы.

– Что?

– Вы сейчас широко улыбнулись.

Миками даже не заметил, что улыбается.

– Послушайте, отнеситесь к заданию со всей серьезностью. Я рассчитываю на вас, надеюсь, вы не допустите, чтобы ситуация вышла из-под контроля.

Миками небрежно кивнул, а затем встал и вышел. Лампа над дверью еще горела – значит, начальник у себя.

Он понял, что это означает, едва вышел в коридор. Он снова улыбнулся. По сути, Исии мало чем отличался от Саканивы. Он с потрохами продался Акаме и Цудзюити; теперь старался удержаться на месте, мечтая о переводе с повышением. Что ж, через год-другой, возможно, его мечта сбудется. Исии не боялся неудачи, он боялся, что вышестоящее начальство сочтет его неудачником. Вот почему Миками улыбался.

Миками шел по душному, промозглому, слабо освещенному коридору. Он – служащий административного департамента, формально подчиняется главе секретариата. Да-да, в глубине души он уже начал привыкать к новому положению... Больше полугода он дышал административным воздухом. Все складывалось совсем не так, как он хотел. Миками искренне стремился реформировать работу в управлении по связям со СМИ. Он от всей души надеялся, что два года, которые ему предстоит провести на новом месте, не пройдут даром. Откуда же ощущение безнадежности? В теперешней должности он не занимался расследованием убийств

или деятельности продажных политиков, а сил тратил больше. Он работал до изнеможения, а его уверенность в себе таяла.

Не в первый раз Миками передернуло. Футаватари служит в администрации уже двадцать восемь лет. Ему хорошо в этом самодостаточном мирке; здесь он прекрасно устроился, пусть и работал без отдыха. А Миками почти все время провел в уголовном розыске, в другом мире. Что из этого получилось? От чего ему пришлось отказаться? Что проявилось, как в увеличительном стекле? Миками все больше делалось не по себе. Какие мысли скрываются в голове щедедушного человека, который в юности ни разу не получил возможности испытать свой меч на турнире?

«В семье не без урода»...

Впрочем, прошли те времена, когда Миками находился по ту сторону. Теперь он служит в административном департаменте... Он внушал себе, что его пост временный, что скоро он отсюда уйдет, однако мысленно все время увеличивал срок своего пребывания на посту директора по связям с прессой. И взваливал на себя все новые заботы. Он продолжит трудиться на своем посту, хотя ему этого не очень хотелось. Постепенно он свыкался со своим положением. Миками подозревал: когда он начнет думать по-другому, ему уже не удастся вернуться к себе прежнему.

Перед ним вдруг возникло лицо Аюми. Это случалось всякий раз, когда на него накатывало такое настроение. Аюми в его видении лучезарно улыбалась. Ее улыбка защищала его; он согревался в ее лучах, пока волнение не проходило.

Глава 14

К ночи заметно похолодало.

Миками остановил машину возле дома в начале девятого. Сразу посмотрел на крыльцо. Минако не выставила за дверь пустые контейнеры из ресторана «Согэцу». Если он спросит, почему она не заказала себе обед, она отделается отговоркой: «Они не доставляют одну порцию».

На ужин она приготовила жареный тофу, рагу из говядины и картошки.

– Как вкусно! Оказывается, доставка продуктов на дом – не такая плохая мысль... Ты очень хорошо готовишь.

С недавних пор комплименты давались ему все легче. Миками никогда не считал себя любителем светских бесед, нежным, заботливым мужем. В прошлом львиную долю его времени и сил отнимала работа. Дом и семья всегда отходили на второй план. Так было, когда он служил в уголовном розыске; впрочем, с тех пор, как его перевели на административную работу, ничего не изменилось...

– Ванна готова.

– Спасибо.

Минако убирала со стола; Миками украдкой посмотрел на ее профиль. Она выглядела спокойной. Со стороны казалось, что с ней все в порядке. Однако после поездки на опознание прошел всего день, и Миками не сомневался, что она до сих пор вспоминает вчерашнюю юную утопленницу. Как и он, Минако только изображала невозмутимость, чтобы он не беспокоился без нужды.

– Сегодня я ездил к отцу Сёко, – сказал Миками.

Минако, повернувшись к нему спиной, мыла посуду, но, услышав его слова, тут же выключила воду и развернулась.

– Ты? – Она была поражена. – Ты навещал господина Амэмию?! Зачем?

– Его собирается посетить токийский большой начальник – выразить свои соболезнования. Я должен был испросить у Амэмии согласия. – Миками никогда не говорил дома о работе, но сейчас радовался такой возможности. Молчание было тягостным. Кроме того, Минако тоже принимала участие в «Деле 64». Пусть и коротко, но она видела Ёсио Амэмию...

На кухне стало тихо. Минако сняла фартук и вернулась в гостиную, села за низкий столик, котацу, и скрестила под ним ноги.

– Как поживают ее родители?

– Госпожа Амэмия скончалась в прошлом году.

– Ой... какой ужас!

– Да... Она так и не узнала, кто похититель... – Миками вдруг подумал: «Похоже, у нас все не так плохо».

– Должно быть, ему нелегко приходится, – негромко заметила Минако; взгляд у нее сделался далеким, как будто она вспоминала лицо Амэмии в тот роковой день.

– Он сильно состарился.

– Да... неувидительно.

– Верно.

Минако устремила на него серьезный взгляд:

– Как по-твоему, похититель выйдет сухим из воды?

Миками нахмурился. Он живо припомнил слова Мотидзуки.

– Я слышала, что следствие зашло в тупик. – Минако прикусила губу. – Разве не было установлено, что похититель – кто-то из местных, из нашей префектуры?

– Скорее всего, так и есть, – кивнул Миками.

Само похищение, девять кафе, магазинчиков и прочих мелких предприятий, где останавливался Амэмия, место, куда преступник приказал привезти выкуп, даже свалка, где он оставил тело девочки, – все находилось в пределах префектуры Д. Судя по всему, похититель неплохо знал местные дороги, а также названия и местоположение различных предприятий. Продемонстрировал, как пишут в рапортах, «углубленное знание местности». Вот почему предположение, что похититель живет в префектуре Д., стало рабочей версией.

– И у него были сообщники?

– Да, следствие пришло к такому выводу.

В то время мобильные телефоны еще не получили широкого распространения. Рыбная ферма «Иккю», последняя точка, куда похититель направил Амэмию, находилась далеко в горах. После звонка похититель сразу же должен был залечь в засаде возле отмели. Однако по соседству с фермой не было ни частных домов, ни телефонов-автоматов. Значит, выкуп должен был забрать кто-то другой, не тот, кто отдавал распоряжения по телефону. С этим были согласны все члены следственно-оперативной группы.

Вначале и Миками думал так же, хотя он сомневался в том, что похититель и его сообщник были равноправными партнерами. Несколько раз ему приходилось иметь дело с похищениями взрослых людей; похитители куда-то увозили своих жертв и держали их под замком... При мысли же о том, что двое взрослых сговорились похитить и убить семилетнюю девочку, даже такого опытного детектива, как Миками, пробирала дрожь. Если похититель действовал не в одиночку, скорее всего, его сообщник не догадывался об истинных планах главаря. А если и догадывался, главарь наверняка пользовался у него непререкаемым авторитетом...

– Наверное, все же надо было исходить из того, что похититель действовал в одиночку...

– Почему?

– Тогда можно было бы лучше представить себе образ его действий. Нам привычнее искать преступника-одиночку. И гораздо труднее отслеживать действия преступной группы.

Один был похититель или у него имелись помощники, ясно, что преступление было спланировано очень тщательно и хладнокровно. Он чудовище.

Минако бросила на него задумчивый взгляд.

– Он даже знал о тех камнях на реке... об отмели, – напомнила Минако. – Удалось ли тогда что-то узнать у туристов, байдарочников и любителей сплава на плотках?

– Насколько мне известно, опросы ведутся до сих пор. Но... в общем, не забывай, оказалось, что о той отмели известно на удивление многим людям.

Это обнаружилось уже во время следствия. Всего за пару недель до похищения в воскресном выпуске газеты «Д. Дейли» вышла большая иллюстрированная статья «Тайна Драконьей ямы».

– Но ведь... – Миками заметил, что Минако разволновалась не на шутку. – Даже если преступник действительно узнал о том месте из газеты, разве это не подтверждает факта, что он местный? Его ищут уже очень давно. Странно, что до сих пор так и не нашли!

– Видишь ли...

В префектуре пятьсот восемьдесят тысяч домовладений. Миллион восемьсот двадцать тысяч жителей. Общая численность населения за последние четырнадцать лет почти не изменилась; приток в города более или менее равнялся оттоку из деревень. Известно было, что похититель – мужчина в возрасте от тридцати до сорока лет; в эту категорию попадали триста с лишним тысяч жителей префектуры...

Кроме того, у них было очень мало зацепок. Если допустить, что Кэндзи Амэмия в самом деле невиновен, значит, Сёко похитили на единственной дороге, которая вела от ее дома к дому Кэндзи. Добровольная местная дружина несколько раз прочесывала всю округу, но не нашла ни единого свидетеля, который заметил бы поблизости подозрительных людей или незнакомые машины. И вообще, местность там не была густонаселенной, там очень мало частных домов.

Кроме того, пятого января был будний день. Мужчины в основном находились на работе – на окрестных фермах или в местном сельскохозяйственном кооперативе, – а женщины в основном оставались дома, прибирали после празднования Нового года.

После похитителя осталось только три улики. Пластиковый шнур, вокруг ртутной лампы на мосту Котохира. Клейкая лента на лице девочки. Бельевая веревка, которой были стянуты ее запястья. Все вещи стандартные, такие свободно продавались в магазинах по всей стране. Невозможно было доказать, что их купили в каком-то местном магазине. Рядом с отмелью или на берегу реки надеялись найти отпечатки ног, но и тут не повезло. Местность вокруг Драконьей ямы в основном каменистая, а тропинки в растущем на склонах лесу были усыпаны сухой буковой листвой.

Оставался еще голос похитителя. Поскольку записать звонки не удалось, следствию пришлось полагаться на слух нескольких человек, говоривших с преступником по телефону. В их число вошли Ёсио Амэмия, его секретарша Мотоко Ёсида и девять владельцев предприятий, где останавливался Амэмия по пути к мосту Котохира... Никто из следственно-оперативной группы голоса похитителя не слышал, даже оперативники, которые работали дома у Амэмии. Во второй раз преступник позвонил незадолго до их приезда, а в третий раз он звонил не домой, а в контору, и с ним разговаривала Мотоко, полицейских рядом не было. Кафе «Аои» было единственным местом, куда они успели добраться раньше Амэмии, но у них не было времени подключить специальную аппаратуру. Кроме того, они опасались, что в кафе может оказаться сообщник похитителя, и ограничились только наружным наблюдением.

Миками слышал, что на протяжении двух лет после похищения Амэмию и других регулярно вызывали на процедуру «опознания голоса». Криминалисты записывали голоса «рецидивистов, крупных должников, людей с криминальным прошлым, байдарочников, жителей Озатомуры, бывших рабочих «Консервного завода Амэмии», учителей и сотрудников начальной школы «Морикава Ниси», в которой училась Сёко, владельцев и завсегдатаев всех девяти мест, указанных похитителем, а также прочих подозрительных личностей». В список подозреваемых включали всех, у кого была малейшая возможность стать подозреваемым, и записывали их голоса по телефону. Затем просили Амэмию и еще десять человек, слышавших голос похитителя, несколько раз прослушать записи.

Голос мужчины от тридцати до сорока лет, хрипловатый, без особенностей произношения.

«Я его узнаю, если услышу», – сказал тогда Амэмия. Мотоко и остальные тоже были уверены в своем слухе. Несмотря на это, Миками ни разу за четырнадцать лет не слышал, чтобы следственная группа совершила прорыв.

– Будет трудно, если голос по телефону тоже ни к чему не приведет.

Миками мысленно обругал себя, едва последние слова слетели с его губ. Зачем он только заговорил о телефоне! Он нарушил табу...

Атмосфера в комнате сразу изменилась. Минако сказала:

– Надеюсь, они все-таки его найдут... – Она машинально покосилась на телефонный аппарат на низком столике.

Сегодня им снова никто не позвонил.

Минако ушла спать, Миками сел за котацу, укутал ноги одеялом. Тяжело вздохнув, он включил телевизор. Он не мог смотреть телевизор, когда рядом была Минако. Беглецы. Исчезновения. Непонятные звонки. Самоубийства... Никогда не знаешь, когда с экрана прозвучит роковое слово и разобьет Минако сердце.

Может быть, Аюми сломало именно телевидение. Такая мысль время от времени посещала его. В рекламных роликах и бесчисленных развлекательных передачах подчеркивали, как важна внешняя красота, особенно для девушек. Все остальное как будто и не важно. Если ты вписываешься в стандарты красоты, ты преуспеешь в жизни. Мужчины будут тебя обожать.

Перед тобой откроются все двери. Твоя жизнь станет одной большой вечеринкой... Красивая жизнь манила, рекламные красотки зазывно улыбались... Телевизор внушал: только так и надо.

Миками часто ловил себя на том, что пытается переложить вину на тех, кто прячется за голубым экраном. Аюми заманили в призрачный мир, заморочили ей голову пустыми обещаниями – и в результате она утратила представление о себе самой.

Она была такой жизнерадостной, когда училась в начальной школе! Делала успехи в плавании и беге, успевала по всем предметам. Тогда Аюми была очень дружна с Миками. Дочка всегда смотрела снизу вверх на своего папу-детектива, и в ее глазах светилось радостное почтение; да еще Минако каждый день рассказывала девочке, какая важная у него работа...

Перемены начались после того, как она пошла в среднюю школу. Нет, первые признаки стали заметны еще в шестом классе начальной школы. Аюми разлюбила фотографироваться. Объявление о школьном родительском дне выкинула в мусор. Она все чаще отказывалась куда-то выходить из дому вместе с Миками, избегала садиться рядом с Минако. Может быть, она почувствовала, догадалась, о чем думают другие дети – думают, но не говорят вслух. А может быть, кто-нибудь что-нибудь ей и сказал.

«Ты вылитый отец», «Очень жаль, что ты не пошла в маму».

Перед выпуском из начальной школы, когда детей фотографировали, Аюми не пошла в школу. Ее снимали отдельно от всех, на следующий день. Ее лицо резко контрастировало с улыбающимися лицами ее одноклассников: губы плотно сжаты, глаза в пол. «Я пыталась... но так и не смогла заставить ее поднять взгляд», – объясняла позже ее классная руководительница.

Аюми рекомендовали к поступлению в старшую школу. В глубине души Миками тогда еще оставался оптимистом: «Все изменится, когда она пойдет в старшую школу. Она вырастет».

Переходный возраст Аюми совпал с его переводом в управление по связям со СМИ.

Аюми посещала школу чуть больше двух недель. Потом вообще отказалась выходить из дому; она просто уходила в свою комнату на втором этаже. На вопрос родителей, почему она так поступает, Аюми ничего не желала объяснять. Если ее все же заставляли выходить, она кричала во всю глотку, как маленькая. Целыми днями она лежала в постели, прячась под одеялом. Со временем она стала бодрствовать ночами, а ложилась, когда занимался рассвет. И ела одна у себя в комнате.

Поведение Аюми делалось все более эксцентричным. Она начала прятать лицо всякий раз, когда все же спускалась вниз. Она считала правую сторону своего лица наиболее уродливой, поэтому отворачивалась вправо, бочком идя по коридору или вдоль гостиной. Почему она так думала, Миками узнал не сразу.

Минако была вне себя от беспокойства. В самом начале она еще пыталась все скрывать и обращалась с Аюми так, словно ничего не случилось. Но ей невыносимо было отчуждение Аюми, в то время как поведение дочери делалось все более серьезным. Как-то раз она с трудом уговорила Аюми поехать с ней на машине в городской образовательно-консультативный центр. Там их записали к психотерапевту, и они начали посещать сеансы, хотя поездка до центра занимала час в один конец. Минако купила Аюми медицинскую маску – девочка по-прежнему боялась покидать дом – и позволила ей по дороге лежать на заднем сиденье.

Перелом наступил на шестом сеансе. Аюми наконец нарушила молчание и разрыдалась: «Все смеются надо мной, потому что я уродка! Я стесняюсь ходить в школу. Даже из дому не могу выйти! Я скорее умру, чем увижу родственников. Я хочу избавиться от своей страшной рожи... Хочу разбить ее на кусочки!» Она все больше накручивала себя, топала ногами, молотила кулаками по столешнице.

«Дисморфофобия. Телесное дисморфическое расстройство».

Миками не мог смириться с мрачным диагнозом психотерапевта. Хотя он ужаснулся, просматривая видеозапись сеанса; он гнал от себя мысль о том, что у его дочери какое-то пси-

хическое расстройство. Почти все подростки бывают недовольны своей внешностью. Просто Аюми, наверное, это задело больше, чем других ее сверстников. Миками понимал, что его дочь трудно назвать хорошенькой в общепринятом смысле слова; она не похожа на куколку. Да, внешностью она пошла в него. Но он вовсе не считал дочь «уродкой»! Внешне Аюми не отличалась от массы других обычных девочек; таких встречаешь постоянно и повсюду.

Психотерапевт воспользовался той же точкой зрения, чтобы доказать, что у нее все же есть психическое расстройство. Он внушал родителям, что они должны принять свою дочь такой, какая она есть, и уважать ее как личность. Миками подобные советы казались банальностью, и он с трудом заставлял себя слушать. Кроме того, он злился. Его дочь раскрыла душу психотерапевту, чужаку, и призналась, что собственное лицо, так похожее на лицо ее отца, ей ненавистно. Миками стало не по себе; он был подавлен, и это чувство росло с каждым днем. Чем дальше, тем меньше ему хотелось обсуждать положение с Аюми.

После того как Аюми раскрылась на сеансе психотерапии, она призналась в своей ревности и враждебности к Минако. Может быть, она просто поняла, что на сеансах можно не сдерживать свои эмоции. «Убери от меня свое лицо!» – крикнула она матери, а потом и вовсе перестала разговаривать с ней. Если она иногда все же смотрела на Минако, в ее глазах полыхала ненависть.

Минако очень переживала; она замкнулась в себе. Тяжело было смотреть, как она робко стучит в дверь Аюми, держа в руках поднос с едой. У нее вошло в привычку тихо сидеть за туалетным столиком; вместо того чтобы накладывать макияж, она смотрелась в зеркало, словно осуждая свою красоту. Миками все больше злился, но первое время молчал. Он не собирался терпеть выходки Аюми – что с того, что у нее какое-то там «расстройство»?!

И вот наконец настал роковой день. Шла последняя неделя августа. Аюми, которая по-прежнему запиралась в своей комнате, вдруг вышла в гостиную. Правда, она упорно отворачивалась, чтобы родители не видели ее лица, а когда говорила, обращалась к стене.

– Я хочу сделать пластическую операцию. Возьму деньги, которые мне подарили на Новый год... Но нужно разрешение, поэтому вы должны расписаться.

Миками спросил, какую именно операцию дочь собирается сделать. Он с удивлением заметил, что голос у него дрожит. Аюми ответила бесстрастно:

– Все. Все подряд. Хочу сделать блефаропластику. Уменьшить нос. Изменить овал лица...

Иными словами, она отказывалась быть его дочерью. Вот как Миками понял ее ответ. Тогда он оттолкнул в сторону Минако, которая держала дочь за плечи, и влепил Аюми пощечину. По-прежнему глядя в стену, Аюми зарыдала. Он никогда не слышал, чтобы женщины так горько плакали.

– Тебе-то хорошо! – кричала она. – Тебе можно так выглядеть, ведь ты мужчина!

Миками вышел из себя. Забыв о том, что у дочери «расстройство», он ударил ее кулаком. Аюми с трудом вскарабкалась на второй этаж, вбежала в свою комнату и заперла дверь изнутри.

– Оставь ее! – крикнул он, подойдя к подножию лестницы и увидев, что Минако погналась за дочерью.

Через несколько минут сверху послышался шум, словно кто-то пытался проломить пол ногами, потом раздался грохот и звон... Миками бросился на второй этаж, ударом ноги вышиб дверь и вбежал в комнату. От удара у него болела ступня. Зеркало разбилось на мелкие кусочки, весь пол был усеян осколками. Аюми сидела в темноте, свернувшись клубком в дальнем углу, била и царапала свое лицо:

– Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу эту рожу! Я хочу умереть! Я хочу умереть! Я хочу умереть!

Миками застыл на месте, не в силах заговорить; он боялся что-либо делать, чтобы сама Аюми тоже не разбилась, как зеркало.

Всю ночь Миками обсуждал с Минако, что делать. Понятно, что в ее теперешнем состоянии Аюми считает их своими главными врагами. Они всерьез обсуждали, не положить ли ее в больницу. В конце концов, не найдя другого выхода, они позвонили психотерапевту Аюми.

– Я могу приехать завтра. До тех пор вам, наверное, лучше оставить ее в покое...

А на следующий день, ближе к вечеру, после приезда психотерапевта Аюми ушла из дома, не сказав им ни слова, не оставив даже записки.

– Она успокоилась... Будьте осторожны, не ссорьтесь с ней, – сказал психотерапевт.

Накануне Минако не спала всю ночь; после того, как слова профессионала заронили в нее искру надежды, она задремала в гостиной. Аюми воспользовалась случаем и сбежала. Поднявшись в ее комнату, они нашли в мусорной корзине пустую коробку из-под медицинских масок. С собой она взяла только сумку через плечо. Вся ее наличность составляли несколько монет и одна купюра в десять тысяч иен, которую она вынула из маленькой музыкальной шкатулки. Велосипед, на котором уехала Аюми, нашли через четыре дня на улице рядом с железнодорожным вокзалом.

Хотя работа общественного транспорта в городе Д. оставляла желать лучшего, железнодорожный вокзал по-прежнему считался самым большим во всей префектуре. Через него проходили две частные железные дороги, а также компания «Японские железные дороги». Кроме того, рядом с железнодорожным вокзалом находился и автобусный терминал, откуда автобусы разъезжались во всех направлениях.

И все-таки девочка в медицинской маске наверняка выделялась в толпе. Летом эпидемий не бывает. Кто-то наверняка обратил на нее внимание... Во всяком случае, ее должны были заметить работники вокзала.

Их надежды оказались тщетными. В час пик потоки пассажиров перемещались с огромной скоростью; большинство из тех, кто ждал автобусов или поездов, смотрели в мобильные телефоны или читали журналы. Полицейский из привокзального отделения также не видел ее. Аюми ускользнула совершенно незаметно. А может быть, бросив у вокзала велосипед, она пошла в другую сторону.

«С чего вы взяли, что она успокоилась?» – допрашивал потом Миками психотерапевта. Он не мог не допросить его. Ведь именно психотерапевт посоветовал ему выйти на работу. Послушавшись, Миками уехал и оставил Минако и Аюми одних. «Старайтесь не раздражать ее, ведите себя так, словно все нормально». Миками поверил специалисту, уехал – и вот вам результат! Психотерапевт, как ему показалось, и не думал раскаиваться.

«Она сказала: «Больше я не доставлю им хлопот». После таких слов я решил, что с ней все будет в порядке». Правда, он тут же оговорился: по здравом размышлении, такие слова, конечно, могли сигнализировать о ее намерении убежать.

По мнению Миками, слова Аюми свидетельствовали не просто о том, что девочка собиралась убежать из родительского дома. Ему приходило в голову несколько возможных толкований. Например, она могла сказать так специально, чтобы родители ослабили бдительность. Или таким образом прощалась с ними... А не могла ли она намекать на то, что собирается покончить с собой? Нет. Аюми ни за что не наложила бы на себя руки. Она определенно сказала так для того, чтобы они ослабили бдительность. Она ведь понимала, что родители немного успокоятся, если она пообещает, что больше не доставит им хлопот. Значит, у нее имелся и некий расчет: она не убежала из дома в порыве гнева. Доказательством служит то, что она не забыла прихватить с собой кошелек и смену одежды.

«Я хочу умереть! Я хочу умереть! Я хочу умереть!»

«Пропавший без вести человек в зоне риска». Вот к чему в конечном счете свелись «особые распоряжения», о которых упоминал Акама. Значит, речь шла о человеке слабом, ранним, с которым может произойти все что угодно: например, такой человек способен причинить

себе вред или даже покончить с собой. Миками не возражал против того, чтобы Аюми включили в такую категорию. Он понимал: если не упомянуть о том, что дочь угрожала покончить с собой, ее будут искать кое-как, спустя рукава, несмотря на то что Аюми – дочь сотрудника полиции. Получив же особые распоряжения, региональные участки не жалели сил на поиски. Аюми разыскивали патрульные, сотрудники уголовного розыска и отдела общественной безопасности. И все же никому не удалось отыскать ее следы. Месяц назад Миками спросили, можно ли вести поиски открыто. Он вежливо отказался: открытые поиски означали, что лицо Аюми увидят все прохожие на улицах. Миками понимал, что ничего хуже для Аюми придумать нельзя.

Он посмотрел на экран, и глаза у него защипало. На сцене пели и танцевали пять или шесть девочек ненамного старше Аюми; казалось, они скорее раздеты, чем одеты. Каждая старалась выделиться. Все они зазывно улыбались в объектив, словно просили: «Смотрите на меня, только на меня!»

Если бы только Аюми в самом деле просто убежала...

Будь Миками на сто процентов уверен в том, что Аюми не собирается наложить на себя руки, а всего лишь хочет сделать пластическую операцию, чтобы мальчики начали обращать на нее внимание, он наверняка просто злился бы... Она оскорбила их и убежала. В шестнадцать лет девушку трудно назвать взрослой. С другой стороны, она уже и не ребенок. Нельзя допускать, чтобы она попирала достоинство родителей!

«Все дочери рано или поздно уходят из дома. Ты не представляешь, как много у нас семей, в которых дети не ладят с родителями... Мне часто доводилось сталкиваться с тем, что родители убивают родных детей, а дети – родителей...» Нагромождая одну сердитую фразу на другую, он, скорее всего, убеждал себя и Минако в том, что в поступке Аюми нет ничего необычного.

А о чем думала Минако?

О том, что он отказался учитывать состояние их дочери?

О том, что ее муж поднял руку на свою дочь, которой было плохо?

В отличие от Миками Минако ни в чем не обвиняла психотерапевта. Впрочем, она и себя не винила в том, что в тот день задремала. Зато она разыскивала Аюми как одержимая. Именно тогда Минако сильно изменилась. Раньше она всегда советовалась с ним, прежде чем что-либо решать. Миками пробовал поговорить с ней, но она почти не реагировала. Она не смотрела ему в глаза, даже когда он стоял прямо перед ней. Она продолжала искать дочь. Как только стало понятно, что вокзал – тупик, она принялась опрашивать подруг Аюми. Не добившись никакого результата, Минако начала покупать глянцево-журналы с рекламой клиник пластической хирургии и салонов красоты. Стала обзванивать их: «Не приходила ли к вам молодая девушка в марлевой маске на лице? Девушка с красной спортивной сумкой через плечо... Пожалуйста, перезвоните, если увидите ее». Потом Минако заявила:

– По телефону невозможно передать все, что я чувствую. Придется опрашивать лично...

Каждый день она уходила на поиски, как на работу. Побывала в Токио, Сайтаме, Канаваре, Тибете. Если бы не те странные звонки, она бы, наверное, пошла еще дальше и добралась до пластических хирургов, которые орудуя на черном рынке.

Миками мог бы кое-что подсказать Акаме. С одной десяти тысячной банкнотой трудно рассчитывать на результат. Кроме того, в обычной клинике Аюми не приняли бы без согласия родителей. И все же клиники пластической хирургии – хоть какая-то зацепка. И если с помощью отпечатков пальцев и снимков зубов можно опознать мертвеца, наверное, стоит наметить, чтобы Аюми искали через кабинеты косметологии и клиники пластической хирургии – по крайней мере, есть надежда через них выйти на след Аюми, если она еще жива. И все же он пока молчал. Он не хотел, чтобы сослуживцы узнали о том, что Аюми ненавидела свое лицо, доставшееся ей при рождении. Если правда станет известна, тяжело придется и их родствен-

никам. Миками старался оградить достоинство дочери. Он дал себе слово, что о состоянии Аюми и о том, что она сказала, не узнает никто за пределами их дома. И все же...

Что думала Минако?

Общение с Минако давалось ему все труднее, как будто между ними пропустили слабый ток. Они жили в одном доме, но стали словно чужими. Бегство Аюми со всей ясностью показало, что в чем-то их отношениям не хватало прочности. С другой стороны, то же бегство образовало нерушимую связь, которая удерживала их вместе. Аюми вынудила родителей заботиться друг о друге, заставила молиться о том, чтобы их союз выдержал испытание.

Миками не знал, долго ли продлится их теперешнее состояние.

В полночь он выключил телевизор с помощью пульта и выполз из-за котацу. Выключил свет, взял телефон.

Зашагал по темному коридору.

Ёсио Амэмия сильно постарел, покрылся морщинами... Миками живо вспомнил снимок Сёко Амэмии – невинной, милой, с нарядной лентой в волосах. Всего лишь одно из дел, которым он занимался, когда служил в уголовном розыске. И только после того, как Аюми убежала из дома, он по-настоящему понял, что чувствуют родители, потеряв единственного ребенка.

Миками тихо, на цыпочках вошел в спальню. Положил телефон рядом со своей подушкой и лег на свой фuton. Нащупал ногой электрогрелку, подтянул ближе к икрам.

Ему показалось, что Минако перевернулась на другой бок.

Он посмотрел на соседний фuton. Жена стала для него загадкой, которую он не мог разгадать. Всякий раз, когда он думал об Аюми, о том, как она ненавидела внешность родителей, ему в голову приходил вопрос: «Почему Минако выбрала меня?»

Раньше ему казалось, что он все понимает, но теперь он уже ни в чем не был уверен... Прислушиваясь к тиканью часов и щурясь в темноту, он вспоминал, с чего у них все началось.

Глава 15

Миками вышел из дому, готовый к трудному дню.

Первым делом, придя на работу, он увидел Микумо. Выглядела она так, словно у нее приступ аллергии. Лицо распухло, как будто она пила всю ночь. Миками сразу догадался, что она пошла с остальными. Кроме того, еще до того, как Сува подошел к его столу, он уже знал, о чем тот будет докладывать.

– Ничего не получилось, – хрипло произнес Сува.

Судя по всему, вчера он многопил. Не лучше выглядел и стоявший с ним рядом Курамаэ: глаза красные, веки воспалены.

– Значит, мы проиграли?

Сува глубоко вздохнул; от него разило перегаром.

– Они по-прежнему настаивают на том, что подадут письменный протест начальнику управления. Не хотят идти нам навстречу и оставлять протест у нас. Мне показалось, что на Акикаву давит его редактор, Адзуса. Раньше он был репортером полицейской хроники...

Значит, Суве все-таки удалось кое-что вытянуть из Акикавы.

Миками все больше склонялся к тому, что им придется раскрыть репортерам имя женщины – виновницы происшествия. Но вначале он должен был сходить к Исии и узнать, что думает обо всем Акама.

– Ладно, на время забудьте о «Тоё». Теперь вам придется разделить. Попробуйте до вечера переубедить остальных. Пусть согласятся оставить протест у нас; если не хотят у нас, пусть отнесут в секретариат, к Исии.

Пока неизвестно, каков будет ответ Акамы, они должны по-прежнему стараться окончить дело миром. Если представители нескольких изданий пойдут на уступки, впоследствии им легче будет надавить на «Тоё».

Пресс-клуб не был монолитным. Там то и дело заключались и разрушались союзы, зависевшие от сложных взаимоотношений между разными изданиями, а также от общей обстановки. В таких условиях, как сейчас, предсказать последствия было еще труднее. Наверное, заранее можно было предсказать лишь позицию радиостанции «Кэнмин-FM», которая входила в прессклуб на правах ассоциированного члена. Радиостанция полностью финансировалась на средства префектуры и потому не имела права выступать против муниципальных инициатив. Оставалось двенадцать изданий. Интересно, кого из них сумеет переубедить Сува?

Миками достал записную книжку, принялся листать страницы.

«Местное отделение «Тоё». Главный редактор – Микио Адзуса. Университет Т. 46 лет. Энергичный. Любит прихвастнуть. В целом неплохо относится к полиции».

Миками помнил смуглое лицо редактора, его узкий лоб. Он видел его на круглом столе, который проводился раз в месяц. На нем присутствовали главные редакторы изданий и руководство полиции префектуры. Адзуса однажды замещал там директора местного отделения, который свалился с простудой.

Миками, велев себе не забыть об Адзусе, набрал номер приемной Исии. Положение не терпело отлагательств; нельзя сидеть и ждать, пока Исии соизволит связаться с ним сам. Он должен дать пресс-клубу официальный ответ в четыре часа. Кроме того, нужно срочно все уладить с Ёсио Амэмией.

К телефону подошла Аико Тода. Она сказала, что Исии в кабинете Акамы. Миками попросил ее передать Исии, чтобы тот перезвонил, когда вернется. Затем он подошел к информационному щиту на стене. Пробежал глазами последнюю сводку. Три дорожных происшествия за прошлую ночь и утро. Пожар на кухне частного дома. Арест мошенника, который

пытался сбежать из ресторана не заплатив. В общем, судя по всему, ночь в префектуре прошла спокойно. Зазвонил телефон, и Миками одним прыжком очутился у стола.

– Миками, пожалуйста, зайдите в кабинет Акамы. – Не дожидаясь ответа, Исии нажал отбой. Голос его звучал мрачно.

Через три минуты Миками уже стучал в дверь Акамы. Директор был в кабинете один. Он сидел не за столом, а на диване; Миками он сесть не предложил.

– Миками, похоже, вы не справляетесь со своими обязанностями! Как вы допустили, что ситуация вышла из-под контроля? – резко начал Акама.

Миками понимал, почему Акама злится, догадывался, что Исии тянул с сообщением до последнего. И все же...

– Подчиняясь вашим указаниям, я отказался выполнить их требование и раскрыть персональные данные виновницы ДТП. К сожалению, мой отказ разозлил их больше, чем можно было ожидать. Сейчас мы всеми силами пытаемся спасти положение, но переговоры проходят с трудом. У них накопилось недовольство, и они хотят дать ему выход. – Миками по-прежнему стоял, потому что Акама так и не предложил ему сесть. Миками понимал, что таким образом его наказывают или «воспитывают».

– Ваши отговорки меня не интересуют. Вы напрасно тратите мое время!

Миками с трудом подавил желание возразить: «Думаете, у меня есть время стоять здесь и выслушивать ваши колкости?»

– По их словам, они сразу же отзовут протест, если мы сообщим имя виновницы ДТП.

– Исии мне уже обо всем доложил. Ваше предложение сказать им обо всем как бы между прочим, как бы «рассуждая вслух», кажется мне крайне нерациональным.

Нерациональным?!

Миками посмотрел Акаме в глаза:

– В таком случае мы ничем не рискуем. Если обмолвимся о ней как бы случайно, никаких официальных документов не будет.

– Я против, – холодно сказал Акама. Он поднял брови. – Ни при каких обстоятельствах мы не имеем права раскрывать ее имя!

Его ответ показался Миками странным. Он невольно вспомнил мошенника, дело которого он расследовал несколько лет назад. Этот мошенник упорно отказывался рассказывать о своих прошлых подвигах, несмотря на то что ему явно хотелось похвастаться. Просто он считал ниже своего достоинства признаваться в чем-либо новичку-детективу.

Миками решил, что тут нужно копнуть поглубже.

– Насколько мне известно, решение о сокрытии ее персональных данных принимали лично вы.

– Совершенно верно. Мне позвонил Саканива из округа И., чтобы обсудить детали.

– Позвольте все же просить вас изменить решение. В противном случае журналисты ни за что не пойдут на уступки. А поскольку до визита комиссара осталось совсем мало времени, прошу вас сделать исключение... ведь положение у нас чрезвычайное...

– Миками, не пытайтесь давить на меня! Забудьте о своей нелепой затее и придумайте что-нибудь новое. – Тон его был, впрочем, не таким язвительным, как слова.

Акаму по-прежнему раздирали противоречия. Миками чувствовал: причина в чем-то другом. Его тревогу усугубляло то, что в деле замешан Саканива, бывший подчиненный Акамы...

– Позвольте узнать... Что еще мешает нам раскрыть ее имя, помимо того, что она ждет ребенка?

– Разумеется, – с поразительной открытостью ответил Акама. Он как будто ждал вопроса Миками. – Ее персональные данные – вопрос политический...

Политический?!

– Насколько я понимаю, вы в курсе того, что в правительстве сейчас рассматривается два законопроекта. Один касается частной жизни, а другой – защиты прав личности.

– Да, я в курсе.

Действительно, представители прессы часто возмущались по поводу ограничений. Они считали, что новые законопроекты ограничивают свободу прессы.

– Законопроекты подвергаются резкой критике со стороны журналистов, но к их принятию привели их собственные действия. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь! Всякий раз, как случается громкое дело, они налетают всей сворой и часто сильно вредят пострадавшим. В то же время они замалчивают те дела, которые выставляют их самих в неприглядном свете. У них просто нет совести! То и дело переваливают вину на нас, а себя изображают единственными борцами за мир! – Акама сделал паузу, во время которой намазал губы бальзамом. – Оба законопроекта рано или поздно будут приняты, получают статус законов. Тогда-то мы и поднимем вопрос о персональных данных. Мы намерены внести предложение о создании надзорного комитета, который будет рассматривать отношение к пострадавшим и жертвам преступлений. Мы добьемся, что нам предоставят решающий голос в вопросе о том, какие персональные данные можно предавать огласке. Конечно, вначале речь будет идти только о жертвах преступлений. Но, как только кабинет министров одобрит наше предложение, мы сумеем интерпретировать закон в наших интересах. И тогда мы будем руководить процессом с начала и до конца. Мы, и только мы сможем разрабатывать тексты пресс-релизов.

Миками наконец понял, почему Акама был сторонником столь жесткого подхода. Соккрытие персональных данных стало делом престижа для НПА. Или, может быть, для самого Акамы. Судя по тому, как напыщенно он рассуждал о кабинете министров и надзорном комитете, возможно, именно такой кабинет рассчитывал возглавить Акама по возвращении в Токио.

Миками уже осознал, что Акама вряд ли изменит свое решение, однако он ничего не мог с собой поделать: надо было дать выход накопившейся досаде. Кроме того, его предложение «рассуждать вслух» нисколько не противоречило токийским интригам. Как правило, к неофициальным сведениям, «не для протокола», как и к секретным операциям, в полиции относились так, словно их и не было.

– Если мы с вами поняли друг друга, вы можете идти.

– Это единственная причина? – не раздумывая, выпалил Миками, и ему показалось, что Акама потрясен. Но тут же заметил, что в глазах Акамы блеснули любопытные огоньки.

– Миками, на что вы намекаете?

– То, о чем вы говорили, – единственная причина, почему вы против раскрытия ее имени? – спросил Миками, возвращаясь к роли детектива. Он прекрасно понимал, что Акама по-прежнему что-то утаивает.

– Раз уж вы спросили... пожалуй, поделюсь с вами. – Акама расплылся в улыбке. – По правде говоря, женщина, о которой идет речь, – дочь Такудзо Като.

Миками чуть не присвистнул.

Такудзо Като! Исполняющий обязанности председателя «Кинг цемент»... Кроме того, он уже второй год входит в комитет общественной безопасности префектуры Д.

– Это он вас попросил? – ахнул Миками.

– Нет, мы сами хотим помочь, – спокойно ответил Акама.

В регионах должность члена комитета общественной безопасности считалась почетной и чисто декоративной. Единственная обязанность членов комитета – встречаться раз в месяц за обедом с начальниками участков и беседовать о разных вещах. Комитет общественной безопасности не обладал особой властью над административным департаментом. Зато с точки зрения организационной структуры картина складывалась совершенно иная. Официально полицейское управление префектуры подчинялось трем членам комитета общественной безопасности. Не потому ли они так стремились помочь? Нет, скорее отказ выдать персональ-

ные данные стал жестом доброй воли; тем самым полицейское управление делало своим должником одного из самых влиятельных финансовых авторитетов префектуры. Теперь он до конца своих дней будет считать себя обязанным полиции.

– Его дочь в самом деле беременна. Вначале Саканива просил вообще замять дело, но... ДТП было серьезным. Если бы родственники пострадавшего подняли шум, все стало бы еще хуже. Вот почему я принял решение скрыть ее персональные данные... Надеюсь, теперь мы с вами достигли полного взаимопонимания по данному вопросу.

Миками не знал, что ответить. Как только прошло первое потрясение, его охватил гнев. Ханako Кикуниси, дочь члена комитета общественной безопасности... Он – директор по связям с прессой, почему его не поставили в известность?!

– Я уже говорил вам, Миками. – Акама изобразил изумление. – Ваша работа подразумевает непосредственные переговоры с представителями прессы. У меня не было гарантии, что вы не выдадите что-нибудь косым взглядом или какими-либо своими действиями, если узнаете правду. Гораздо проще настаивать на своем, если ничего не знаешь!

Миками показалось, что он проваливается в глубокую яму; не сразу ему удалось собраться с мыслями для ответа. «Гораздо проще настаивать на своем, если ничего не знаешь!» Он и настаивал на своем, держался напористо, даже агрессивно. И все потому, что Акама, оказывается, нарочно держал его в неведении!

Миками невольно вспомнил слова Ямасины: «...когда кто-то упорно что-то скрывает, невольно задаешься вопросами. Может быть, виновница происшествия – дочь какой-нибудь большой шишки». Он ведь в самом деле наорал на Ямасину, считая, что тот возводит на них напраслину... И в результате оказался в дураках!

Миками опустил голову. Лицо у него пылало, и внутри тоже разгоралось пламя. Он возражал журналистам, а его использовали. Он мог бы сказать, что просто исполнял свой долг. Однако понимал, он служит не только рупором, который транслирует распоряжения Акамы. Правомерно ли отдавать беременную женщину на суд представителей прессы? Миками во многом разделял позицию полицейского управления префектуры. Вот почему он заговорил, вот почему он долго думал о том, как положить конец бесконечной борьбе.

Но оказалось, что доводы руководства – фальшивка. Полное притворство. Миками зажмурился. Акама прав. Он ведь уже говорил Миками о своих взглядах. «А вот если вы не будете в курсе дела, вы ничего не сможете сказать... Верно?» Он дурак, что забыл! И ведь нечто подобное уже случалось. Разве Акама всегда, с самого начала, не пытался сделать из него марионетку?

– Да, кстати. Что там с Амэмией? Дал он свое согласие?

Миками не ответил. Он снова открыл глаза, но не мог себя заставить посмотреть Акаме в лицо.

– Какие-то трудности? Говорите!

Миками по-прежнему хранил молчание.

Акама приподнялся с дивана. Он сухо хлопнул в ладоши, как борец сумо, который готовится к атаке.

– Посмотрите на меня!

Миками вытаращил глаза. Ему стало немного страшно. Перед ним снова возникло лицо Аюми; оно мерцало, словно мираж, и постепенно таяло.

Акама медленно оглядел его с головы до ног, оценивая его реакцию. Потом его губы растянулись в улыбке.

– Недоразумения не в наших интересах, поэтому позвольте говорить начистоту. С вашей стороны неразумно полагать, что, если вас уволят с поста директора по связям с прессой, вы сумеете вернуться в уголовный розыск.

Перед глазами Миками возникло письмо с приказом об отставке.

В ту секунду он утратил контроль над своими эмоциями. «Вот оно! Мне конец. Сегодняшняя встреча – последняя. Так какого дьявола я должен лизать ботинки этому садисту, изображающему из себя начальника?»

Образ Аюми исчез. Его сменил другой.

Перед его мысленным взором появилась Минако; в ее глазах отчаяние и мрак. Она смотрела на него с мольбой... У Миками закружилась голова. Он вспомнил, как плясали на свету снежинки. Белая простыня, серое лицо начальника окружного участка, смертельно-бледное, безжизненное лицо молодой утопленницы... картинки мелькали, быстро сменяя друг друга. Минако возлагала надежды на его сослуживцев. На двести шестьдесят тысяч полицейских... Она рассчитывала на их глаза и уши.

– Что там с Амэмией? – послышался чей-то голос издалека.

Миками вздохнул.

– Миками, я вас спрашиваю! Отвечайте! – Голос Акамы приблизился. Стал даже слишком близким.

Миками поднял голову. Он понял, что губы у него дрожат.

– Я... мы еще обсуждаем все вопросы. – Казалось, с каждым словом его покидают силы.

– Поторопитесь! В начале следующей недели я должен сообщить обо всем в секретариат комиссара. Кстати, есть еще одно, о чем вам, наверное, следует знать. Пенсионер, которого сбила дочь члена комитета Като... скончался около часа назад. Я уже отдал распоряжения Саканиве, чтобы тот не распространялся об этом событии, если представители прессы не спросят его об этом прямо. Ожидаю от вас такого же благоразумного поведения! – Акама встал. Он был сантиметров на десять ниже Миками, но казалось, что его глаза смотрят на Миками сверху вниз, с большой высоты.

Глава 16

Управление по связям со СМИ не могло похвастать красивым видом из окон. Пейзаж загораживало здание архива, построенное почти вплотную к штаб-квартире префектурального полицейского управления. Сидя за столом вполоборота к окну, Миками рассеянно разглядывал красно-коричневую стену архива. Не то чтобы он о чем-то замечтался... Он сомневался, что у него когда-либо будет время на мечты – во всяком случае, до конца жизни.

Просто серьезное ДТП превратилось в ДТП со смертельным исходом.

Раньше ДТП со смертельным исходом считались только те, в которых пострадавшие умирали в течение двадцати четырех часов после происшествия. С помощью такой уловки полиция слегка подправляла статистику. После того как представители прессы возмутились, пришлось включать в сводки даже такие происшествия, в которых пострадавшие умирали не в течение суток, а позже.

Они скрывают, что за рулем машины, сбившей пенсионера, сидела дочь члена комитета общественной безопасности; скрывают, что сбитый пенсионер умер. Превосходный пример того, как полиция «руководит процессом с начала до конца»...

Услышав шорох, Миками обернулся; Микумо поставила на его стол чашку с горячим чаем. Он заметил худощавую фигуру, стоящую у двери, с зеркальной фотокамерой в руке.

– А вы куда?

Курамаэ вздрогнул и замер; перед тем как ответить, он даже немного попятился.

– В парк Фурэаи. Полицейская группа дает там мини-концерт, вот я и подумал сделать несколько снимков...

– Поручите это Микумо, – тут же распорядился Миками. – А вы разве не должны сейчас находиться в пресс-центре? Идите и постарайтесь поскорее закончить там с делами. Будет неплохо, если вам удастся переманить на нашу сторону хотя бы нескольких!

Курамаэ стоял с совершенно прямой спиной, очень бледный. Миками старался не смотреть на него. Он видел в нем свое отражение; их образы накладывались друг на друга. Курамаэ извинился. Микумо подошла к нему; Курамаэ, не глядя, протянул ей камеру. Миками позвонил по телефону, отпил чаю и тоже вышел из кабинета.

Ему показалось, будто за последнее время окружающий мир сильно изменился.

Может быть, все дело в том, что он согласился стать сторожевым псом Акамы. Он полностью смирился с ролью марионетки административного департамента. Принял такое решение. Теперь, поняв, что утратил даже возможность высказывать собственное мнение, он больше не заботился о содержании своей работы.

Он будет держать язык за зубами и делать что прикажут. Добьется результатов, доведет дело до конца. Вот и все.

Нет никаких причин принимать происходящее близко к сердцу. Разве не тем же самым он занимался всегда? Когда-то он арестовал убийцу-психопата, который вспорол живот трем женщинам. В другой раз добился того, что мэр, который брал взятки, чтобы содержать своих любовниц, унижался и раболепствовал в кабинете для допросов. Он выдержал психологическую битву с мошенником, чей уровень интеллекта равнялся ста шестидесяти, одержав победу после того, как смотрел тому в глаза двадцать два дня подряд. У него нет причин считать себя неудачником – он выстоял в суровом мире уголовного розыска. Там он тоже выполнял приказы руководства и добивался результатов. Нет оснований считать себя тупее бюрократов, которые каждый день с девяти до пяти перекладывают бумажки...

Можно сыграть роль злого сторожевого пса. Ему нужно одно: решить текущую задачу, уйти из административного департамента. Вот тогда он покажет Акаме!

Идя по коридору, Миками посмотрел на часы. Всего десять утра! Меньше шести часов до того времени, когда они должны дать ответ пресс-клубу.

В голове прояснилось. Он стал думать.

Назвать имя виновницы ДТП он не имеет права. И «размышлять вслух» ему запретили. Значит, в четыре часа пополудни ему придется войти в пресс-клуб и отклонить их условия. Репортеры, конечно, придут в ярость и отправятся в приемную начальника; они заставят его принять их письменный протест. Если он, Миками, оплошает, невысказанное станет реальностью.

Есть только один способ, благодаря которому можно обеспечить мягкую посадку, не унижив департамент. Ему придется заставить репортеров подать протест либо ему самому, либо Исии, а затем положить его на полку в глубинах архива административного департамента.

Акикава предупредил: после того как полиция объявит о своем решении, пресс-клуб проведет еще одно совещание. Там-то и станет ясен исход дела. Необходимо сделать так, чтобы кто-нибудь сказал: «Предлагаю на сей раз оставить протест у Миками». Хотя реакция журналистов часто бывает непредсказуемой, он надеялся, что Суве удастся кое-кого уговорить. Если они хорошо проведут подготовительную работу, им, скорее всего, удастся склонить на свою сторону кого-то из сомневающихся.

Главным препятствием станут бескомпромиссные, упертые, те, кто настаивал на том, чтобы подать протест напрямую начальнику управления префектуры. Если управление по связям со СМИ будет бездействовать, упертые сумеют пересилить умеренных. Все сводилось к количеству. Миками понимал, что в случае голосования не может рассчитывать на победу, если не склонит на свою сторону самых голосистых агитаторов.

«Нужно подцепить их на какой-то крючок»...

Миками поднялся по лестнице на пятый этаж, который занимал уголовный розыск. С удовольствием вдохнул знакомый запах. Здешняя атмосфера отличалась от той, что царил на втором этаже. Миками толкнул темную, почерневшую дверь с табличкой «Уголовный розыск, Второе управление».

Его сразу же приветствовал Кадзуо Итокава. Стол Кадзуо, стол заместителя начальника, до весны принадлежал Миками. Миками заранее узнал, что двадцатисемилетнего начальника управления Отиаи нет на месте. В регионах пост начальника Второго управления обычно отводился молодым кадровым офицерам. Если Отиаи увидит Миками, он обязан будет сообщить о его визите Акаме, чего Миками совсем не хотелось. Миками сразу же вышел в смежное помещение и жестом поманил Итокаву за собой. Они очутились в кабинете для «мягких» допросов, который располагался дальше всего от входа. Миками закрыл дверь.

– Спасибо тебе за вчерашнее, – начал Миками, расставляя складной стул.

– Напомни, за что именно?

– За теплый прием, который ты оказал моему подчиненному Курамаэ.

– Ах, вон что! Я не собирался...

– Никаких обьедков для этих псов... так?

В глазах Итокавы отразилась тревога.

Он был на четыре года моложе Миками и три года работал под его руководством, когда Миками возглавлял группу в Первом управлении, в отделе ненасильственных преступлений. Работал он добросовестно; особенно с цифрами. Учась в вечерней школе, Итокава окончил еще и бухгалтерские курсы.

Итокава сел напротив; Миками поставил локти на металлический стол и сложил ладони вместе. В предисловиях не было необходимости.

– Как продвигается дело с незаконным сговором при строительстве музея?

– По-моему, все идет как надо.

– Кажется, восемь человек арестовано?

- Совершенно верно.
- Исполнительный директор «Хаккаку констракшен» сегодня здесь?
- Не могу сказать... – ответил Итокава, явно скрывая правду.

Миками склонил голову набок, придавая своим словам больший вес:

– «Мы вызвали на допрос исполнительного директора «Хаккаку констракшен», самой крупной компании в префектуре». Он повторял слова самого Итокавы, который обмолвился об этом два дня назад. Миками изобразил досаду: – На допрос приглашали исполнительного директора «Хаккаку констракшен». Правильно?

- Ну да. Вроде бы.
- То есть как «вроде бы»???

Итокава упорно отказывался говорить определенно. Будучи вторым по старшинству офицером в подразделении, он наверняка точно знал, приглашали на допрос исполнительного директора или нет. Миками решил сменить подход.

– Репортеры к вам еще не обращались? Кто-нибудь из них уже пронюхал, что его вызвали на допрос?

- Нет. По крайней мере, пока.

В таком случае можно воспользоваться предлогом как наживкой. Миками продолжал, не меняя выражения:

- Благодарю свою счастливую звезду, что они – просто шайка идиотов.
- Ну да. Насколько мне известно, они пока следят за «Согавой».
- Да, похоже на то.

«Согава констракшен» была сравнительно небольшой по размеру компанией, возглавляемой младшим братом префектурального министра. Ее постоянно окружали слухи о коррупции в правлении и даже причастности к делам местных преступных синдикатов. «Хаккаку констракшен», которой это надоело, оборвала все связи с «Согавой», что означало, что в нынешнем преступном сговоре «Согава» не участвовала. Однако, несмотря на это, Второе управление продолжало пристально следить за компанией. Журналисты, которые не знали, замешана «Согава» в деле или нет, продолжали следить за руководством компании. Начальник Второго управления Отиаи повторял, что дело «Хаккаку» пока остается совершенно секретным.

– И когда, по-твоему, вы произведете аресты? – спросил Миками, мягко переходя к текущим вопросам.

- Не могу сказать точно.
- Ну хотя бы примерно. Сегодня, завтра? Может, на следующей неделе?
- Слушай, я на самом деле не имею права...

Итокава выглядел расстроенным. Совсем на него не похоже. В тот период, когда Миками регулярно навещался в уголовный розыск, достаточно было подсесть к Итокаве, чтобы тот, пусть и нехотя, делился какой-то внутренней информацией.

- Тебе запретили общаться с нами?

– Дело не в том, что вы... – Итокава оцепенел. Судя по всему, он готов был сам себя ударить. Он густо покраснел.

Миками живо представил, как Итокава беседовал с другим детективом: «Дело не только в управлении по связям со СМИ. Нам необходимо убедиться, что никто из администрации ни о чем не догадывается». В административный департамент, помимо них, входят секретариат, отдел внутренней безопасности и отдел кадров.

Что-то случилось, и детективы решили скрыть происходящее от этих отделов, от администрации. Логично предположить, что при расследовании какого-то дела допущена ошибка или дело зашло в тупик, поэтому уголовный розыск и решил применить запрет на передачу информации.

– Кто-нибудь повесился в камере?
– Нет-нет, что ты. Ничего похожего. У нас все хорошо, – взволнованно ответил Итокава.
– Ладно. Почему тогда запрет на передачу информации?
– Меня не спрашивай. Но уверяю тебя, что к нашей текущей работе это не имеет никакого отношения.

– А к чему имеет?
– Учти, я ничего не знаю. Просто нас предупредили, чтобы при представителях администрации мы держали язык за зубами. О чем бы вы ни спрашивали.

«Держали язык за зубами»? Миками не верил собственным ушам.

– Да что у вас тут происходит, черт побери?

– Повторяю, я и сам не знаю.

– Значит, ты даже мне не можешь сказать? – Миками подался вперед, но сразу понял, что Итокава не лжет и не лукавит.

– Попробуй спросить директора. Мне не меньше, чем тебе, хочется выяснить, в чем дело.

Значит, запрет исходит непосредственно от директора уголовного розыска. Аракида приказал всем сотрудникам своего департамента молчать при представителях администрации, даже не объяснив, в чем дело. Он как будто перенял методы Акамы!

– Вот почему ты оказал Курамаэ такой холодный прием!

– Не принимай этого на свой счет. Кстати, Миками, чего ты добиваешься, врываясь ко мне без предупреждения только потому, что я отказал твоему подчиненному? Ну да, понимаю, у вас там мало информации. Вот только не понимаю, зачем тебе так подробно расспрашивать...

Миками неожиданно пришлось оправдываться:

– Я просто хочу подготовиться к пресс-конференции.

– И все?

– Какая еще у меня может быть причина?

Он не собирался скрывать правду, но, узнав о странных распоряжениях главы уголовного розыска, и сам не спешил раскрывать карты.

– Что ж, если у тебя все, у меня скоро начнется важная встреча. – Итокава решил воспользоваться ответом Миками как поводом закончить разговор. Затем он вышел, потому что ему позвонили по телефону.

Миками спускался вниз в глубокой задумчивости.

Разговор оказался полезным.

Хотя он так и не сумел выяснить, когда арестуют исполнительного директора «Хаккаку констракшен», из слов Итокавы стало ясно, что журналистам о последних событиях пока не сообщали. Значит, у него появился еще один козырь, которым можно воспользоваться на переговорах.

Впрочем, радоваться было рано. Миками все время вспоминал странные слова Итокавы: «Просто нас предупредили, чтобы при представителях администрации мы держали язык за зубами. О чем бы вы ни спрашивали».

Какие-то ограничения существовали и раньше, но сейчас... Судя по всему, детективам вообще запретили общаться с представителями административного департамента. Да, очень может быть... Миками вспомнились вчерашние слова Акамы: «Насколько я понимаю, вы тоже знакомы с родителями девочки. Вам лучше обратиться напрямую к ним. Не нужно привлекать еще и уголовный розыск... Визит комиссара в первую очередь касается административного департамента. Если вы привлечете уголовный розыск, все только осложнится. Как только вы проделаете всю подготовительную работу, я лично свяжусь с директором уголовного розыска. До тех пор вы должны рассматривать визит как дело совершенно секретное».

Интересно, какая кошка пробежала между уголовным розыском и администрацией? Отношения двух департаментов были сложными в любом месте, в том числе и в полиции пре-

фектуры Д. Правда, Миками не было известно о текущих проблемах, способных вызвать полномасштабный конфликт.

И тем не менее...

Можно ли считать загадочные слова Акамы и Итокавы, произнесенные как будто на одной волне, простым совпадением? По спине Миками пробежал холодок. Перед его мысленным взором возникла фигура единственного человека, способного воплотить совпадение в жизнь: Футаватари.

Лучший специалист административного департамента вел себя как-то странно. Копался в «Деле 64». Напоминал сотрудникам уголовного розыска об их самой большой и позорной неудаче. Должно быть, что-то случилось. Причина конфликта – не незаконный сговор при строительстве, который расследует Второе управление. Судя по всему, причина – в «Деле 64», которым занималось Первое управление...

Миками остановился на площадке между этажами. Над ним находился уголовный розыск; под ним – административный департамент. Лестничная площадка представилась ему олицетворением положения, в котором он оказался.

Глава 17

– «Тоё», «Асахи», «Майнити» и «Киодо ньюс» – безнадежное дело. Они упорно хотят подать протест начальнику всего управления, и переубедить их невозможно.

Они втроем – Миками, Сува и Курамаэ – собрались в кабинете и обсуждали создавшееся положение.

– Ну хорошо, а кто, по-вашему, согласится на то, чтобы подать протест нам?

Сува оторвался от своих записей:

– «Таймс», «Телевидение Д.» и «Кэнмин-FM». С ними проблем не будет. Я еще не успел поговорить с Томино из «Д. Дейли», но я на девяносто девять процентов уверен, что и они не откажутся от нашего предложения...

Четыре местных канала. Миками предполагал, что для Сувы ничего не стоит склонить их на свою сторону. Наверное, придется попросить кого-то из них предложить подать протест в управление по связям со СМИ. Нет, еще лучше – пусть такое предложение внесут все четыре представителя вместе.

– А что «Ёмиури» и «Санкэй»?

– Представители «Ёмиури» пока не определились. Хотя они в целом поддерживают протест, судя по их поведению, они могут отколоться, если им покажется, что «Тоё» слишком нажимает. Представители «Санкэй» сказали, что согласятся на компромисс: то есть если протест подадут директору административного департамента.

– А оставшиеся трое?

– Оставшиеся... – промямлил Курамаэ.

Глядя на него, Миками подумал: наверное, ему до сих пор не по себе от выговора, который он выслушал утром.

– Значит... Эн-эйч-кей, «Дзидзи-пресс» и «Токио Симбун» предпочитают выжидать. Они против сокрытия персональных данных в принципе, но письменный протест, по их мнению, – это чересчур. Скорее всего, что бы ни случилось, они примкнут к большинству.

Миками закурил сигарету. Посчитал в уме голоса. Четверо за то, чтобы подать протест начальнику всего управления. Четверо – за то, чтобы оставить его у Миками. Трое пока не определились. Представитель одного издания согласен, чтобы протест подали Акаме, а еще про одного «не известно».

Подсчеты выглядели не слишком хорошо.

– Нельзя ли уговорить «Санкэй» на то, чтобы оставить протест у Исии в секретариате?

– Это будет нелегко. Они не захотят потерять лицо в присутствии остальных.

Перед тем как повернуться к Курамаэ, Миками кивнул:

– Поговорите еще раз с представителями Эн-эйч-кей, «Дзи-дзи-пресс» и «Токио Симбун». Попробуйте переманить их на нашу сторону. Намекните, что, по нашим сведениям, расследование незаконного сговора при строительстве музея затрагивает самые верхи.

– Никаких проблем.

Миками снова повернулся к Суве:

– А вы, пожалуйста, поработайте с «Майнити». Можете сказать, что нам известно: Второе управление обратило самое пристальное внимание на «Хаккаку констракшен».

– Хорошо. Хотя, возможно, при нынешнем положении дел будет легче попытаться счастье с «Ёмиури».

– Они уже получили большой куш.

Сува кивнул, как будто хотел сказать, что он это помнит. И в «Ёмиури», и в «Асахи» появились большие репортажи о сговоре при строительстве. Поэтому больше всего сенсации нужны были, соответственно, «Майнити» и «Тоё».

– Значит, вы хотите, чтобы я и «Асахи» оставил в покое?

– Вот именно. По-моему, слишком большое давление на них может отозваться рикошетом.

– Верно, – согласился Сува, но тут же нахмурился. – Остается «Тоё». Их тоже не трогать?

– Не надо, я сам. Попробую договориться о встрече с кем-то из редакторов.

Идеальный вариант – если представители «Тоё» ослабят хватку. Приходилось учитывать личное влияние Акикавы, а также то, что в этом месяце газета официально представляла пресс-клуб. Если «Тоё» согласится оставить протест в управлении по связям со СМИ, скорее всего, многие другие согласятся с ними, в том числе Эн-эйч-кей и «Дзидзи-пресс». Но Миками понимал, что отношения слишком обострились. Кроме того, Акикава не из тех, кто клонет, как только ему покажут наживку. Нет, если они хотят быстро изменить мнение за то время, что им осталось, их единственная надежда – пойти напрямую к боссу Акикавы и рассчитывать на его начальственное решение.

– И еще одно... – Миками понизил голос до шепота, чтобы Микумо не слышала. – Старик, которого сбила машина, умер. Прошу вас изучить все обстоятельства дела. И постарайтесь, чтобы до конца совещания члены пресс-клуба ничего не знали.

Когда до них дошел смысл сказанного, оба молча кивнули. Миками посмотрел на настенные часы. Начало двенадцатого.

– Ладно, приступайте!

Оба его подчиненных встали и поклонились. Миками тоже встал и похлопал Курамаэ по спине:

– Ваши старания оценят по достоинству.

Так он извинялся за то, что раньше сорвался на Курамаэ. Тот слегка покраснел и вздохнул с облегчением. Миками показалось, что и Микумо немного просветлела. Она наконец встала из-за стола – все утро она что-то печатала – и распахнула окно, впуская в помещение свежий воздух. Им четвером приходилось тесниться в одном кабинете, где почти совсем не оставалось свободного места. Малейшая размолвка или недоразумение – и начинало казаться, что у них нечем дышать.

Миками вернулся за свой стол и позвонил в местное отделение «Тоё». Ему повезло; трубку сразу же снял сам Микио Адзуса, редактор, с которым он надеялся поговорить. Они познакомились и обменялись визитными карточками на последнем круглом столе, но разговаривали впервые.

– Я хотел бы кое-что с вами обсудить. Мы можем встретиться за обедом?

Адзуса, как показалось Миками, охотно согласился. «В целом неплохо относится к полиции»... Приятно, что ответ Адзусы совпадал с первым впечатлением о нем. Повесив трубку, он увидел, что Микумо вышла вслед за остальными и он остался в кабинете один.

В голове внезапно прояснилось.

Он встретится с редактором «Тоё» и обменяет его лояльность на эксклюзивные сведения. Расскажет о том, что происходит с делом о незаконном сговоре при строительстве музея... Ну а Адзуса нажмет на Акикаву, чтобы тот не подавал протест начальнику префектурального управления... Он снова взял телефон.

– Обедать не приеду. – Он уже говорил это Минако перед тем, как уехать на работу, и все же решил на всякий случай повторить. – Закажи себе что-нибудь в «Согэцу». Если они не доставляют на одного, закажи еду на двоих... То, что останется, можно вечером разогреть. Будет мне ужин. Согласна? Вот и хорошо. – Он закончил разговор, прежде чем его жена начала беспокоиться.

Вернулась Микумо с чайником в руках.

– Простите... все в порядке?

Вопрос застал его врасплох.

- Что вы имеете в виду?
- Вы побледнели. Сильно побледнели...
- Со мной все в порядке.

Может быть, из-за сухости его ответа Микумо замолчала и какое-то время смотрела на него.

- Что-нибудь...
- Что, простите?
- Я могу вам чем-нибудь помочь? – сдавленным голосом спросила она.
- Вы и так мне помогаете.
- Но я хочу тоже помогать... с журналистами.

Миками оттолкнулся ногами от пола, крутанул кресло. Теперь он сидел к Микумо спиной. Смотреть ей в глаза он не мог.

– В этом нет необходимости, – буркнул он. – Пожалуйста, не создавайте лишних трудностей.

Глава 18

Миками вышел с работы в одиннадцать тридцать, хотя ему казалось, что для обеда еще рановато. Адзуса предложил встретиться в закусочной в западном стиле недалеко от редакции «Тоё».

– Эй, я здесь!

Адзуса пришел раньше его и сидел за столиком у окна; перед ним лежала раскрытая газета. Сорок шесть лет – ровесник Миками. У него было необычно смуглое лицо. При первой встрече он показался Миками человеком суровым и даже жестким, но теперь – возможно, из-за освещения – необычный цвет лица словно намекал на какую-то болезнь.

– Извините за опоздание. – Миками поклонился и сел напротив.

– Нет-нет, что вы, это я пришел слишком рано. На работе столько всяких дел. Благодаря вашему звонку я получил прекрасный предлог ненадолго улизнуть. – Вблизи Адзуса выглядел вполне здоровым и крепким; во всяком случае, он держался свободнее, чем во время их первой встречи. – Миками, вы, оказывается, настоящая знаменитость, живая легенда! А правда, что, когда вы возглавляли отдел во Втором управлении, вы арестовали трех или больше крупных чиновников по обвинению в коррупции?

– Это было очень давно.

– Вы ведь и в Первом управлении служили?

– Да. Примерно равное время в каждом.

– А чем вы занимались, когда похитили Сёко?

– Я служил в Первом управлении, в отделе специальных расследований.

– Значит, находились в самой гуще событий. Ведь похищение требует как раз специального расследования... Знаете, мне приходилось освещать многие громкие дела, пока я служил в Токио. – Адзуса плавно перешел к воспоминаниям о том времени, когда он служил главным репортером столичной полиции. Он рассказывал о себе с юмором, выставляя даже свои достижения провалами.

Миками несколько раз пытался вклиниться, но безуспешно. И только когда оба доели карри и им принесли кофе, Адзуса сам начал разговор на интересующую его тему:

– Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я не давал ход письменному протесту?

Миками отпил небольшой глоток и поставил чашку на стол. Из-за резкого перехода он едва не пролил кофе.

– Да, в общем и целом. Можно ли как-то добиться, чтобы протест подали мне?

– Понятно... В общем, я с вами согласен: негоже сразу жаловаться самому главному начальнику. Но мне приходится учитывать и чувства моих служащих... Кроме того, я считаю: в том, что они так завелись, есть и ваша доля вины.

– Совершенно с вами согласен. И все же факт остается фактом: речь идет о беременной женщине.

– Понимаю вашу точку зрения. Но должен также заметить... – Адзуса заговорил о сокрытии персональных данных. Хотя он смотрел на дело несколько под другим углом, в целом его взгляды не слишком отличались от взглядов более молодых репортеров.

Кивая, Миками украдкой посмотрел на часы. Начало второго. Он должен ответить пресс-клубу меньше чем через три часа.

– Адзуса-сан. – Миками попытался взять инициативу в свои руки. – Уверен, при вашем знании методов полиции вы понимаете, насколько будут серьезны последствия, если протест подадут начальнику управления префектуры. Я не говорю, что вам вовсе не следует подавать протест. Однако, если учесть прецеденты, не согласитесь ли вы, что более уместно – по крайней мере, для начала – подать протест либо в секретариат, либо в управление по связям со СМИ?

– Хм... Наверное, вы правы.

Миками воспрянул духом. Похоже, у него все получится! Он вспомнил, что говорил Сува: «Мне показалось, что на Акикаву давит его редактор, Адзуса. Раньше он был репортером полицейской хроники...» Может быть, Акикава нарочно свалил все на своего редактора, а Сува и поверил? Может быть, Акикава чувствовал себя обязанным в уплату за напитки, которыми его угостил Сува, что-то выдумать? Во всяком случае, Адзуса совсем не показался ему ни твердолобым, ни радикалом. Хотя, может статься, Адзуса просто хороший дипломат – отточил свое искусство в Токио.

Миками решил не останавливаться на полпути.

– Я не собираюсь называть случившееся пустяком, – продолжал он, – но будет очень некстати, если из-за дорожно-транспортного происшествия ухудшатся отношения представителей прессы и полицейского управления. Если вы сейчас любезно окажете нам содействие...

Последнюю фразу Миками нарочно подчеркнул.

– Очень хорошо. – Адзуса задумчиво кивнул. – Вижу, вы не жалеете сил, чтобы убедить нас в своей точке зрения... Хорошо, я поговорю с Акикавой. И все же не забывайте: мы, журналисты, принимаем подобные дела близко к сердцу. К сожалению, я не могу гарантировать, что ответ будет положительным. Помимо всего прочего, вы пытаетесь решить вопрос у него за спиной...

Миками кивнул, стараясь не показывать радости. Ему очень хотелось унижить Акикаву. Пусть знает, что и на него нашлась управа! И все же Адзуса оставил вопрос открытым...

– Ничего не могу вам обещать. Не обижайтесь на меня.

Произнеся завершающие фразы, Адзуса потянулся к счету. Миками его опередил. Адзуса хихикнул:

– Суперинтендент, напрасно вы беспокоитесь! Я не собираюсь оплачивать весь счет. Я хотел оплатить всего лишь свою долю!

– Адзуса-сан, прошу вас, сядьте.

– Что такое?

Миками многозначительно посмотрел на него и понизил голос до шепота:

– Передайте Акикаве, что ему стоит обратить особое внимание на расследование незаконного сговора при строительстве музея.

Адзуса слегка склонил голову и посмотрел на Миками в упор. Как бывший репортер полицейской хроники он наверняка не раз обменивался со стражами порядка полезными сведениями и услугами. Он догадывался, что Миками, так сказать, платит авансом.

Миками не сомневался, что сведения, которые он собирался сообщить, превзойдут ожидания Адзусы.

– Последние несколько дней мы неоднократно вызывали на допросы исполнительного директора «Хаккаку констракшен». Если все пойдет по плану, в течение следующих нескольких дней мы сможем произвести арест.

Адзуса даже моргать перестал. Он стал похож на новичка-репортера, который почувал сенсацию.

В закуской почти никого не осталось – обеденный перерыв заканчивался. Миками показалось, что они с Адзусой поняли друг друга.

Глава 19

Пробило четыре часа пополудни.

Миками толкнул дверь в пресс-центр. За ним шли Сува, Курамаэ и Микумо. В пресс-центре их уже ждали. Миками поразился количеству собравшихся – больше тридцати человек. Похоже, все члены клуба явились в полном составе. Семь или восемь репортеров сидел и на диванах посреди комнаты. Другие принесли себе стулья. Остальные стояли; места для стульев в комнате больше не было. Микумо с ручкой в руке пересчитала присутствующих по головам. Вчерашняя враждебная атмосфера совершенно рассеялась. Все репортеры смотрели на них выжидательно. Впереди стоял Ямасина из «Дзэнкен таймс»; Миками заметил его заискивающий взгляд. Ямасина наверняка вышел вперед только затем, чтобы остальные не заметили его двуличности. Акикава и его заместитель Тэдзима стояли скрестив руки на груди за одним из диванов. Внешне Акикава выглядел таким же собранным, как всегда. Но что творится у него внутри? Интересно, что ему сказал Адзуса? Что он чувствовал, пока ждал? Уцаки, главный репортер «Майнити», казалось, пребывал в приподнятом настроении; вполне возможно, Суве удалось склонить его на свою сторону. В дальнем углу плечом к плечу стояли Хороива из Эн-эйч-кей и Янасе из «Дзидзи-пресс». Их позиция соответствовала словам Курамаэ о том, что они еще не определились.

– Ну что, все в сборе? – заговорил Сува. – Отлично. В связи со вчерашними событиями директор по связям с прессой Миками сейчас зачитает наш официальный ответ относительно виновницы серьезного дорожного происшествия, имевшего место на территории участка И.

Миками поклонился и тут же зажмурился от вспышки. Он поднял голову, чтобы посмотреть, кто его снимает. Мадока Такаги из «Асахи».

– Такаги, Такаги! По-моему, без этого мы вполне можем обойтись. Сейчас ведь не пресс-конференция! – укоризненно произнес Сува, стараясь, впрочем, не казаться слишком строгим.

Послышался высокий голос Такаги:

– Мне нужен снимок для моей колонки. Я делаю специальный репортаж о сокрытии персональных данных!

– Ну ладно, но разве нельзя было снимать со спины? Не стоит иллюстрировать репортаж нашими портретами, – в конце концов, сокрытие персональных данных не только наша инициатива...

Восстановив мир, Сува повернулся к Миками и жестом показал, что можно начинать. Миками откашлялся и посмотрел на листок, который держал в руках:

– Не стану задерживаться с официальным ответом. После тщательных размышлений мы пришли к выводу, что, поскольку виновница происшествия ждет ребенка, мы не вправе раскрывать ее персональные данные.

Несомненно, именно такого ответа все ожидали; за ним почти не последовало никакой реакции. Миками продолжал читать:

– Однако мы обязуемся и дальше вести дискуссии на любые темы с вами, уважаемыми членами пресс-клуба, и рассматривать каждый подобный случай отдельно... Спасибо!

Вторую часть они добавили для равновесия. Предложение внес Миками, и начальник Исии дал свое позволение включить фразу в официальный ответ всего пятнадцать минут назад.

Прежде чем ответить, Акикава театрально кивнул:

– Позиция полицейского управления префектуры нам вполне ясна. Сейчас мы посоветуемся и дадим вам ответ. Будьте добры, оставьте нас.

Сотрудники управления по связям со СМИ вернулись к себе. Им казалось, что время тянется бесконечно. Тикали часы на стене. Миками сидел на диване; напротив него устроился Исии. Он спустился со второго этажа, заранее опасаясь результата. Сува, Курамаэ и Микумо

тоже волновались. Каждый сидел за своим столом и деловито писал что-то или набирал на компьютере, но все то и дело косились на часы.

Четыре пятнадцать... четыре двадцать...

Благодаря резиновому стопору дверь была приоткрыта сантиметров на пять. Как только репортеры выйдут в коридор, сотрудники отдела по связям с прессой услышат...

Они сделали все, что могли.

За несколько секунд до того, как представители прессы собрались на совещание, Сува успел переговорить с четырьмя «сомневающимися» представителями местных СМИ. Он в последний раз попытался убедить их в том, что вторая часть заявления самая главная.

– Прошу вас, предложите подать протест главе секретариата. Не беспокойтесь, вы внакладе не останетесь.

По словам Сувы, Ямасина из «Таймс» с ним согласился, а остальные нехотя последовали его примеру. Если они дружно поддержат предложение Сувы, даже самым твердолобым придется с ними считаться. Вопрос поставят на голосование, и тогда...

– Что-то они задерживаются. Интересно, что там происходит, – заметил Исии. Молчание действовало ему на нервы.

Миками молча кивнул. Наверное, они сейчас спорят. Во всяком случае, единогласного решения не будет. Самые твердолобые будут отстаивать свою точку зрения до конца: «Протест необходимо подать начальнику управления!» Никому, скорее всего, не удастся никого убедить. Вопрос поставят на голосование. В пресс-клубе собрались представители тринадцати изданий; для того чтобы протест подали Исии, требуется набрать всего семь голосов...

Есть еще надежда, что они победят.

Но они в самом деле задерживаются. Давно уже пора принять решение!

Миками был обеспокоен не меньше Исии. Он живо представлял себе возможные осложнения. Время шло; его все больше одолевали сомнения. Да удалось ли Суве на самом деле убедить Уцуки из «Майнити», переманить его на их сторону? В самом ли деле Уцуки переменил свое мнение? Удалось ли Курамаэ намекнуть о незаконном сговоре? А может быть, он сам провалил дело... Может быть, Адзуса не удалось переубедить Акикаву?

Нет, вряд ли! Адзуса сразу сделал стойку, когда Миками поделился с ним инсайдерской информацией относительно сговора. Прощаясь, он еще сказал: «С вами приятно иметь дело...»

Адзуса наверняка нажал на Акикаву. И пусть Акикава хорохорится, изображая прожженного, матерого репортера. Он – всего лишь винтик в сложном механизме. Он не может не подчиниться приказу одного из главных редакторов газеты. И хотя едва ли Акикаве нравится мысль подать протест Исии или Миками, он не должен с пеной у рта защищать идею о том, чтобы пойти к самому начальнику управления.

Теперь все зависело от «Асахи» и «Киодо ньюс»... а также, возможно, от Усиямы из «Ёмиури», который терпеть не мог Акикаву. Что, если Усияма заметил, как Акикава переметнулся, и нарочно выступит против, чтобы действовать наперекор своему недругу?

Тридцать две минуты пятого... От тишины звенело в ушах. Четыре тридцать пять... четыре сорок...

В коридоре послышались шаги. Все дружно повернулись к двери. Судя по шуму, из пресс-центра вышли едва ли не все репортеры... Миками первым подбежал к двери. В коридоре уже толпились человек десять. Остальные стояли на пороге пресс-центра, подталкивая тех, кто шел впереди. В толпе Миками сразу заметил Акикаву. Тот направился к нему. Как будто по команде, репортеры перестали разговаривать и развернулись лицом к Миками. Миками смотрел Акикаве в глаза. Что там?

Акикава хладнокровно заговорил:

– Мы сейчас же идем к начальнику управления и подаем ему письменный протест.

Миками оцепенел. У него за спиной кто-то ахнул.
Полный провал!

Он почувствовал, как силы покидают его. Его как будто ударили под дых, как будто сломали замок на песке, который он возводил целый день, и теперь от него не осталось и следа... Все поплыло. Словно из тумана, совсем рядом возникло лицо Акикавы. Склонившись к Миками, он прошептал:

– На следующей неделе Адзуса уезжает в Токио; у него больная печень. Он очень благодарен вам за прощальный подарок. Просил меня передать вам привет.

Его ухмыляющееся лицо снова отдалилось.

Миками снова ахнул. Его обвели вокруг пальца!

«С вами приятно иметь дело»...

«Прощальный подарок»! Выходит, Адзуса и не собирался выполнять свою часть сделки... Репортеры волнами двигались к лестнице. Акикава снова скрылся в толпе.

«Стойте! Погодите!» – хотел закричать Миками, но словно онемел.

Перед глазами все поплыло, ноги подкосились. Кто-то обхватил его за талию. Вскинув руку, он схватил Микумо за плечо.

– Миками-сан... Как вы себя чувствуете?

– Нормально.

– Вам нужно сесть.

Казалось, ее голос доносится издалека. Голова безвольно качалась вперед-назад. Миками зажмурился.

– Эй... погодите!

Кто-то повторял одно и то же, как заезженная пластинка. Когда способность видеть вернулась к Миками, он сразу заметил Исии. Глава секретариата бежал за репортерами.

– Погодите, так нельзя... тем более всем сразу! – закричал Сува.

Кто-то закричал в ответ:

– Голосование было единогласным – чего вы еще от нас ждете?

Миками отбросил руку Микумо. Единогласным?! Не может быть! Пригнувшись для равновесия, он с трудом пробирался вперед. Прищурился. Хотя ноги казались чужими, он заставлял себя идти за репортерами. Микумо пробовала его остановить, но он снова отбросил ее руку.

Спотыкаясь, он подбежал к лестнице. Не сразу ему удалось ухватить за полу пиджака кого-то из репортеров. Подняв голову, он узнал Курояму. Неужели те, что бежали впереди, уже добрались до второго этажа?

«Я этого не допущу!»

Миками обогнал Уцуки из «Майнити». Поравнялся с Ямасиной из «Таймс».

– М-миками...

Он прошел мимо, успев заметить, что на лице Ямасины застыло извиняющееся выражение. Обогнал еще одного, потом еще. Быстрее, быстрее, быстрее! Он поднялся на площадку второго этажа. Несколько человек уже ворвались в секретариат. Миками задыхался. Он победил. Победил изо всех сил и скоро догнал тех, что шли впереди. В приемную уже вошли пять или шесть журналистов. Миками сразу же заметил, что над кабинетом начальника управления горит лампа. Значит, он здесь!

Сотрудники секретариата среагировали моментально: несколько человек бросились наперерез, загораживая дверь. В такие минуты административные работники – неторопливые, холеные, в дорогих костюмах – быстро вспоминали о том, что они еще и полицейские. Миками услышал звон разбитого стекла. Аико Тода стояла точно прикованная к месту; ее чашка упала на стол и разбилась.

Миками пробирался между сотрудниками секретариата и репортерами. Перед ним снова возникло лицо Акикавы. Отставшие напирали сзади.

Если они прорвутся к начальнику, все кончено!

Миками встал у двери и раскинул руки в стороны, перегораживая им дорогу. Он лишился дара речи. Он тяжело дышал; в горле у него пересохло. Крепко упираясь ногами в ковер, он угрожающе смотрел на репортеров. Краем глаза вдруг уловил движение. Чуть повернув голову, он заметил Футаватари. Тот сидел на одном из диванов посреди комнаты и не сводил с Миками взгляда. Снова его глаза! Глаза, похожие на черные дыры, лишённые каких бы то ни было эмоций. Все продолжалось лишь секунду. Футаватари вдруг отвел взгляд в сторону, затем встал и отвернулся. Пробившись сквозь толпу репортеров, он направился к выходу и бесшумно исчез в коридоре.

«Подонки бежит от опасности!»

– Миками!

Он круто развернулся лицом к репортерам.

– Отойдите, пожалуйста, – негромко сказал Акикава. В руке он держал сложенный пополам лист бумаги – письменный протест.

– Всем вместе туда нельзя, – с трудом прошептал Миками.

Акикава вызывающе ухмыльнулся:

– Решение было принято единогласно. Мы подадим протест вместе.

– Вы утратили наше доверие, Миками! – подал голос Тэдзима, стоящий рядом с Акикавой. – Если он войдет туда один, вы, чего доброго, еще придумаете, как его наказать!

– Тише! Да тише же! – Миками был вне себя; ему казалось, что дверь у него за спиной может открыться в любую секунду.

– Войдет только один представитель – и точка. Больше я никого не пропущу.

Репортеры возмутились:

– Вы не имеете права! В конце концов, вы существуете на наши налоги! Не на наши ли деньги оплачен даже ваш ковер? Мы не нарушаем законов!

– Довольно! – не выдержал Миками. – Здесь государственное учреждение; никто не войдет туда без моего разрешения!

– Мы не обязаны вас слушать. Пропустите нас!

Словно по приказу, толпа пришла в движение. Акикаву подпирали сзади; его толкнули прямо на Миками.

– Не смейте!

Миками обеими руками отпихивал их. Почувствовал, как кто-то держит его сзади. Оказывается, Сува и остальные зашли ему за спину и помогали сдерживать натиск. Акикаву тоже подталкивали сзади. Так они боролись, но не могли сдвинуть друг друга с места.

– Прекратите!

– Прочь с дороги!

Акикава оскалился и замахнулся, метя локтем в шею Миками. Миками собирался отразить удар, но промахнулся; его пальцы схватили кусок бумаги. Послышался треск... В руках у него оказался обрывок листа.

Вторая половина осталась у Акикавы.

Вторая половина письменного протеста...

В комнате воцарилась тишина. Миками почувствовал, что больше никто не подпирает его спину. Акикаву тоже отпустили.

Он посмотрел на Акикаву, словно говоря: «Я не нарочно». Слова были излишни. Теперь решение за Акикавой... За ним и еще за двадцатью с лишним репортерами.

За спиной у Миками кто-то тихо произнес:

– Мы ничего не могли поделать... Так получилось.

Миками узнал Исии.

Акикава как замороженный смотрел на кусок листа в своей руке. Потом медленно поднял взгляд на Миками. Не спеша смял обрывок и бросил на ковер. Потом возвысил голос, в котором звучала угроза:

– Начиная с сегодняшнего дня пресс-клуб отказывается от всякого сотрудничества с полицейским управлением префектуры! Предлагаю бойкотировать предстоящий визит генерального комиссара.

Глава 20

Новости шли по телевизору без звука, знаменуя собой конец еще одного дня. Миками лежал дома, в гостиной, и рассеянно смотрел на экран. Они с Минако почти не разговаривали.

Полный провал... Унижение. Жажда мести. Раскаяние... Не в силах до конца разобраться в своих чувствах, Миками пришел в растерянность.

Слова Акикавы стали спусковым крючком. Сначала в приемной воцарился полный хаос. Затем представители прессы договорились снова устроить срочное совещание, на котором официально решили бойкотировать визит комиссара.

Акама выместил всю свою злость на Миками; таким Миками его еще не видел. Исии упал в обморок от страха и лежал, распростершись, на полу.

– Кем вы себя вообразили?! – орал Акама. – Как нам не повезло! Какой у нас слабый директор по связям с прессой!

Впрочем, освобождать Миками от занимаемой должности он не спешил. В конце концов, благодаря поступку Миками репортерам так и не удалось подать протест начальнику управления! Акама решил, что Миками порвал протест нарочно, пусть и в спешке, действуя импульсивно. То, что мятежным журналистам казалось полным варварством, Акама считал удачным ходом. Отчасти последний поступок уравнивал в его глазах длинный список прегрешений Миками.

Миками все равно казалось, что уже поздно. Он имел в виду не только письменный протест пресс-клуба. Почему Цудзюити так и не вышел тогда из своего кабинета? Ведь их разделяла всего лишь дверь. Он, должно быть, слышал шум. Вряд ли Цудзюити испугался и залез под стол от страха... Скорее он просто делал вид, будто ничего не слышит. То, что происходит за дверьми его кабинета, его не касается. Он предпочитал сохранять невозмутимость. Интересно, как ему это удастся? Наверное, дело в том, что кабинет начальника полицейского управления считался не совсем территорией префектуры. Там была территория Токио, Национального полицейского агентства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.